

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

4/2021

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2021**Ежеквартальное издание****№ 4**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории
и политике» при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории
и политике» при ИвГУ, 2021

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2021

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2021

Quarterly

№ 4

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of History,

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of History,

Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)

Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)

Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of History,

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Scientific and Educational Center “Intelligentsia and Intellectuals
in World and National History and Politics” of Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeo.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics”
of Ivanovo State University, 2021
© Ivanovo State University, 2021

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Council:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Степанов А. В.* Время студенчества как этап становления
русского интеллигента рубежа XIX—XX веков 9
- Федотов А. А., Терентьев В. В.* Место интеллигенции
в реализации национальной политики советской власти
в БССР (1950—1980 гг.) 35

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Савчук Р. А.* Секуляризация идеи Церкви
в трудах научной интеллигенции Украинской ССР
второй половины 1980-х гг. 49

ДЕБЮТ

- Бабина А. А.* Святые у трона: модели взаимодействия
святых и светской власти в латинской агиографии
IV—VI вв. 72

ДИСКУССИЯ

- Буданова И. А., Шаповалова А. С.* «Новые идеи» —
экспертный взгляд на «умную силу» России 94

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Порозов В. А.** Интеллигенты в архитектуре, или Избранные места из переписки друзей. *О книге: Футлик М. И. Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь: [б. и.], 2018. 425 с. 115*
- Самарцева Е. И.** Достойная книга о человеке достоинства. *Рец. на кн.: Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново, 2020. 340 с. 136*
- Комиссаров В. В., Соловьев А. А.** «На пользу Отечеству и благое просвещение»: Библиотечная интеллигенция и война. *Рец. на кн.: Коваль Л. М. Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны. М.: Пашков дом, 2020. 208 с. 142*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.** Летаргический сон разума: техносферно-ноосферные раздумья в эпоху деглобализации [обзор национальной научной конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России»] 150
- Аннотации и материалы для цитирования** 161
- Содержание журнала за 2021 год** 198
- Информация для авторов** 206

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Stepanov A. V.* Time of studentship as a formative stage
of a Russian intelligentsia at the turn of the XX century 9
- Fedotov A. A., Terentyev V. V.* The place of the intelligentsia
in the implementation of the national policy of the Soviet
government in the BSSR (1950—1980) 35

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Savchuk R. A.* Secularization of the idea of the Church
in the works of the scientific intelligentsia of the Ukrainian
SSR in the second half of the 1980s 49

DEBUT

- Babina A. A.* The Saints at the Throne: Models of interaction
between saints and secular power in the Latin hagiography
of the IV—VI centuries 72

DISCUSSION

- Budanova I. A., Shapovalova A. S.* "New ideas" — an expert
look at the "smart power" of Russia 94

READING AND DISCUSSION

- Porozov, V. A.** Intellectuals in architecture, or Selected places from friends' correspondence. *About the book: Futlik M. I. Bad clausura, or The Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose. Perm, 2018. 425 p.* **115**
- Samartseva E. I.** A worthy book about a man of dignity. *Review of the book: Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles / V. V. Komissarov (ed.). Ivanovo, 2020. 340 p.* **136**
- Komissarov V. V, Soloviev A. A.,** “For the Benefit of the Fatherland and good Enlightenment”: Library Intelligentsia and the War. *Review of the book: Koval L. M. Not only with weapons: The Russian State Library during the Great Patriotic War. Moscow: Pashkov house, 2020. 208 p.* **142**

SCIENTIFIC LIFE

- Smirnov G. S., Smirnov D. G.** Lethargic sleep of the mind: technosphere-noospheric reflections in the era of de-globalization [review of the national scientific conference “Global World and Noospheric Security of Russia”] **150**
- Annotations and materials for citing** **178**
- List of articles published in the Journal in 2021* **198**
- Information for authors* **206**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2021.4.1

А. В. Степанов

ВРЕМЯ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

Введение

Актуальность. На рубеже XIX—XX вв. получение высшего образования становилось в России необходимым этапом в жизни интеллигента, его своеобразной инициацией. «Студенчество — это интеллигенция в стадии ее окончательного формирования перед началом практической деятельности», — подчеркивал в 1911 г. приват-доцент Санкт-Петербургского технологического института М. В. Бернацкий¹. Вступая в ряды студентов, юноша попадал в мир отечественной интеллектуальной элиты, проходил социализацию в полиэтнической и сословной среде своих коллег, учился преодолевать бытовые трудности и личные проблемы. Изучение воздействия опыта студенчества на формирование личности интеллигента, его жизненных установок и общественной позиции дает исследователям дополнительный

© Степанов А. В., 2021

Аркадий Владимирович Степанов — кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет, pastenovas@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate professor, Ivanovo State University).

¹ К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909—10 г. в С.-Петербургском технологическом институте) / под ред. и с предисл. прив.-доц. М. В. Бернацкого и при участии д-ра Д. П. Никольского. СПб., 1911. С. V.

ключ к пониманию феномена русской интеллигенции Серебряного века.

Постановка вопроса. Цель работы — выявить главные факторы, действие которых испытывал российский студент до и во время своей учебы в высшей школе, и оценить их вклад в формирование личности молодого интеллигента. Исследование не охватывает духовные и военные академии, а также Высшие женские курсы.

Историографический обзор. Проблему связи менталитета русской интеллигенции с опытом учебы в высшей школе одним из первых поставил А. С. Изгоев на страницах сборника «Вехи» (1909)². Его крайне резкие оценки современники восприняли как выражение отчаяния от ряда эксцессов недавно пережитой революции. Скромный итог трудам отечественных интеллигентов-ведов следующих 70 лет подвела автор и по сей день не устаревшей работы В. Р. Лейкина-Свирская: по ее словам, к началу 1980-х гг. «история интеллигенции, разнородного социального слоя в капиталистической России, не получила монографической разработки в советской литературе»³. Однако представленный в цитируемой книге обзор развития русской высшей школы начала XX в. свелся, в основном, к поиску ее недостатков⁴.

Традиции критического подхода к достижениям своих дореволюционных коллег последовал и А. Е. Иванов, чья монография (1991) завершила советский этап изучения темы. «К февралю 1917 г. российская высшая школа оказалась в состоянии глубочайшего кризиса», — решительно заявил он⁵. Заметим, что в новейшей работе (2010) А. Е. Иванов рисует «мир российского студенчества» куда более позитивно⁶. Впрочем, влияние опыта студенческой жизни на формирование

² Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 185—212.

³ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 3.

⁴ Там же. С. 5—34.

⁵ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 353.

⁶ Иванов А. Е. Мир российского студенчества: конец XIX — начало XX века. М., 2010.

интеллекта А. Е. Иванов ограничивает в основном получении профессионального образования. Книга А. И. Авруса (2001)⁷, несмотря на многообещающее название, носит, по сути, характер добротного популярного очерка — ее ограниченный объем и широта хронологических рамок иного не позволяют.

Между тем, по свидетельству Е. А. Ростовцева (2009), «история российской высшей школы начала XX века в последнее время входит в число наиболее востребованных тем в научной литературе. Ее изучение помогает понять условия формирования интеллектуальной элиты страны накануне одного из самых грандиозных переломов в ее истории»⁸.

Методология и методы исследования. Исследование ведется традиционным для исторической науки методом неполной индукции — путем целевого выявления релевантных эмпирических фактов, структурирования их множества и построения на их основе объяснительных гипотез⁹. Мы стремились придерживаться принципов академической объективности и комплексного подхода к изучаемым процессам. Концептуально наше исследование строится на представлении о способности высшей школы формировать личность и взгляды ее питомцев самой своей атмосферой, всей суммой действующих факторов академической жизни¹⁰.

Источниковой базой работы служат, прежде всего, воспоминания россиян, учившихся в вузах Петербурга и Москвы в 1880—1910-е гг. Написанные и опубликованные почти исключительно в эмиграции, эти «я-документы» свободны от идеологической предвзятости советского времени. Наряду

⁷ Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М., 2001.

⁸ Ростовцев Е. А. Университет столичного города (1905—1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 205.

⁹ Теория и методология исторической науки. М., 2014. С. 127—128, 348—349; Lorenz C. History: Theories and Methods // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2nd ed. Oxford, 2015. Vol. 11. P. 132—133.

¹⁰ Bignold W. Newman and the Student: From formation to transformation // E-journal of the British Education Studies Association. 2012. Vol. 4. P. 20—33. URL: <https://educationstudies.org.uk/?p=572> (дата обращения: 15.02.2021).

с мемуарными источниками, привлекались материалы студенческих опросов, проведенных в 1900-е гг. на достаточно высоком для своего времени научном уровне, а также сообщения столичной и провинциальной прессы России 1905—1910 гг.

Основная часть

Вступление в студенчество

Поступлению русского юноши в вуз предшествовала учеба в средней школе, где действовали стеснительные для взрослому подростка запреты и ограничения. Так, для контроля «за поведением учеников внутри и особенно вне учебного заведения» в штат казенных гимназий включалась должность надзирателя¹¹. Тем более разительным для молодого человека оказывался контраст с порядками, которые он встречал в высшей школе.

А. Н. Наумов (1868—1950), учившийся в Московском университете в 1880-е гг., вспоминал: «Бросается в глаза огромная разница в условиях учения в гимназиях и затем университетского. Строгость, требовательность и бдительный надзор, которые мы испытывали в средней школе, с переходом в университет как бы обрывались. Молодые люди фактически освобождались от какой-либо опеки и предоставлялись сами себе»¹². Наумову почти дословно вторил другой московский университет Н. И. Астров (1868—1934): «Тут — полная свобода, сознание всей полноты всех прав и... и, кажется, никаких обязанностей? И это после гимназии, где не было никаких прав и одни только обязанности!»¹³ Сравнивая свою былую радость от окончания гимназии с тем, что он испытал после выпуска из университета, В. Ф. Романов (1874—1929) замечал: «Студенческая жизнь была так свободна, столь мало стеснена какими-либо формальностями, присущими гимназиям, что радоваться окончанию этой жизни было, очевидно, нечего»¹⁴.

¹¹ Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. [СПб.], [1901]. С. 20.

¹² *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 90.

¹³ *Астров Н. И.* Воспоминания. Т. 1. Париж, 1941. С. 195.

¹⁴ *Романов В. Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874—1920 гг. СПб., 2012. С. 66.

Д. А. Засосов (1894—1977) поступил в Петербургский университет уже в начале 1910-х гг., но и он впоследствии недоумевал: «В гимназии была строгая дисциплина, а здесь — никакой. Никто за порядком не наблюдал, никто ничего не требовал. Было непонятно: почему тому же человеку, который только что был должен следовать строгой школьной дисциплине, теперь, названному студентом, сразу предоставлена такая свобода»¹⁵.

Можно предположить, что превращение вчерашнего школяра в студента оказывало на юношу стойкий «эмансипирующий» эффект. Оставшаяся за плечами гимназия могла теперь казаться миниатюрной моделью нынешней русской жизни, «стесненной чиновничьим произволом», а вновь обретенная академическая вольность — тем идеалом человеческой свободы, к которому вся страна должна прийти в скором будущем. «Как почти вся интеллигенция начала века, мы ощущали русскую историю “профетически”, как грядущую революцию», — признавался философ Ф. А. Степун¹⁶.

Показательны воспоминания В. А. Оболенского, который учился в Петербургском университете не в самое либеральное время (1887—1891 гг.): «Окончание гимназии и поступление в университет ощущались мною как внутренний революционный переворот с внезапным переходом от неполноправного состояния к свободной жизни. Ни до поступления в университет, ни после я не переживал столь глубокого психологического переворота»¹⁷.

Между тем, обрести статус студента было не столь уж легко. Прежде всего, юноше предстоял выбор учебного заведения. Эту задачу затрудняло, среди прочего, то обстоятельство, что даже в 1900-е гг. родители большинства абитуриентов сами не имели высшего образования. Например, по данным опроса 2150 московских универсантов (1904 г.), лишь 26 % их отцов и 5,6 % матерей в молодости окончили университет, институт

¹⁵ Засосов Д. А., Пызин В. И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков. М., 2003. С. 221.

¹⁶ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. С. 80.

¹⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 67.

или высшие женские курсы, тогда как ограничились «домашним образованием» или не получили никакого, соответственно, 20 % и 43 % родителей¹⁸. Поэтому дать грамотный совет своим сыновьям их близкие могли далеко не всегда. В ходе того же анкетирования в Московском университете на вопрос о том, влияла ли семья на выбор факультета, почти 84 % респондентов ответили отрицательно¹⁹.

Иные интеллигентные родители старались не навязывать своим детям будущую профессию. Результатом столь либерального подхода могли стать мучительные метания юноши. Сын медика Н. Астров вспоминал, как тяжело искал стезю его младший брат Александр: сначала пошел в Горный институт в Петербурге, но, проучившись год, перевелся на медицинский факультет Московского университета. Однако и там Александру не понравилось; в итоге он окончил Высшее Техническое училище и впоследствии сделал там блестящую научную карьеру²⁰.

Сам Николай Астров в 1888 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Вспоминая те годы, он признавал: «Сравнительно небольшое число студентов шло на этот факультет по призванию, по ясно выраженному желанию изучать право. Факультет выбирался многими как самый легкий, как дающий общее образование». Интересно и другое наблюдение Н. Астрова: большинство его однокурсников выбрало факультет «путем отрицания: филология надоела в гимназии, математику не люблю, естественных наук не знаю. Остается юридический факультет. Поступлю на него, а там видно будет»²¹.

Сын провинциального помещика С. П. Тимошенко, приехав в 1896 г. в столицу, подал прошения в два разных института: Инженеров путей сообщения и Гражданских инженеров. «Особенно интересовался первым, но решил, что, если на экзамене провалюсь, то буду архитектором, это тоже казалось интересным», — вспоминал он²². Другой юный провинциал — сын

¹⁸ Членов М. А. Половая переписка московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Астров Н. И. Указ. соч. С. 188—190.

²¹ Там же. С. 191.

²² Тимошенко С. П. Воспоминания. Париж, 1963. С. 34.

муромского коммерсанта В. К. Зворыкин — в 1906 г. поступал в Технологический институт, но, пока ждал зачисления, чуть было не стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета²³.

Заметим, что среди называемых мемуаристами резонов выбора вуза («казалось интересным», «нравится», «там легко учиться» «куда же еще идти, кроме...») не встречаются мотивы корысти или желания юноши сделать успешную карьеру. Лишь Н. Астров в конце списка возможных причин выбора юридического факультета называет «хороший заработок “дядюшки-адвоката”»²⁴. По данным опроса, проведенного в 1909 г. среди студентов столичного Технологического института, поступили в него «по призванию» 50 % респондентов, «по призванию и материальным соображениям» — 18 %, исключительно «по материальным соображениям» — 9 %. При этом еще 20 % студентов признались, что выбрали этот институт случайно²⁵.

Иных молодых людей приводила в благоговейный трепет уже сама обстановка университета. Н. П. Анциферов вспоминал, как 18-ти лет от роду впервые посетил Петербургский университет: «Я рвался к новой жизни. И вратами в эту жизнь был университет. С каким трепетом я, недоучившийся гимназист, вступал в его стены! Я стоял на перемене в коридоре и искал глазами профессоров, медленно покидавших аудитории. Ведь это шествие богов в Валгалле!»²⁶ Столь же возвышенные чувства вызывал университет у В. Ф. Романова: «В университет я, как и все мало-мальски вдумчивые юноши с гимназической скамьи, поступал с известной долей благоговения и надежды, что там нам откроется ряд истин. Романтическое воспитание окрашивало предстоящие занятия в университете в романтические краски»²⁷.

²³ Iconoscope. An autobiography of Vladimir Zworykin. Princeton, 1971. P. 19. URL: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html> (дата обращения: 15.02.2021).

²⁴ Астров Н. И. Указ. соч. С. 191.

²⁵ К характеристике современного студенчества... С. 30.

²⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 130.

²⁷ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 49.

К сожалению, и подобные идеализированные представления о вузе как «храме науки»²⁸, и необдуманный выбор учебного заведения могли в будущем обернуться неудовлетворенностью своей профессией и, шире говоря, всей жизнью, чем нередко страдали русские интеллигенты. Видимо, о таких образованных неудачниках писал в 1903 г. осведомленный публицист, скрывшийся за псевдонимом П. Иванов: «Уставший, плохо работающий, скучающий — таков универсант, подвигающийся на территории России. Иногда хорошие порывы, но неумение добиваться желаемого, мало настойчивости и вечная рефлексия — вот характерные черты интеллигентов»²⁹.

Следует учесть, что стать студентом в ряде случаев было не так-то просто. Во многих институтах перед зачислением абитуриентов возникал конкурс, подчас весьма высокий. Так, В. Зворыкин утверждал, что в 1906 г. на одно место в Технологическом институте претендовали десять человек³⁰. Десятью годами ранее выпускник реального училища С. Тимошенко, поступая в Институт инженеров путей сообщения (ИИПС), должен был сдать по пять письменных и устных экзаменов, а также «исполнить рисунок и показать знание немецкого языка»³¹. В один год с Тимошенко на 150 студенческих вакансий в ИИПС подали заявления 700 абитуриентов³².

Составитель «Справочника по высшему образованию» (1911) киевский инженер Д. Марголин обещал, что на вступительных экзаменах в институтах «никакого “сбивания”, никаких фокусных вопросов, о которых ходят в обществе слухи, не практикуется»³³. Однако нервная обстановка конкурса, экзаменаторы с высокими учеными степенями, незнакомые залы, где

²⁸ *Анциферов Н. П.* Указ. соч. С. 155; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881—1914. М., 2016. С. 21.

²⁹ *Иванов П.* Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы: Очерки. 2-е изд. М., 1903. С. 285.

³⁰ *Iconoscope.* P. 19.

³¹ *Тимошенко С. П.* Указ. соч. С. 34.

³² Там же. С. 37.

³³ Справочник по высшему образованию: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России / сост. Д. Марголин, 2-е изд. Киев, 1911. С. 363.

шли испытания, — все это оказывалось суровым стресс-тестом для юноши. Тем более весомым становилось в случае успеха его первое во взрослой жизни самостоятельное достижение. С другой стороны, убеждаясь, что, в отличие от иных гимназий, экзамены в вузе — это честная игра, молодой человек укреплялся в вере в справедливость, которая отличала нашу интеллигенцию.

Поступление в университет или институт зачастую требовало переезда в один из первых отечественных мегаполисов: Петербург, Москву, Одессу, Киев. Русский студент Серебряного века почти всегда оказывался «провинциалом в столице». Например, опрос московских университетов в 1904 г. показал, что почти каждый пятый из более чем 2 тыс. респондентов родился в деревне, примерно столько же — в небольших городках, а еще 40 % происходили из городов среднего размера³⁴.

На такой поворот в судьбе будущего интеллигента следует обратить особое внимание. Дело в том, что разница в образе жизни между уездными и даже губернскими городами, с одной стороны, и ведущими центрами высшего образования, с другой, была не количественной, а качественной: это были два разных мира. С. Тимошенко, на своем веку побывавший, среди прочего, во многих мегаполисах США, даже в старости помнил впервые увиденный им Петербург: «Все было ново для меня. Улицы с торцевой мостовой, большие окна магазинов, огромные здания, каких никогда раньше не видал. После маленького Ромна все было таким интересным»³⁵. Киевлянину В. Романову в смысле первого знакомства с Петербургом особенно повезло: он приехал в столицу 30 августа 1894 г., когда та была празднично иллюминирована по случаю тезоименитства императора Александра III: «Нарядным праздничным видом табельного дня город произвел на меня громадное впечатление; с первого же дня я полюбил его»³⁶.

Москва производила на уроженца отечественной глубинки не менее сильное впечатление. А. Кизеветтер помнил его и спустя почти столетия: «Мне показалось, что я попал в какое-то вавилонское столпотворение. Все дурманило меня,

³⁴ Членов М. А. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 36.

³⁶ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 52.

привыкшего к сонной тишине провинциального медвежьего угла. Сердце билось радостно. Какой-то новый, неведомый мир, полный движения и красок, готов был раскрыться перед моими взорами. Было такое чувство, словно я из тихого затончика выбежал на легком челноке в необозримое море, было предчувствие, что это море сулит мне и радости, и бури»³⁷. «Многошумная и многокрасочная Москва», даже сохранявшая в 1880-е гг. немало черт «большой деревни», зачаровала вчерашнего жителя Оренбурга «сразу и на всю жизнь».

Можно предполагать, что, становясь студентом, русский провинциал рубежа XIX—XX вв., не покидая своего реального времени, словно бы перемещался из полудеревенского настоящего глубинной России в ее урбанистическое будущее. Не отсюда ли проистекала вера в общественный прогресс (Д. Шалин, 2012)³⁸, которой отличалась отечественная интеллигенция?

Большой город — большие искушения. А. И. Фенин признавался: «Начальные годы студенчества были принесены в жертву полученной самостоятельности. Вылетев в 18 лет из родного гнезда в заманчивую, полную соблазнов сутолоку Петербурга, многие из нас проводили время в праздном шатании, часто в трактирах, и, что греха таить, за водочкой»³⁹. Эти слова почти дословно повторял Н. Астров: «Для многих (студентов. — А. С.) первый год пропал целиком. Особенно трудно давалось это испытание на свободный труд для приехавших из провинции. Перед ними Москва широко раскрывала все свои соблазны»⁴⁰. Поступивший в 1887 г. в Московский университет из «сонного города» Симбирска А. Наумов свидетельствовал: «В бытность мою на первом курсе мы, молодежь, почувствовавшая себя вольными студентами, изо дня в день втягивались в водоворот праздной, легкомысленной уличной жизни большого города со всеми его соблазнами»⁴¹.

³⁷ *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 3, 4.

³⁸ *Shalin D. N.* Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia. Las Vegas, 2012. P. 4. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (дата обращения: 15.02.2021).

³⁹ *Фенин А. И.* Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883—1906 гг.). Прага, 1938. С. 16.

⁴⁰ *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 195.

⁴¹ *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 97.

Выстоять, находясь вдали от семьи, перед искушениями мегаполиса и успешно пройти курс наук — вот важная часть процесса становления русского интеллигента. В полной мере это мало кому удавалось. По данным студенческих опросов 1900-х гг., примерно две трети респондентов хотя бы временами употребляли спиртные напитки (в Томском и Юрьевском университетах — свыше 70 %), а около половины, не исключая медиков, курили⁴².

Воспитание обучением

В отличие от средней школы, дореволюционные российские вузы не ставили себе задачу *воспитывать* своих питомцев, т. е. формировать их личность, характер, жизненные установки: студенты почитались взрослыми, уже сложившимися людьми. Целью трудов преподавателей высшей школы было только *обучение* молодежи, т. е. передача профессиональных знаний, умений и навыков. Однако сам процесс обучения тоже был способен воспитывать юношей, вырабатывать у них человеческие качества, которые устойчиво сохранялись в дальнейшей, «послестуденческой» жизни.

Студенты Серебряного века сохранили память о многих своих наставниках. В этих мемуарах редко встречаются жалобы на некомпетентность преподавателей, которую бы замечала их аудитория. Бывшие студенты сетовали, главным образом, на сухость изложения материала, на отсутствие в лекциях «таинственного огня творческого подъема изложения, могущего зажечь аудиторию»⁴³. (Заметим в скобках, что подобное требование представляется нам все же несколько завышенным).

Общее впечатление студентов от лекций преподавателей чаще было положительным. Например, В. Романов вспоминал, что после лекции киевского правоведа Н. К. Ренненкампа слушатели провожали его овацией. Устав университета это запрещал, но «удержаться от аплодисментов не было возможности, с такой талантливостью, так захватывающе ярко, ясно и образно преподносил профессор различные теории права

⁴² К характеристике современного студенчества... С. 81, 83.

⁴³ *Фенин А. И.* Указ. соч. С. 32.

и государственно-общественного строя». Лекции Ренненкампа были сильны не только эмоциональным зарядом: на них студенты «впервые приучились мыслить и работать положительными научными методами»⁴⁴.

Не склонный идеализировать своих учителей, питомец «Горного гнезда» А. Фенин с теплотой отзывается о профессоре механики И. А. Тиме, «неизменно внимательном и доброжелательном к нам, точном и понятном в своей науке. К нему мы относились доверчиво, его предмет старались учить и знать». Рассказывая о другом профессоре — геологе И. В. Мушкетове — Фенин признается, что надолго сохранил «почти влюбленную память» к нему и его предмету⁴⁵.

Восторженные воспоминания о курсе лекций В. О. Ключевского в Московском университете оставил А. Кизеветтер: «Этот курс неотразимо пленял необыкновенным сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения»⁴⁶.

В последней четверти XIX в. в программу высшей школы стали вводиться практические занятия. Подчас они оказывались более полезными для студентов, чем теоретические лекции. Например, В. Романов высоко ценил семинары приват-доцента Тимофеева, на которых студенты разыгрывали в лицах реальные судебные дела: «Такие занятия приучают студентов говорить публично и владеть собою при возражениях. За время пребывания в Университете многие, живя скромной замкнутой жизнью и не бывая в обществе, совершенно отвыкают говорить, так как им не приходится отвечать уроков, как в гимназии; на экзаменах конфузятся, теряются. Между тем, для юриста умение говорить — обязательное условие его профессии»⁴⁷. По свидетельству А. Наумова, к подобному приему в 1880-е гг. прибегал на семинарах и приват-доцент Московского университета Викторский⁴⁸. Н. Астрова увлекали занятия профессора И. И. Янжула:

⁴⁴ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 50—51.

⁴⁵ Фенин А. И. Указ. соч. С. 31.

⁴⁶ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 41.

⁴⁷ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 58—59.

⁴⁸ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 87.

«Его семинары проходили очень оживленно. Он, несомненно, будил мысль. Может быть, более, чем другие профессора, он вызывал инициативу и побуждал к действию»⁴⁹.

Сильное воспитательное действие на студентов оказывало их участие в работе научных кружков и обществ, действовавших в некоторых вузах. А. Кизеветтеру запомнились заседания Юридического общества Московского университета. Одно лишь наблюдение за тем, как корректно руководил ими председатель общества профессор С. А. Муромцев, «раскрыло мне многое в понимании существа общественной работы. <...> Возвращаясь домой с этого заседания, я как-то сразу почувствовал, что во мне прибавилось общественной зрелости», — вспоминал Кизеветтер⁵⁰.

Студенты технических вузов во время летних каникул проходили учебную практику, которая знакомила их с жизнью за пределами академического мира. Например, путеец С. Тимошенко летом 1899 г. работал на строительстве Волчанск-Купьянской железной дороги. Жил практикант в имении местного помещика, расплачиваясь за стол и кров уроками математики его сыну. «Думаю, нигде, кроме России, нельзя было наблюдать таких контрастов, — вспоминал Тимошенко. — Днем видишь нужду крестьянской жизни, невежество и дикость рабочих на стройке, а вечером в помещичьем доме — последние французские романы из Парижа, Шопен, Бетховен...»⁵¹

В. Зворыкин за время четырех летних каникул прошел практику на железной дороге, сталелитейном заводе, электростанции и в институтской лаборатории. Работа каждый раз не ограничивалась пассивным наблюдением. Так, на железной дороге Зворыкину пришлось потрудиться кочегаром («это была очень скучная, тяжелая и утомительная работа — кидать уголь под котел по восемь и более часов в смену»); затем, сдав ряд зачетов, он стал помощником машиниста и, наконец, машинистом маневрового паровоза⁵².

⁴⁹ Астров Н. И. Указ. соч. С. 197.

⁵⁰ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 19.

⁵¹ Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 50.

⁵² Iconoscope. P. 26.

Важно отметить, что в студенческих мемуарах не встречаются описания конфликтов между профессорами или слухи о неблагоприятных историях в академическом мире, тем более — примеры морально сомнительных поступков преподавателей. Никто из них в присутствии студентов не ругал коллег или начальство, не делал юношей участниками или, того хуже, — жертвами внутрикorporативных интриг. Преподаватели вуза могли быть хорошими или посредственными, но слово «взятка» применительно к ним не звучало даже в студенческой курилке. Шпаргалки и прочие школярские уловки остались в гимназическом прошлом; даже те, кто прогуливал лекции, пользуясь академической свободой, ко времени экзаменов старались вызубрить материал хотя бы на «удовлетворительно».

Редчайшими примерами того, как студенты обманывали экзаменаторов, можно назвать случаи, описанные В. Зворыкиным и А. Фениным. На втором курсе Зворыкин узнал, что богатые студенты-технологи покупают у смотрителя институтского архива чертежи зачтенных проектов прошлых лет и заказывают с них копии. Зворыкин (по его словам) вынес вопрос об этом на студенческую сходку; прослышав о ней, администрация института закрыла доступ в архив и уволила смотрителя. Показательно, что, хотя среди однокашников Зворыкина его поступок вызвал немало споров, доходивших до потасовок, «большинство студентов согласилось, что это было правильным шагом и бесчестная практика с чертежами должна быть прекращена»⁵³.

«Чертежная» история А. Фенина скорее комична, чем пафосна. Его сокурсник попросил своего брата-инженера «рассчитать и вычертить за него проект к выпускному экзамену». Получив от брата рулон ватмана, парень «по небрежности и лени» даже не развернул его и поспешно сдал профессору И. А. Тиме. Злосчастный лентяй «чуть не упал в обморок, когда на экзамене увидел чертеж, сделанный только в карандаше, с надписью брата: “Надоело! Черт с тобой, обводи тушью сам” и приписку красными чернилами бисерным почерком Тиме: “К кому, собственно, это относится?”»⁵⁴

⁵³ Iconoscope. P. 22—23.

⁵⁴ Фенин А. И. Указ. соч. С. 31.

Испытание бытом

Жизнь иногороднего студента в мегаполисах Российской империи была, как правило, нелегка. Ее качество зависело, прежде всего, от тех средств, которыми юноша располагал. Д. Марголин утверждал, что минимально достаточный бюджет студента составлял 25 руб. в месяц: «На эти деньги можно про-существовать сносно, не отказывая себе в самом необходимом, но не позволяя, конечно, ничего лишнего. В сумму 25 рублей входят плата за комнату, освещение, обед, чай, сахар, булка, бан-ня, мойка белья, трамвай, но не входят расходы чрезвычайные, например обувь, платье, книги, принадлежности черчения»⁵⁵. Мемуарист 1970-х годов (и петербургский универсант 1910-х) подтверждает правоту киевского инженера⁵⁶. Те же 25 руб. в ме-сяц, по свидетельству В. Ф. Ходасевича, в 1900-е гг. получал из дома его знакомый — «бедный студент» Московского универ-ситета, сын рыбинского купца⁵⁷.

С этой цифрой согласен и публицист П. Иванов: в 1903 г. 25 руб. в месяц было суммой, которую получало от родителей большинство живших в Москве иногородних студентов; такую же обычно была стипендия от земств. Главные статьи расходов, по Иванову, таковы: 11 руб. за комнату («довольно скверную, где можно спать и изредка заниматься, если позволят соседи и холод — эти два неизменных спутника студенческих квартир») и 7,5 руб. за «полусытные и нездоровые обеды в кухмистер-ских»⁵⁸. Общий итог рассуждений П. Иванова безрадостен: «Прислуге богатых или даже средних москвичей живет-ся гораздо лучше, чем бедным или средним студентам»⁵⁹.

Петербург 1910-х гг. дороговизной не уступал Москве: «Полный пансион вместе с комнатой дешевле 20 рублей было не найти»⁶⁰, — вспоминал Д. А. Засосов. В 1909 г. питерский

⁵⁵ Справочник по высшему образованию. С. 491.

⁵⁶ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 224.

⁵⁷ Ходасевич В. Ф. Некрополь: Воспоминания. Париж, 1976. С. 100—101.

⁵⁸ Иванов П. Указ. соч. С. 3—5.

⁵⁹ Там же. С. 7.

⁶⁰ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 226.

технолог с горьким юмором так описал в анкете снимаемую им комнату: «У хозяев (квартиры. — А. С.) двое детей и много тараканов»⁶¹. Неудивительно, что, подводя итог этой анкете, М. Бернацкий сетовал: «И теперь, с не меньшим, если не с большим правом, допустимо трактование понятий “студент” и “бедняк” как синонимических»⁶².

Бедным студентам помогали благотворительные организации, но их ресурсы были невелики, а пособия выдавались с условием возврата. В начале 1910 г., обзревая положение дел в одном таком московском обществе, получившем 400 прошений о помощи, газета «Русское слово» тревожилась: «При наличных средствах Общества могут быть удовлетворены только “крайне нуждающиеся”»⁶³. Аналогичная картина наблюдалась тогда и в Казани. Анонсируя благотворительный вечер в пользу недостаточных студентов местного ветеринарного института, городская газета указывала, что мероприятие вызвано необходимостью «поддержать их существование, ибо касса общественности пуста. Нужда заставляет многих из них не только обходиться обедом через день, но подчас быть и вовсе без обеда»⁶⁴.

Такова была изнанка относительной дешевизны высшего образования в России, по крайней мере — в государственных вузах. За год учебы в университетах Москвы, Петербурга или Киева со студента причиталось 50 руб. (как за год занятий в казенной гимназии); столько же стоил учебный год в Электротехническом и Технологическом институтах столицы. Институт гражданских инженеров взимал за год 75 руб.⁶⁵ Плата вносилась по семестрам; часть обучающихся — пусть и незначительная — от нее освобождалась⁶⁶. Универсанты могли обратиться за стипендией Министерства народного просвещения, но за каждый год ее получения дипломированному специалисту предстояло

⁶¹ К характеристике современного студенчества... С. 54.

⁶² Там же. С. VIII.

⁶³ Русское слово. 1910. 6 февр.

⁶⁴ Камско-Волжская речь. 1910. 17 февр.

⁶⁵ Справочник по высшему образованию. С. 37, 39, 44, 158, 161.

⁶⁶ Новейший путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1911. С. 167, 170.

отработать полтора года «по назначению правительства»⁶⁷. Все это неизбежно привлекало в высшую школу юношей из весьма небогатых семей. Так, при опросе студентов Московского университета в 1904 г. две трети респондентов определили свою материальную обеспеченность как «среднюю», а еще 20 % назвали себя необеспеченными⁶⁸.

Разумеется, не только образовательные, но и житейские «траектории» студентов могли быть весьма различны. И в 1880-е гг., и позднее, в университетах встречались студенты-«академисты» — отпрыски состоятельных родителей (как правило — чиновных). Они носили форменные сюртуки индивидуального пошива на белой подкладке и полагавшиеся к ним «длинные шпаги золингеновского клинка», а в холодную пору — «николаевские шинели с мягким бобровым воротником»⁶⁹. После событий 1905—1907 гг. академисты-«белоподкладочники» стали даже более заметными, чем прежде; подчас они смыкались с политическими партиями правонационалистического толка⁷⁰. Встречая в аудиториях таких однокурсников, иные «становящиеся интеллигенты» получали еще один аргумент в пользу неустаревающих мечтаний о социальной справедливости и в то же время невольно усваивали урок терпимости к чужим и чуждым политическим взглядам.

Бедным студентам приходилось на личном опыте постигать науку борьбы за существование, избавляться от прежних барских привычек, «становиться на ноги» еще в стенах *alma mater*. Каков был, например, хлеб репетитора, живущего в доме родителей своего ученика, описал П. Н. Милюков: его поселили в проходной комнате, прислуга ему «тыкала», а хозяйка накричала на него только за то, что Павел без спроса взял свежую газету⁷¹. Между тем, «давать уроки» считалось для студентов столь естественным занятием, что мемуаристы вспоминают о нем

⁶⁷ Там же. С. 169.

⁶⁸ Членов М. А. Указ. соч. С. 29.

⁶⁹ Астров Н. И. Указ. соч. С. 191—192; Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 245; Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 35—37.

⁷⁰ Gilbert G. Revolt from the Right // *European History Quarterly*. 2017. Vol. 47, iss. 1. P. 32—54.

⁷¹ Милюков П. Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 67—68.

мельком, как о чем-то малозначимом и не требующем пояснений⁷². По данным опроса 1904 г. среди московских универсантов, свыше 30 % респондентов подрабатывали уроками; при этом более 60 % опрошенных «давали уроки» уже в средней школе⁷³. Анкета питерских студентов-технологов 1909 г. показала, что из 273 респондентов, имевших работу, 155 человек зарабатывали именно уроками⁷⁴.

Утешением в трудностях студенческого быта могло служить, вероятно, лишь одно соображение. «В то время в России люди с высшим образованием обыкновенно без труда находили занятия. Каждый студент знал, что, окончив школу, он сможет устроиться», — утверждал С. Тимошенко⁷⁵. Впрочем, и это не было безусловным правилом. На исходе лета 1910 г. казанская газета была тревогу: «Ввиду большого выпуска на историко-филологическом факультете (местного университета. — А. С.) из окончивших курс 150 человек многие остались без места. Некоторые, даже сдавшие государственные и вновь введенные учительские экзамены, до сих пор не получили назначения, хотя в средних учебных заведениях уже почти везде началось учение»⁷⁶.

Искушение «общественностью»

На рубеже XIX—XX вв. высшая школа России начала приходить в движение. «Университетские волнения» и «академические забастовки» стали важным элементом общественной жизни страны, просыпающейся от гражданского застоя. В конце 1880-х гг., вспоминал А. Кизеветтер, когда «на всех слоях мыслящей интеллигентной Москвы тяготело ощущение тяжелой придавленности, какой-то никчемности существования, суженности жизненного горизонта», только «студенческие истории» (на наш взгляд, бывшие не более чем задержанием усиленными

⁷² *Астров Н. И.* Указ. соч. С. 206; *Тимошенко С. П.* Указ. соч. С. 50; *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867—1917. Нью-Йорк, 1945. С. 68.

⁷³ *Членов М. А.* Указ. соч. С. 30, 42.

⁷⁴ К характеристике современного студенчества... С. 62.

⁷⁵ *Тимошенко С. П.* Указ. соч. С. 47.

⁷⁶ Камско-Волжская речь. 1910. 31 авг.

нарядами полиции участников незаконной сходки в стенах университета) нарушали «тишь да гладь общественной жизни», «казались своего рода громом в ясном небе»⁷⁷. Десятью годами позже новая волна студенческих выступлений — массовых и хорошо скоординированных — стала еще заметнее для властей и общества, вернула учащейся молодежи роль передового отряда «освободительного движения».

Эти события не могли не повлиять на менталитет нового, «пост-народнического» поколения отечественной интеллигенции. Многим студентам пришлось столкнуться с общественной борьбой, вторгавшейся в стены храмов науки; кто-то вкусил славы вожака горячей молодежной массы, кто-то поплатился за это свободой, здоровьем или карьерой.

Первопричиной активности студентов, по сути, было их стремление явочным порядком осуществить гражданские свободы, которых в ту пору были лишены российские подданные: свободу слова, собраний и демонстраций. Нередко власти сами давали повод для подобных акций. Так, с введением университетского устава 1884 г. под запрет попали безобидные землячества, служившие в основном целям материальной взаимопомощи. По словам А. Н. Наумова, запрет внес «значительное потрясение в весь уклад внеучебной жизни студенчества, вызвав в огромном его большинстве острое недовольство»⁷⁸. В 1887 г. студент Московского университета дал публичную пощечину инспектору этого вуза, усиленно искоренявшему землячества⁷⁹. Такой по сути хамский поступок универсанты встретили демонстрациями поддержки. Разгонять их, вместе с городскими, послали казаков; начались аресты. Тогда студенческие волнения перекинулись на другие университеты России. В конце 1887 г. власти закрыли их; через месяц университет в Москве возобновил занятия, но седьмую часть студентов к ним не допустили⁸⁰.

Новый взрыв студенческого движения произошел в феврале 1899 г. почти по той же схеме. В Петербурге казаки разогнали нагайками мирное (но незаконное) шествие универсантов

⁷⁷ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 20, 29—30, 32.

⁷⁸ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 71.

⁷⁹ Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 34—35.

⁸⁰ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 75—81.

с корпоративного праздника; в ответ вспыхнула забастовка во многих вузах сначала столицы, а затем и России⁸¹. В Институте инженеров путей сообщения сама администрация на время прекратила учебные занятия, дала страстям молодежи поутихнуть и возобновила работу; «никто из студентов Института за забастовку не пострадал»⁸².

В годы студенчества сочувствовавшему левым С. Тимошенко «приходилось иногда хранить их литературу или участвовать в приготовлении их резолюций и воззваний, с которыми часто был не вполне согласен. Обращения к рабочим, где возбуждалась ненависть к владельцам, к буржуазии, мне совсем не нравились». Вероятно, под влиянием такого опыта Тимошенко решил «не отдавать всю свою энергию общественным делам и политике, как предполагали делать кое-кто из моих товарищей левого направления»⁸³.

Взгляд «с другой стороны» на беспорядки 1899—1901 гг. в Институте инженеров путей сообщения представил его инспектор А. А. Брандт. Когда в 1899 г. «путейцы» забастовали, ему сразу стало «совершенно ясно, что нельзя заставить заниматься, раз этого не желает огромное большинство»⁸⁴. Когда страсти поутихли, Брандт в тайне от полиции и в нарушение закона разрешил провести в библиотеке института собрание студенческих вожаков Петербурга, которое после долгих споров решило прекратить забастовку⁸⁵.

Вспоминая события начала 1900-х гг., А. Брандт указывал, что практиковавшееся Министерством народного просвещения отчисление студентов за организацию сходок было только «на руку крайним революционным партиям, так как студенты, выброшенные из университетов, пополняли кадры этих партий»⁸⁶. В стенах ИИПС инспектор Брандт сходки допускал и даже

⁸¹ Cassow S. D. Students, Professors and State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 91—102.

⁸² Тимошенко С. П. Указ. соч. С. 55.

⁸³ Там же. С. 56.

⁸⁴ Брандт А. А. Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 9.

⁸⁵ Там же. С. 10.

⁸⁶ Там же. С. 12.

требовал от всех студентов являться на них; однако обязательным было и его требование к меньшинству участников сходки безусловно подчиняться воле большинства⁸⁷. Так, пусть и не в самой подходящей обстановке, молодежь на практике постигала азы демократического самоуправления.

Подобно С. Тимошенко, В. Романов познакомился с общественным движением еще в средней школе, и уже тогда проникся к нему неприязнью. Руководитель тайного кружка киевских старшеклассников напомнил ему гимназического законоучителя: «Ханжеством, лицемерием, мертвой схоластикой повеяло на меня», — вспоминал Романов⁸⁸. Став студентом и понаблюдав новые проявления «общественности», он не изменил своего мнения: «Различные манифестации на улицах сопровождались обычно таким тупым озверением лиц у вожаков, такими грязными ругательствами, что уже одна их внешняя сторона возбуждала отвращение»⁸⁹. Итог наблюдений В. Романова оказался отчасти парадоксальным: «Студенческие организации сыграли для меня такую же роль, как гимназический формализм и лицемерие; гимназии я обязан был отвращением от религии и власти, студенчеству — от какого бы то ни было политиканствующего, в особенности утопического, либерализма, от партийной предвзятости»⁹⁰.

В. Зворыкин попал в гущу студенческого движения уже на первом курсе, осенью 1906 г., когда здание Технологического института на несколько дней оцепила полиция. Это испытание закончилось благополучно, и занятия в институте возобновились⁹¹. В дальнейшем Зворыкин продолжал участвовать в студенческом движении и в 1907 г. даже побывал под арестом за распространение листовок по поводу выборов во вторую Государственную Думу. Но и тюрьма оказалась скорее приключением, чем наказанием. Сокамерниками Зворыкина были его же одноклассники; «все мы немедленно стали героями. Остальные студенты постоянно поддерживали с нами контакт, и почти

⁸⁷ Там же. С. 13.

⁸⁸ Романов В. Ф. Указ. соч. С. 59.

⁸⁹ Там же. С. 60.

⁹⁰ Там же. С. 61.

⁹¹ Iconoscope. P. 20.

каждый день чья-нибудь «невеста» посещала нас, чтобы принести конфеты, письма и т. п.»⁹².

Не будет преувеличением утверждать, что «студенческие истории» с подобным благополучным финалом не столько внушали их участникам уважение к закону, сколько демонстрировали слабость властей и поддерживали в сознании части «становящихся интеллигентов» надежду на скорую смену государственного строя России. При этом другая часть их одноклассников — не обязательно более зажиточная — выносила из своего опыта «общественности» нечто прямо противоположное: неприязнь (если не ненависть) ко всякого рода самозванным вожакам и их революционным идеям. Бравирующий своими связями с нелегальным миром студент подчас оказывался недобросовестной личностью с карьеристскими устремлениями⁹³.

«Простой народ», от имени которого любили выступать левые радикалы, также нередко отвергал юных борцов за свободу. В 1880-е гг. грозю московских универсантов были приказчики мясных лавок Охотного ряда. По воспоминаниям А. Кизеветтера, «как только вспыхивали студенческие волнения, охотнорядцы рвались в бой и засучивали рукава», поскольку думали, что «“господа” бунтуют против начальства за то, что царь отменил крепостное право». В ту пору в Москве «Охотный ряд и университет были Рим и Карфаген», — иронизировал Кизеветтер⁹⁴.

Антагонизм студенчества и мещанства ярко проявился в «дни свободы», наступившие после издания Манифеста 17 октября 1905 г. Тогда столичная газета поместила следующее письмо своего читателя Е. Болхонцева: «18 октября с 10 часов вечера и до 2 часов ночи толпа торговцев Сенной площади при участии дворников некоторых домов и сочувствии городских производила систематическое избивание студентов, имевших несчастье проходить и проезжать через эту площадь. Студенты, проезжавшие на извозчиках, догонялись, вытаскивались из экипажей и избивались до бесчувствия. Таким образом избито было до 50 человек»⁹⁵. Другая питерская газета в тот же день

⁹² Ibid. P. 21—22.

⁹³ Ibid. P. 23.

⁹⁴ *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 8.

⁹⁵ Петербургский листок. 1905. 22 окт.

сообщала из Москвы: «Вчера студентов били везде, где они попадались»⁹⁶. Назавтра уже московская пресса скупо информировала: «Вчера было несколько случаев зверской расправы черносотенцев со студентами»⁹⁷.

Неудивительно, что после событий 1905—1907 гг. картина политических взглядов русского студенчества стала более пестрой. «Довольно однородные “левые” симпатии раздробились; возросло число беспартийно настроенных; с известной степенью активности выступили на сцену правые элементы. Антисемитическая и антифеминистическая тенденции усилились. Пал, до некоторой степени, интерес к общественным вопросам», — признавал в 1911 г. М. В. Бернацкий⁹⁸. В частности, объясняя свой отказ посещать сходки, некогда считавшиеся культовым элементом общественной жизни вузов, питерские студенты-технологи в 1909 г. отвечали: «Считаю их “детской игрой, не имеющей никакого значения”, “бессмысленным горлодранием”, “праздной болтовней, на которую жаль тратить время”». Иные избегали сходок, поскольку там «попирается принцип индивидуальности»⁹⁹.

Впрочем, в Москве того времени студенческие сходки не утратили своей роли: на них если не решались, то, по крайней мере, ставились актуальные вопросы академической жизни. Так, в марте 1910 г. газета «Русское слово» сообщала, что на сходке в Высшем техническом училище студенты обсуждали порядок экзаменов. «Отмечались недостатки настоящей экзаменационной системы, при которой профессора с большим трудом успевают в короткий срок проверить знания большого числа студентов, подолгу ожидающих очереди». Обсудив разные предложения и отклонив голосованием те из них, что были неприемлемы для большинства ее участников, сходка в итоге приняла вполне конструктивную резолюцию: «Признать единственным выходом из создавшегося тяжелого положения немедленное введение постоянных, еженедельных или двухнедельных, экзаменов»¹⁰⁰.

⁹⁶ Новое время. 1905. 22 окт.

⁹⁷ Русское слово. 1905. 23 окт.

⁹⁸ К характеристике современного студенчества... С. VII.

⁹⁹ Там же. С. 32, 33.

¹⁰⁰ Русское слово. 1910. 6 марта.

Заключение

Российская высшая школа рубежа XIX—XX вв., как и во все времена, не выпускала некий однотипно-стандартный «интеллектуальный продукт»; каждый ее питомец уносил из стен вуза то, что мог и хотел там получить. Один посвящал себя науке, другой шел на государственную, земскую или частную службу, третий открывал собственное «дело». Чья-то жизнь складывалась неудачно, и диплом не приносил его обладателю того, о чем он мечтал, переступая порог *alma mater*. Судьба почти всех образованных россиян резко изменилась после 1917 года. Однако ряд факторов, связанных с временем студенчества, так или иначе оказывал влияние на каждого «становящегося интеллигента», налагал на него свой отпечаток.

Высшая школа начинала воздействовать на юношу еще на стадии выбора вуза и сдачи вступительных экзаменов, требуя от вчерашнего легкомысленного гимназиста или реалиста ни много ни мало задуматься о предстоящей жизни и взять в руки свою судьбу. Затем наступала ошеломляющая поначалу студенческая вольность, и миссия формирования личности интеллигента незаметно переходила к учебному процессу.

Лекции и семинары не только знакомили студентов с представлениями современной науки и приемами их выработки; преподаватели учили самостоятельно и продуктивно мыслить, вести аргументированную полемику, принимать возражения оппонента и признавать свои ошибки. Важно отметить, что с кафедры звучало свободное слово, не скованное рамками цензуры. Учебная практика хотя бы частично дополняла теоретические курсы и выводила учащуюся молодежь из рафинированного академического мира в реальную жизнь. Полукурсовые и итоговые экзамены с их строгими требованиями служили, среди прочего, средством воспитания волевых качеств будущего профессионала — инженера, судьи, врача, педагога. Учебная программа вуза, допуская свободное посещение занятий, вырабатывала (по крайней мере — у лучших студентов) самодисциплину и умение дополнять пассивное восприятие лекций самостоятельным получением знаний.

Наглядным и действенным инструментом «форматирования» интеллигента служила этика поведения профессуры, в среде которой крайне редко встречались научная недобросовестность, политические доносы или погоня за наживой. Не вполне свободный от интриг и бюрократических разборок, преподавательский коллектив держал их в тайне от студентов. Нередко наставники приглашали учеников в гости, приобщали к своим увлечениям, вместе с молодежью музицировали, обсуждали новинки искусства и литературы. Не притворяясь аполитичными, не тая от студентов свои общественные взгляды (как левые, так и правые), преподаватели избегали открытой агитации в стенах вузов, противились вторжению «улицы» в храмы науки.

Повседневный быт в годы учебы оказывался для многих суровой школой, дающей неоднозначные уроки. Домашние юноши из провинциальных среднеклассных семей должны были выживать в большом и жестком городе: снимать комнаты у прижимистых квартирных хозяев, беречь каждый родительский рубль, искать заработок, удерживаться от соблазнов и искушений, на которые были так богаты первые российские мегаполисы. Физические лишения и нравственные муки, которыми сопровождался подобный опыт, подчас превосходили былые фантазии Достоевского.

У обитателей тесных студенческих квартир складывались разные характеры — от дружелюбного, толерантного, готового искать компромисса с соседом, до агрессивного, неуступчивого, стремящегося только доминировать. В мире учащейся молодежи могли возникнуть любые привычки материального порядка — от щепетильности в возврате занятых средств до бесшабашного обращения с чужими деньгами и вещами. Один факультет были способны окончить такие «чеховские» доктора-антиподы, как бездуховный стяжатель Дмитрий Старцев и самоотверженный подвижник науки Осип Дымов. Не только опыт студенчества мог сформировать их жизненные установки, но и исключать его влияние будет несправедливо.

Школой разумной общественной деятельности для многих студентов служили формальные и неформальные организации, существовавшие в их среде: землячества, кассы взаимной помощи, «бюро труда», комиссии по управлению общественными

столовыми. Преследуя эти в сущности безобидные организации, власти способствовали радикализации студентов, подталкивали «влево» какую-то часть вузовской молодежи, и без того не склонной в силу своего гормонального статуса терпеливо дожидаться реформ «сверху». В то же время, изображать всю студенческую среду Серебряного века как оппозиционную, антигосударственную силу нет оснований: наряду с носителями радикальных взглядов в ней присутствовали убежденные сторонники медленного, ненасильственного общественного прогресса и подчеркнута аполитичные «академисты». Установление в 1907 г. в России стабильного режима думской монархии способствовало снижению накала общественно-политической жизни в среде студентов и ее незначительному «поправению».

Процитируем в заключение слова горного инженера Александра Ивановича Фенина (1865—1944), пусть и не вполне свободные от ностальгической апологии: «Спокойная обстановка высшей школы, а затем суровая жизнь провинциального захолустья создали из нас людей реального дела, могущих выполнять совсем не легкую задачу фактического строительства. Мы, русская интеллигенция технического образования, сумели, без губительного отвлечения в сторону политических иллюзий и мечтаний, просто и реально строить заводы, рудники, железные дороги, и я не ошибусь, повторив, что мы были почти первыми в рядах нашей интеллигенции, ставшими на этот настоящий хозяйственный, созидательный труд»¹⁰¹.

¹⁰¹ Фенин А. И. Указ. соч. С. 86.

А. А. Федотов, В. В. Терентьев

МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В БССР (1950—1980 гг.)

Введение

Актуальность. Период со второй половины 1950-х и до начала перестройки — особый период в истории Беларуси. Он связан с возрождением народного хозяйства в то время союзной социалистической республики, со многими достижениями и прорывами, а также и со сложностями того исторического периода. События данного времени получили достаточно широкое отражение в исторических научных работах советских ученых, постсоветских исследователей Беларуси и России, а также и зарубежных авторов. Оценки этой эпохи и конкретным ее явлениям даются самые разные; в зависимости от того, на какой идеологической платформе стоит тот или иной ученый, формируются и выводы, которые он делает из имеющихся в его распоряжении исторических источников.

© Федотов А. А., Терентьев В. В., 2021

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск), почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, почетный работник образования Ивановской области, aalfedotov@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate professor, Professor of the Ivanovo Branch of the Institute of Management (Arkhangelsk), Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Ivanovo Region).

Терентьев Владимир Владимирович — соискатель кафедры истории и культурного наследия, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, aalfedotov@yandex.ru (Applicant of the Department of History and Cultural Heritage, Vitebsk State University named after P. M. Masherov).

Важнейшей целью национальной политики в Советском Союзе стало упрочение новой исторической общности — советского народа. Русский язык воспринимался не языком «нации угнетателей», а языком советской культуры и межнационального общения. В реализации советской национальной политики существенное место отводилось интеллигенции, большое внимание уделялось взаимопроникновению культур народов СССР. Для этого требовалось осмысление, как современных процессов, так и исторического развития; создание произведений культуры, показывающих единство многонационального советского народа. Решение данных задач требовало широкого вовлечения интеллигенции в этот процесс. Интеллигенция получала государственную поддержку, имена ее ведущих представителей увековечивались в названиях образовательных организаций и учреждений культуры.

Постановка вопроса. В данной статье рассматривается, как использование русского языка в качестве языка межнационального общения в СССР обосновывалось представителями советской интеллигенции, в чем они видели его отличие в этом качестве от использования русского языка как мирового; показывается вовлечение творческой интеллигенции в реализацию советской национальной политики в БССР, в увековечивание памяти представителей интеллигенции органами советской власти. Для решения поставленных задач изучались материалы советской научной и периодической печати, государственного архива Витебской области.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность в показе исторической среды, специфики и качества проявления в ней проблем участия интеллигенции в реализации советской национальной политики в БССР. Описательный и историко-сравнительный методы в рассмотрении проблемы помогают воссозданию атмосферы изучаемого периода и одновременно соблюдению историзма рассматриваемых событий.

Основная часть

Русский язык как язык межнационального общения в СССР

Как отмечал в 1986 году один из авторов выходившего в Минске межведомственного сборника «Русский язык» Л. М. Вардомацкий, «...белорусско-русское двуязычие становится все более распространенным, массовым. <...> Распространение активного двуязычия не проходит бесследно ни для одного из языков. Самые широкие и разнообразные по своему социальному составу, образовательному уровню, возрасту группы людей в зависимости от речевых ситуаций попеременно пользуются родным или русским языками и тем самым вовлекаются в активное речевое творчество. Ускоряется процесс развития родного языка, совершенствуются принципы становления языковых норм»¹.

В. В. Иванов считал, что, изучая влияние русского языка на национальные языки народов Советского Союза, нужно «иметь в виду два аспекта этой проблемы, а именно социолингвистический, связанный с функционированием русского языка как средства межнационального общения, и аспект собственно лингвистический, связанный с влиянием русского языка на языки народов СССР»².

Советские авторы четко разграничивали значение русского языка как языка межнационального общения внутри СССР и как мирового: «...когда русский язык рассматривается как мировой, то прежде всего имеется в виду его использование в международном общении, т. е. за пределами нашей страны. Эта характеристика касается пределов и масштабов использования русского языка, и по этому признаку русский язык как мировой отличается и от русского как национального, и от русского как межнационального, функционирующего в пределах нашей страны. Вторая его характеристика как мирового языка относится к формам его усвоения:

¹ *Вардомацкий Л. М.* Особенности функционирования русского языка на территории Витебской области БССР // Русский язык: Межведомственный сборник. Минск, 1986. Вып. 6. С. 37.

² *Иванов В. В.* Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 3.

овладение этим языком происходит не от поколения к поколению, не от родителей к детям, не в семье и не в определенной языковой среде, а путем сознательного (обычно специально организованного) обучения в качестве языка иностранного. И этим признаком русский язык как мировой отличается от русского национального и межнационального»³.

Использование русского языка в качестве языка межнационального общения в СССР не означало ущемления прав проживающих в Советском Союзе народов на свою самобытную культуру; более того, как отмечалось в публикациях конца 1970-х годов, «...до 1939 года на территории нынешних Гродненской и Брестской областей существовали в основном начальные школы, обучение велось на польском языке. За попытку открыть белорусскую школу “виновным” грозила тюрьма. Почти 50 процентов населения было неграмотным. <...> В 1978—1979 учебном году на Брестчине и Гродненщине обучалось более полумиллиона человек, из них в пяти высших учебных заведениях — 16 тысяч и в средних специальных — 40 тысяч человек»⁴.

Представители творческой интеллигенции советской Белоруссии обращали особое внимание и на значение русского языка как мирового: «Сейчас⁵ русским языком владеют более полумиллиарда человек населения мира. По данным ЮНЕСКО, почти половина всей научно-технической литературы и документации в мире издается на русском языке. Русский язык является одним из официальных языков ООН, а также таких высокоавторитетных организаций, как СЭВ, ЮНЕСКО, Международная астронавтическая ассоциация и др. ... Для всех народов нашей Родины русский язык является одним из могущественных средств интернационализации всей жизни страны»⁶.

³ *Иванов В. В.* Язык великого братства: Русский язык как средство межнационального общения народов СССР / В. В. Иванов, Н. Г. Михайловская, В. М. Панькин. М., 1986. С. 18.

⁴ *Клевченя А., Миско Я.* В семье вольной, братской: К 40-летию воссоединения белорусского народа в едином Советском государстве // Коммунист Белоруссии. 1979. № 8. С. 61—62.

⁵ В 1980 году.

⁶ Великий советский народ / И. К. Белодед [и др.] Киев, 1976. С. 446.

Заслуживает внимания и следующий аспект. По данным Всесоюзной переписи 1959 года о распределении населения по национальности и родному языку, в Первомайском районе г. Витебска проживали 6 664 русских и 27 220 белорусов, из которых, судя по формулировкам переписи, для 18 373 родным был белорусский язык, а для 8 843 русский⁷. В Октябрьском районе г. Витебска проживали 16 524 русских и 46 041 белорус, из которых для 25 085 родным был белорусский язык, а для 20 950 русский⁸. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, в графе о распределении населения по национальности, родному языку и второму языку, которым свободно владеет население, значилось, что из 230 804 человек, проживавших в г. Витебске, было 156 998 белорусов и 54 094 русских. Из переписи можно сделать вывод, что из 156 998 белорусов 84 151 считали родным языком белорусский, а 72 829 русский⁹.

По данным Всесоюзной переписи 1959 года, в Витебской области из 1 276 313 человек было 1 036 549 белорусов, 118 817 русских. Достаточно много было поляков — 83 801, евреев — 18 985 и украинцев — 11 636¹⁰. Соотношение русского и белорусского населения на примере некоторых населенных пунктов было следующим: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года в поселке городского типа Видзы проживали 699 белорусов и 912 русских¹¹, в г. Браслау 2132 белоруса и 950 русских¹², в г. Глубокое 5399 белорусов и 944 русских¹³, в сельской местности Браславского района 12 741 белорус и 4978 русских¹⁴. По данным Всесоюзной переписи 1979 года, из 1 385 372 человек, проживавших в Витебской области, было 1 133 027 белорусов, из которых 719 335 свободно владели русским языком. Из проживавших

⁷ Государственный архив Витебской области. Ф. 1974, Оп. 11. Д. 5. Л. 7. Далее: ГАВт.

⁸ ГАВт. Ф. 1974. Оп. 11. Д. 5. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 75. Л. 25.

¹⁰ Там же. Д. 4. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 6. Л. 2.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 6.

в области 187 016 русских только 54 739 свободно владели белорусским языком¹⁵.

То есть, с одной стороны, не происходило растворение национальной культуры Беларуси в советской, с другой стороны — все большее значение приобретал русский язык как язык межнационального общения, формирующий сознание в первую очередь интеллигенции, а через нее и всего народа союзной республики.

Вовлечение творческой интеллигенции в реализацию советской национальной политики в БССР

Творческая деятельность в советских республиках имела государственную поддержку. Уже к 1955 году были сняты белорусские художественные кинофильмы: «Константин Заслонов», «Павлинка», «Кто смеется последним», «Поют жаворонки», «Дети партизана»; документальные фильмы: «Советская Белоруссия», «Новый Минск», «Колхоз “Рассвет”», «Многоотраслевой колхоз», «Народный поэт»¹⁶.

Разумеется, свобода творчества существовала в определенных советским государством рамках. Нужно отметить, что все имеющие значение публикации, видео и аудиосюжеты в СМИ подлежали прежде своего выхода в свет утверждению соответствующими органами. Так, на заседании бюро Витебского обкома 26 декабря 1968 года на территории области в печати, по радио и телевидению был утвержден порядок освещения мероприятий, посвященных 50-летию БССР и Компартии Белоруссии¹⁷. Однако в целом данные ограничения не были препятствием для развития культуры — произведения, созданные в бесцензурное время, зачастую уступают советским аналогам.

Как отмечалось в брошюре, посвященной декаде Белорусского искусства в Москве в 1955 году: «Коммунистическая партия и Советское Правительство обеспечили небывалый расцвет культуры всех народов нашей необъятной Родины. Об этом ярко

¹⁵ Там же. Д. 154. Л. 35.

¹⁶ Там же. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 190 (Брошюра: Декада Белорусского искусства в Москве. 1955 год). С. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 1П. Оп. 117. Д. 66. Л. 8.

свидетельствуют декады искусства и литературы братских народов, проводимые в Москве. ...На декаде будут представлены все виды искусства республики. ...Почетное место в декаде отведено театрам Белоруссии. ...В концертных залах, домах культуры и клубах столицы выступят коллективы и солисты Белорусской государственной филармонии. Вместе с профессиональными коллективами на декаде продемонстрируют свои успехи мастера народного творчества, коллективы художественной самодеятельности.

На выставке белорусского изобразительного искусства в Москве будет выставлено около 1000 произведений художников Белоруссии, а также лучших мастеров народного творчества. Писатели и поэты Белоруссии выступят в домах культуры, клубах и концертных залах Москвы с чтением своих произведений»¹⁸.

Широкое вовлечение творческой интеллигенции в реализацию советской национальной политики, ее государственная поддержка в реализации поставленных партией и государством задач, способствовали взаимопроникновению культур, доступности культурного обмена внутри СССР. Например, «...в 1958 году бывшая артистка танцевальной группы Архангельского народного хора Галина Петровна Чистякова набрала группу ребят, чтобы обучать их искусству танца при Дворце культуры Минского тракторного завода. Из этой группы и родился ансамбль “Лянок”, получивший в семидесятые годы звание народного коллектива»¹⁹. Участники коллектива «...вместе ездили в Брест, Ленинград, Петрозаводск, отдыхали летом в детском лагере в Польше, выступали в Кремлевском театре, на ВДНХ в Москве»²⁰.

26 октября 1978 года Витебский горисполком принял решение о проведении детского фестиваля белорусской музыки, посвященного 60-летию БССР и Коммунистической партии Белоруссии. Для проведения было решено пригласить творческие

¹⁸ ГАВт. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 190 (Брошюра: Декада Белорусского искусства в Москве. 1955 год). С. 2—3.

¹⁹ *Симонова И.* Шире круг! // Советская Белоруссия. 1980. 11 сент. С. 4.

²⁰ Там же.

коллективы, ансамбли или индивидуальных исполнителей детских музыкальных школ Москвы, Смоленска, Каунаса, Могилева, Тирасполя. На цели проведения фестиваля отделу культуры горисполкома за счет свободных остатков бюджетных средств было выделено 1100 рублей²¹.

Культурный обмен между областями разных союзных республик был развит достаточно широко. Приведем фрагмент из сценария Витебской областной телепередачи «Белорусские гости во Пскове», вышедшей в феврале 1964 года: «...Псковский дом строителей. Зрительный зал переполнен. В глубине сцены — гербы РФ и Белоруссии. ...На встречу приехали делегации трудящихся Витебска и коллектив ансамбля песни и пляски “Молодость”. ...После торжественной части состоялся большой концерт белорусского ансамбля песни и пляски “Молодость” и Псковского русского народного хора. ...Вечер вылился в волнующую демонстрацию нерушимой братской дружбы народов СССР»²².

Культурный обмен осуществлялся не только между регионами СССР, но и с регионами стран социалистического лагеря. Приведем фрагмент из сценария телепередачи телестудии «Веселка» (Витебск): «Вот уже пять лет работает в нашей Пальнинской школе (Городокский район) интерклуб “Дружба”. Назвали мы его так не случайно. Нам хотелось подружиться с ребятами других национальностей, узнать о том, как они живут, отдыхают. Всеи школой писали письма в разные места нашей необъятной Родины. Мы начали сбор материалов о союзных республиках, зарубежных странах. Среди наших друзей КИД²³ “Меридиан” города Самбора Львовской области, КИД “Факел” города Джалал-Абада, КИД имени Эрнста Тельмана города Каменец-Подольский. Мы подружились с пионерами Германской Демократической Республики, Народной Республики Болгария»²⁴.

Широко практиковались встречи представителей творческой интеллигенции с заинтересованными гражданами

²¹ ГАВт. Ф. 322. Оп. 12. Д. 393. Л. 75.

²² Там же. Ф. 3075. Оп. 2. Д. 27.

²³ Клуб интернациональной дружбы.

²⁴ ГАВт. Ф. 803. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.

и трудовыми коллективами, с учащимися учебных заведений разного уровня, в том числе в рамках организованных государством мероприятий.

25 апреля 1977 года на заседании Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии было принято решение о проведении в области Дней белорусской литературы, посвященных 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции²⁵. На фестиваль должна была приехать группа писателей во главе с членом президиума правления Союза писателей БССР Г. Н. Буравкиным. В утвержденном плане в рамках мероприятий, в частности, предполагались литературный вечер-встреча с рабочими завода стекловолокна, учащимися и преподавателями училища им. Г. Скарины во дворце культуры завода стекловолокна, встреча с творческой интеллигенцией города, студентами и профессорско-преподавательским составом пединститута, выезд на родину писателя М. Лынькова в совхоз «Выдря» Лиозненского района²⁶.

Во внешней стороне проводимых мероприятий можно отметить сочетание национального и советского компонентов. Так, 29 августа 1977 года бюро Витебского обкома обсуждало план обеспечения на территории Витебской области интернационального автопробега «Дружба», посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции²⁷. Предполагалось, что в автопробеге примут участие по 9 человек от СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии²⁸. В программе значилось, что девушки в национальных костюмах преподносят участникам автопробега хлеб-соль, а пионеры вручают цветы и памятные значки²⁹.

На формирование интеллигенции в БССР оказывало влияние быстрое развитие культуры и науки в Беларуси в советский период истории. По данным, приведенным 25 декабря 1978 года в ходе торжественного заседания Витебских обкома и облсовета,

²⁵ Там же. Ф. 1П. Оп. 137. Д. 22. Л. 6.

²⁶ Там же. Д. 22. Л. 76—77.

²⁷ Там же. Д. 132. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 49.

²⁹ Там же. Л. 50.

посвященного 60-летию образования Белорусской ССР и Компартии Белоруссии³⁰, в 1914 году в Белоруссии насчитывалось всего 80 научных работников, в 1940 году — чуть больше двух тысяч, в 1978 году — свыше 34 тысяч человек. В их числе 700 докторов, более девяти тысяч кандидатов наук. В Витебске вырос, как его назвали авторы доклада, «многочисленный отряд» писателей, композиторов, художников. Лучшие произведения белорусской прозы, поэзии и драматургии, музыки и кинематографии, живописи и скульптуры нашли дорогу к сердцам миллионов советских людей³¹.

Одна только Витебщина дала путевку в жизнь и большое творчество народным писателям — лауреату Ленинской премии, герою Социалистического труда Петрусью Бровке, Михасю Лынькову, а также известным писателям и поэтам Василию Быкову, Рыгору Бородулину, Евдокии Лось, Геннадию Буравкину, Анатолию Велюгину, Тарасу Хадкевичу; таким талантливым деятелям искусства культуры и науки, как герой Социалистического труда, народный художник СССР Заир Азгур, лауреат Государственной премии СССР Михаил Савицкий, известные композиторы: Иван Держинский, Марк Фрадкин, Анатолий Богатырев, народные артисты СССР: Павел Молчанов, Федор Шмаков, академик Академии Наук БССР, лауреат Ленинской премии Борис Петрович Платонов³².

Можно отметить творческую активность представителей искусства Беларуси: в 1984 году заслуженная артистка БССР Октябрина Францевна Мельдюкова в ответ на письмо с просьбой прислать материал о ней для Белорусской советской энциклопедии сообщила, в частности, что сыграла около 200 ролей³³.

Разумеется, в среде интеллигенции отмечались и критические настроения по отношению к происходящим процессам культурного развития. Например, минский художник А. С. Гугель писал в частном письме к художнику И. Ю. Боровскому о выставке в Манеже: «Наш (Белорусский)

³⁰ Там же. Оп. 142. Д. 11.

³¹ Там же. Л. 29.

³² Там же. Ф. 3075. Оп. 2. Д. 27. Л. 15—16.

³³ Там же. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 196. Л. 2.

павильон — бледный и невыразительный, я уж не говорю об отсутствии своего национального лица»³⁴.

Нельзя не отметить и обратную связь с теми, кто видел результаты деятельности творческой интеллигенции в СССР. Например, в 1985 году члены совета музея средней школы № 14 г. Витебска написали письмо члену Союза художников СССР И. Ю. Боровскому с просьбой рассказать о находящейся в их школьном музее картине, посвященной подвигу Зои Космодемьянской. Им хотелось знать, как он работал над ней, какие чувства при этом испытывал³⁵.

Заслуживает внимания то, что советское творчество, в том числе в Беларуси, было ориентировано на народ. Как вспоминал Яков Косолапов, член Союза композиторов БССР, преподаватель Витебского музыкального училища: «Как-то на льнокомбинате меня окружили молодые ткачихи, стали просить: напишите про нас песню! Как же выполнить этот социальный заказ? И я написал — на слова витебского поэта Юрия Докторовца — о нашем синеоком льне, который цветет синью в глазах этих милых девчат-тружениц, мастериц, мечтательниц. Был очень тронут, когда они пригласили меня на премьеру. Она состоялась прямо в цеху, где ансамбль ткачих проникновенно исполнил мое скромное произведение... “Напишите для нас”, “напишите про нас” — такое слышишь часто от людей самых разных профессий, от участников творческой самодеятельности. И я с удовольствием пишу для самодеятельных певцов, для народных хоров»³⁶.

Увековечивание памяти представителей интеллигенции органами советской власти

Увековечивание памяти исторических личностей — представителей интеллигенции — партийными и советскими органами было одним из способов включения интеллигенции в общее культурное и смысловое пространство Советского Союза.

Еще 4 августа 1945 года СНК и ЦККП(б) Белоруссии принял постановление «Об увековечивании памяти народного поэта

³⁴ Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 59. Л. 9.

³⁵ Там же. Д. 61.

³⁶ Там же. Ф. 2430. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

Белоруссии Янки Купалы». Оно стало основанием для целого ряда мероприятий в республике в последующие годы. В частности, четверть века спустя, 31 августа 1970 года Витебский облисполком принял решение о восстановлении дома народного творчества Янки Купалы в д. Левки Оршанского района. Управлению лесного хозяйства было поручено подготовить в первом полугодии 1971 года сруб дома согласно размерам бывшей дачи Янки Купалы, Оршанский райисполком должен был обеспечить строительство дома к 1 января 1972 года в урочище Левки. Управлению культуры Витебского облисполкома поручалось выйти с ходатайством в Министерство культуры БССР о создании в этом доме филиала литературного музея Янки Купалы³⁷.

24 марта 1967 года на заседании бюро Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии рассматривался вопрос о присвоении Полоцкой городской типографии имени Георгия Скарины³⁸. Было постановлено «поддержать ходатайство Полоцкого горкома и горсиполкома и просить ЦК КП Белоруссии решить вопрос о присвоении Полоцкой городской типографии имя Георгия Скарины»³⁹.

12 августа 1967 года в ходе заседания секретариата Витебского обкома был одобрен план Полоцкого горкома о проведении в г. Полоцке юбилейных дней, посвященных 450-летию белорусского книгопечатания⁴⁰. Предполагалось прибытие 70 делегатов из Минска. В рамках мероприятий планировалось проведение в Полоцке совместного торжественного заседания Полоцких горкома и горисполкома с Президиумом Академии Наук БССР и Комитетом по печати при СМ БССР, митинг трудящихся на месте будущего памятника Г. Скарине⁴¹.

26 сентября 1972 Витебские обком и облисполком приняли постановление об увековечивании памяти основателя Белорусского национального театра Игната Терентьевича Буйницкого. Было принято решение об установке надгробия на могиле И. Т. Буйницкого в д. Поливачи Прозорокского сельсовета Глубокского района.

³⁷ Там же. Ф. 1866. Оп. 22. Д. 667. Л. 63.

³⁸ Там же. Ф. 1П. Оп. 115. Д. 170. Л. 113.

³⁹ Там же. Л. 219.

⁴⁰ Там же. Л. 113.

⁴¹ Там же. Д. 28. Л. 128.

На эти цели было выделено 3500 рублей из средств, ассигнованных на пропаганду и охрану памятников⁴².

22 августа 1979 года Витебский райисполком принял решение удовлетворить просьбу администрации Лужеснянской школы-интерната по изготовлению мемориальной доски с барельефом народного писателя М. Т. Лынькова с надписью: «Это здание построено детям в 1978 году за средства народного писателя БССР М. Т. Лынькова». В решении также значилось: «Просить художественно-производственный комбинат изготовить доску за счет Лужеснянской школы-интерната»⁴³.

Витебский обком Коммунистической партии Белоруссии и облисполком Витебского областного совета народных депутатов 29 марта 1977 года приняли постановление о присвоении Верхнедвинской районной библиотеке имени Тараса Ходкевича. Решение было принято на основании предложения Союза писателей БССР, Верхнедвинских райкома и райисполкома. Нужно отметить, что вопрос об увековечивании памяти даже такого уровня подлежал утверждению республиканскими органами власти — обком и облисполком не сами принимали решение, а направляли его на утверждение в ЦК КП Белоруссии и Совет Министров БССР⁴⁴.

Заключение

Представители интеллигенции широко задействовались советскими и партийными органами в реализации национальной политики в БССР и в других союзных республиках. В своей творческой и научной деятельности представители интеллигенции могли рассчитывать на существенную государственную поддержку, но только в том случае, если их творчество находилось «в русле» того, что было необходимо советскому государству на данном историческом этапе.

Но и в ограниченных рамках достигнутые результаты впечатляли. Неуклонно росло значение русского языка не только как языка межнационального общения в СССР, но и мирового;

⁴² Там же. Ф. 1966. Оп. 22. Д. 1039.

⁴³ Там же. Ф. 571. Оп. 9. Д. 376. Л. 93.

⁴⁴ Там же. Ф. 1П. Оп. 137. Д. 20. Л. 32, 114.

широкое вовлечение интеллигенции в реализацию советской национальной политики способствовало налаживанию культурного обмена не только между разными регионами разных советских республик, но и между разными регионами стран социалистического лагеря. Увековечивание памяти исторических личностей — представителей интеллигенции — партийными и советскими органами было одним из способов включения интеллигенции в общее культурное и смысловое пространство Советского Союза.

Многое из положительного опыта того времени может быть востребовано и в современных условиях.

DOI: 10.46725/LW.2021.4.3

Р. А. Савчук

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИДЕИ ЦЕРКВИ В ТРУДАХ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УКРАИНСКОЙ ССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.

Введение

Актуальность. Украинский церковный вопрос в современных условиях вышел за рамки сугубо религиозной проблемы и стал одним из инструментов формирования новых геополитических реалий в регионе. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование мировоззренческих истоков сложившейся на Украине церковной ситуации.

Вторая половина 1980-х гг., по мнению исследователей, открывает новый этап украинской историографии, связанный с процессами демократизации общественно-политической жизни страны¹. После десятилетия «консервативной реакции» в Украинской ССР, с начала 1980-х гг. смягчается режим публикаций для исторических работ, посвященных «дореволюционной» эпохе, активно

© Савчук Р. А., 2021

Савчук Руслан Александрович — PhD, научный рецензент, Издательский совет Русской Православной Церкви, russ_sav@mail.ru (PhD, Scientific Reviewer, Publishing Council of the Russian Orthodox Church).

¹ Колесник І. Українське історієписання 1960—1980-х рр.: культурні розриви та метаморфози // Світло й тіні українського радянського історієписання: Матеріали міжнарод. наук. конф., Київ, Україна, 22—23 травня 2013 р. / за ред. В. А. Смоля. Київ, 2015. С. 170.

розвивається краєведческое движение². Створення неформальних об'єдинень, активізація дисидентського руху во другій половині 1980-х рр., широке святкування ювілеїв І. Франка, М. Шашкевича і Леся Курбаса, повернення до народних традицій і національної символіки, сприяли різкому посиленню національно-патриотическої проблематики в самосвідомості української інтелігенції³. Якщо говорити про осмислення історическої ролі Церкви, то в це час відбувається активізація дослідницької діяльності в даному напрямку. З'являється цілий ряд публікацій, монографій, збірників документів, стосуючихся до церковної історії. Безумовно, сприяло зростанню уваги до життя Церкви і святкування 1000-ліття хрещення Русі в 1988 р. В світських журналах почали з'являтися інтерв'ю священнослужителів. Як можна судити з змісту бесід, інтелігенцію найбільше всього цікавив потенціал Церкви і християнства в утвердженні моральних ідеалів⁴. Наукова інтелігенція використала ювілейну дату і для привертання уваги до проблем збереження пам'яток культури, пов'язаних з церковною історією⁵.

Постановка питання. В зв'язі з підвищеною увагою во другій половині 1980-х рр. української світської наукової інтелігенції до церковного життя, виникає проблема осмислення і інтерпретації феномена Церкви. Можна з впевненістю говорити, що в це час національна інтелігенція формує образи Церкви, які будуть активно інтерпретуватися в різних підходах тієї чи іншої частини суспільства до будівництва церковної

² См.: *Яремчук В.* Минуле України в історичній науці УРСР після сталінської доби. Острог: Вид-во Національного університету Острозька академія, 2009. С. 408—409.

³ *Калакура Я. С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2004. С. 394—395.

⁴ Творити добро, шукати істину. Бесіда з єпископом Переяслав-Хмельницьким Палладієм // Київ. 1988. № 9. С. 109—113.

⁵ См.: *Білокінь С.* Проблеми Києво-Печерського заповідника // Київ. 1988. № 3. С. 3—8; *Брайчевський М.* Нічого не змінилося! // Київ. 1988. № 3. С. 9—16; *Зоц В. А.* Щоб осявала думку про минуле (Про збереження пам'яток давньоруського мистецтва) // Знання та праця. 1987. № 10. С. 14—15.

жизни на Украине как независимом государстве. И здесь мы, прежде всего, должны говорить о тех направлениях секуляризации идей христианства и Церкви, которые развивались в работах украинской научной интеллигенции второй половины 1980-х гг.

Феномен секуляризации сложный, и в специальной литературе нет однозначного взгляда на его сущность. Исследователи отмечают «неоднозначность понятия секуляризации и необходимость учета ситуации при его интерпретации и прояснении смысла»⁶. В контексте данной публикации мы будем рассматривать секуляризацию как процесс десакрализации идеи Церкви и христианства в целом, перенесения их в плоскость феноменов общественной жизни, которые всецело определяются особенностями времени и условий конкретного сообщества. В этом смысле более всего показательные изменения происходят в плане аксиологии. Церковь теряет значение ценности, которая определяет жизнь общества, и переходит в разряд зависимых от общественной жизни ценностных категорий, призванных не определять магистральные направления развития общества, а скорее освящать избранные обществом пути. О формировании такого секулярного взгляда на Церковь и пойдет речь в данной публикации. При рассмотрении настоящей проблемы можно выделить два аспекта — мировоззренческий и методологический. Первый связан с осмыслением исторической роли Церкви в жизни страны, определением ее места в национальном развитии. Методологический аспект проблемы разрабатывался в основном в публикациях академических философов и связан с осмыслением феномена религиозного сознания, выбором «допустимых» для светского общества форм реализации религиозных устремлений.

Историографический процесс второй половины 1980-х гг. в Украинской ССР, направления общественной мысли научной интеллигенции осмысливались как в общих работах⁷, так и в отдельных исследованиях⁸. Однако, к сожалению, среди поставленных

⁶ *Безнюк Д. К.* Секуляризация: опыт систематизации подходов изучения // Социология. 2009. № 3. С. 99.

⁷ *Калакура Я. С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2004.

⁸ См.: *Світло й тіні українського радянського історіописання...*; *Білокінь С.* Про становище історичної науки в Україні // Український історик. 1990 (рік 27). № 1—4 (104—107). С. 138—144; *Hagen M., von.* Does Ukraine have a history? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, no 3. P. 658—673.

вопросов в работах исследователей проблема отношения научной интеллигенции к религии, церковной жизни, не нашла сколько-нибудь заметного отражения.

Основная часть

Мировоззренческий аспект

Среди публикаций украинских историков, литературоведов, философов второй половины 1980-х гг., в которых затрагивались проблемы осмысления церковной истории страны, прослеживаются разные подходы к интерпретации исторической роли Церкви. В контексте секуляризации идеи Церкви можно выделить, прежде всего, подход при котором христианство осмысливалось в качестве исторически изменчивой идеологии, ценность и значение которой в жизни страны как в прошлом, так и в настоящем определяется исключительно задачами национального строительства и развитием «прогрессивных» с точки зрения светского общества тенденций. Так формируется секулярный образ Церкви — общественного института, который теряет аксиологическую автономию и оценивается исключительно с точки зрения «полезности» в общественной жизни, исходя из идеологических предпосылок авторов.

Одним из наиболее заметных историков, некоторые работы которого второй половины 1980-х гг. были посвящены осмыслению церковной истории, являлся М. Ю. Брайчевский. В опубликованной автором монографии «Утверждение христианства на Руси»⁹ выдвигается ряд достаточно смелых исторических гипотез. Ученый с большим уважением относится к христианству, Церкви. Однако анализ структуры данной монографии, обилие смелых гипотез, во многом не имеющих оснований в источниках, свидетельствуют о стремлении М. Ю. Брайчевского представить «киевское христианство» в качестве некой формы национальной традиции. Таким образом, ценность христианства в мировоззрении ученого определенно ставится в зависимость от его национального характера. В подобном духе оформлена и другая публикация автора. В 1988 г. М. Ю. Брайчевский опубликовал

⁹ *Брайчевський М. Ю.* Утвердження християнства на Русі. Київ, 1988.

в журнале «Киев» свою попытку реконструкции так называемой «Летописи Аскольда»¹⁰. Согласно авторской концепции, центральное место в летописи занимает подробный рассказ о принятии христианства на Руси и, прежде всего, о крещении самого Аскольда. Такое внимание к событию принятия христианства, по мнению М. Брайчевского, обусловлено тем, что «летописец Аскольда» создавал не столько историческую хронику, сколько «величественный идеологический документ, призванный утвердить авторитет Руси среди других стран» и «направленный против претензий Византийской империи на мировое господство»¹¹. Интересно при этом следующее. Сам М. Ю. Брайчевский указывал, что публикация украинского перевода реконструированного памятника имеет своей целью ознакомить широкого читателя с этим произведением в первую очередь как с литературным и философско-идеологическим произведением¹². Такой акцент в авторском подходе к идее публикации и пониманию ее смысла, дает основания говорить о том, что М. Брайчевский рассматривал христианство, прежде всего, в мировоззренческом контексте и в исторической перспективе связывал с ним идеи защиты национальных интересов от имперских притязаний (ведь Киев в IX в., согласно интерпретации ученого, именно так обосновывал свою государственную независимость перед имперскими притязаниями Византии).

В контексте секуляризации идеи христианства можно рассматривать и публикации А. В. Мишанича. Христианская религия для автора — лишь исторически обусловленная идеология, которая на определенных этапах развития Русского государства сыграла положительную роль в культурной сфере. Культурный взлет Руси, по мнению А. В. Мишанича, связан с принятием христианства именно как «новой идеологии». При этом вера здесь была «не самодостаточной вещью», но ее введение совпало и во многом было обусловлено усилением могущества самого Киевского государства. Ученый отдает дань «идеологической» работе

¹⁰ Брайчевський М. Ю. Літопис Аскольда // Київ. 1988. № 2. С. 146—170. Здесь и далее перевод украинских текстов автора данной статьи.

¹¹ Там же. С. 148.

¹² Там же.

новой религии в русском обществе, которая способствовала утверждению высоких нравственных, культурных и общественно-политических идеалов и в синтезе с местной культурной традицией — развитию патриотизма. В дальнейшем положительная роль христианства, по мнению автора, заключалась в том, что «русская вера» стала основой народно-освободительной борьбы и культурно-национального возрождения¹³. Если в XII—XIV в. в литературе христианским идеалом выступал добродетельный князь, монах-аскет, книжник, то со второй половины XVIII в., по мнению ученого, наблюдается полный отказ от аскетического идеала. На первый план выступает «деятельный человек светского или духовного звания», «их религиозная добродетель перекрывается гражданской и патриотической деятельностью, борьбой с врагами, подвигами на ратном поле и культурно-просветительской ниве»¹⁴, что в контексте повествования рассматривается как прогрессивный фактор. Для исследователя положительная роль христианства связана именно с этой этической стороной — когда созданные им ценности «служат прогрессу человечества»¹⁵.

Мысль о положительной роли, которую сыграло принятие христианства в общественном и культурном развитии Руси, А. В. Мишанич развивает и в предисловии к публикации украинского перевода «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона¹⁶. Автор делает акцент на полемике митрополита Илариона с «византийской идеологией религиозной, а значит, и культурной и политической экспансии», его борьбе с «имперской церковной организацией». По мнению ученого, автор «Слова» «выступает против теорий всемирной империи или всемирной церкви, которые обосновывали претензии византийского императора или римского папы на всемирное владычество. Этим концепциям он противопоставляет концепцию равенства всех христианских

¹³ *Мишанич О.* Прийняття християнства і давнє українське письменство // Радянське літературознавство. 1988. № 6. С. 39.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ *Мишанич О.* Голос давніх віків // Київ. 1988. № 8. С. 119—125.

стран и народов»¹⁷. Как видим, положительное отношение к христианству у А. В. Мишанича формируется в рамках секулярного взгляда на религию как инструмент идейного воспитания и утверждения светских ценностей — свободы, равенства и справедливости. При этом, следует отметить и смещение акцента, по сравнению с работами М. Ю. Брайчевского. Если у последнего христианство имело некую самоценность, определенную автономность, и его значение определялось влиянием на развитие национальной идеологии, то у А. В. Мишанича и других авторов, более коррелировавших с официальной советской идеологией, акцент смещается на сугубо утилитарное прочтение церковной истории. Христианство и Церковь в этом контексте рассматриваются исключительно в идеологическом срезе общественной жизни, не имеют самостоятельного значения, лишены внутренней самодостаточности и оцениваются с позиций их вклада в общественный прогресс, укрепление светских ценностей.

П. К. Яременко в монографии «Мелетий Смотрицкий. Жизнь и творчество украинского и белорусского ученого-филолога, церковного и общественного деятеля 16—17 вв.»¹⁸ не просто пытается проанализировать и понять образ мыслей известного полемиста. Он практически полностью игнорирует богословский контекст церковной полемики, превращая Мелетия Смотрицкого исключительно в гуманиста, борца за национальные интересы и защитника простого народа перед церковными феодалами и их «богословской доктриной»¹⁹. Анализ ученого разворачивается вокруг «гражданского недовольства» полемиста²⁰. Не отрицая определенный «утопизм» мышления Смотрицкого, П. К. Яременко все же полагает, что идеологическая доктрина писателя была направлена на изменение социально-политических условий. В этом контексте, по мнению ученого, идея «божьего суда», о которой писал Мелетий Смотрицкий,

¹⁷ Там же. С. 124—125.

¹⁸ *Яременко П. К.* Мелетий Смотрицкий: Жизнь и творчество [укр. и белорус. ученого-филолога, церковного и обществ. деятеля 16—17 вв.] / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1986.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 23.

«несет в себе демократическое содержание. Трудящиеся массы всегда под этим девизом боролись за правду и добро на земле». И именно в этом контексте, по мнению ученого, понимает эту идею и Мелетий Смотрицкий: «Без сомнения — это гуманистический кодекс народоправия»²¹. По поводу неудовольствия полемиста из-за упадка монастырей П. К. Яременко подчеркивает, что автор «Треноса» хотел видеть обители «не колониями религиозных фанатиков, а центрами образования», подчеркивая при этом: «Другой общественно-идеологической функции монастырей он и не мыслил»²². Примечательно, что даже относительно евангельской метафоры о «соле земли», употребленной Мелетием Смотрицким применительно к настоящим пастырям, автор пишет: «Смотрицкий в очередной раз подчеркивает то, что церковь должна выполнять ведущую идеологическую функцию в организации образования и воспитания народа, в прищеплении норм христианской справедливости»²³. По сути, перед нами вполне секулярный взгляд на Церковь как на обычный общественный институт без каких-либо трансцендентных параллелей.

Весьма интересны в контексте рассматриваемой темы публикации В. С. Горского, в то время сотрудника Института философии АН УССР, специалиста в области духовной культуры Киевской Руси. По мнению автора, которое нашло отражение в монографии «Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в.»²⁴, для древнерусских книжников характерным являлось «подчеркнутое внимание к практической, деятельностной стороне в характеристике мудрости». Особо ценилось в этом отношении «знание правил жизни, обретенное благодаря врожденным способностям и житейскому опыту»²⁵. Такое прочтение автором сущности христианского мировоззрения древнерусских книжников сосредоточивает внимание на «духовно-практическом освоении действительности», которое опирается на «широкое

²¹ Там же. С. 25.

²² Там же. С. 29.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ *Горский В. С.* Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в. Киев, 1988.

²⁵ Там же. С. 84.

понимание практики общественной жизни»²⁶. В контексте данного подхода В. С. Горский отмечает и особое стремление древнерусских книжников «преодолеть отчужденность тварного бытия от божественного». С этой целью, по мнению автора, большое внимание уделяется установлению «опосредующих звеньев», к которым он относит и «подчеркнутый культ Богоматери»²⁷. С другой стороны, смысложизненные проблемы, по мнению ученого, разрешались с помощью «наложения в древнерусской культуре светского, мирского, реалистического мировосприятия на христианское мировоззрение»²⁸. В подобных интерпретациях и акцентах отчетливо прослеживается тенденция к развитию идеи об абсолютной зависимости и подчиненности реалий церковной жизни социально-экономическим условиям жизни общества.

В статье, посвященной храму святой Софии в Киеве, В. С. Горский утверждает, что значение Софии Киевской «определяется прежде всего значением собора в общественной мысли того времени». Ученый видит главную идею строительства нового грандиозного храма в Киеве на пересечении путей, ведущих в город, — в утверждении идеи о единстве русских земель под властью великого князя как «самодержца»²⁹. Секулярное прочтение сущности духовного мира древнерусского человека автор обосновывает и в размышлениях об идеологическом обосновании княжеской власти в Киевской Руси. По мнению В. С. Горского, на Руси складывается особая система взаимоотношений церкви и государства. Здесь, в отличие от Византии, государственная власть не стремилась принять на себя функции «главы церковной организации», допуская большую независимость церкви. На Руси Церковь была не только «верноподданным великого князя, но и его духовником, которому позволялась и некоторая независимость, и даже критика действий светской власти. Такое возрастание (сравнительно с Византией) независимости церкви не только не привело к уменьшению светского начала в древнерусской

²⁶ Там же. С. 89, 84.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же. С. 189.

²⁹ *Горський В. С.* Образ світу в Софії Київській // Філософська і соціологічна думка. 1989. № 6. С. 59.

культуре, но наоборот способствовало его возрастанию. Ведь византийская идея неограниченной власти христианского монарха предполагала соотнесение образа императора с христианским идеалом». На Руси же «независимость светской власти и некоторое отстранение ее от церкви обеспечивало как в сфере морали, так и в общественных концепциях государственной власти определяющую роль идей, которые не столько были связаны с христианской доктриной, сколько основывались на веками выработанных представлениях народного мировосприятия». Для автора в связи с этим Киевская София — «символ величия княжеской власти». «При этом идея величия княжеской власти утверждается не апелляцией к христианским идеалам монашеской аскетики — но ориентируется на склонность к светскому великолепию»³⁰. Именно поэтому в своем известном «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион не выставляет на первый план утверждение «сакрального характера власти», поскольку для древнерусской мысли главным было подчеркнуть принадлежность к княжескому роду³¹. Здесь следует заметить, что для украинской советской интеллигенции в целом характерным являлся взгляд на церковное искусство, как на «служебный идеологический» инструмент, который использовали власти для утверждения своего взгляда на мир³².

Высказанные идеи доминируют и в совместной статье В. С. Горского и Б. А. Лобовика, посвященной публикации украинского перевода «Слова о законе и благодати»³³. Прежде всего авторы отмечают «свойственную ему («Слову». — *Р. С.*) подчеркнутую политическую заостренность относительно злободневных вопросов жизни раннефеодального Киевского государства». Секулярное прочтение деятельности автора «Слова» превалирует: «Церковный иерарх Иларион был идеологом и сподвижником Ярослава Мудрого в его борьбе за национально-

³⁰ Там же. С. 65.

³¹ Там же. С. 67.

³² *Янченко Л. В.* О научном подходе к оценке церковного искусства // Вопросы атеизма. Вып. 22. Киев, 1986. С. 95.

³³ *Горський В. С., Лобовик Б. О.* «Слово про закон і благодать» Іларіона Київського — перлина давньоруської культури // Філософська думка. 1988. № 4. С. 89—91.

государственный суверенитет Киевской Руси против гегемонистских притязаний Византии и “римского мира”. В конечном итоге именно эти интересы и задачи определяют направленность “Слова о законе и благодати”...»³⁴. По мнению ученых, «нередко сакральное, священное вытесняется мирским, а само содержание богословствования отходит от христианской ортодоксии». В. С. Горский и Б. А. Лобовик приходят к выводу, что это «можно рассматривать как сознательное приспособление христианского учения к идеологическим проблемам Киевской Руси времен Ярослава Мудрого». В пользу этого, по мнению ученых, свидетельствует и отношение митрополита Илариона к языческому прошлому своего народа, в котором он видит не только «идольской мрак», но и «благородство славных предков»³⁵. Такое секулярное прочтение смысла и значения церковных памятников лишь как идеологических инструментов, безусловно, определяло и в целом отношение к Церкви как всего лишь к одному из элементов идеологической надстройки общества.

В объемной вступительной статье к сборнику «Украинская литература XVII в.»³⁶ В. И. Кречотень рассматривает развитие светских элементов в украинской литературе того времени как освобождение от «скованности церковно-религиозной идеологией», «преодоление теоцентризма и постепенном склонении к антропоцентризму». Автор также отмечает «усиление заинтересованности реальными предметами изображения»³⁷. Приступая к анализу полемической литературы XVII в. В. И. Кречотень последовательно игнорирует ее основное богословское содержание, не пытаясь посмотреть на него даже с точки зрения исторического контекста. Напротив, центральной темой в его анализе становится «злободневный для тогдашнего украинства вопрос о направлении культурной ориентации, о характере образования, необходимого для успешного противостояния польско-шляхетской экспансии»³⁸.

³⁴ Там же. С. 89.

³⁵ Там же. С. 90.

³⁶ *Кречотень В. І. Українська література XVII ст. // Українська література XVII ст. Київ, 1987.*

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ Там же. С. 10.

Богословская полемика в понимании автора не имеет внутренней ценности, а является лишь инструментом «утверждения идеи единства восточнославянских народов»³⁹. Относительно проповеднического творчества В. И. Крекотень подчеркивает, что в это время «заметно усиливается скепсис относительно догматических мудрований и абстрактных моральных предписаний христианских богословов». Напротив, по мнению ученого, положительным является тот факт, что все чаще в поучениях «прорываются наблюдения и наставления, рожденные живой жизнью и естественными человеческими стремлениями к познанию окружающего мира»⁴⁰. Говоря о тематической направленности «легендарных повестей» XVII в., В. И. Крекотень отмечает, что хотя морально-этические проблемы, которые лежали в основании этих повестей и «коренились в христианском религиозном сознании», но все же они были «иногда очень земные и почти всегда значимые в человеческой жизни»⁴¹.

В менее откровенном тоне говорит об освобождении народа от «духовного пленения церковью» и В. Л. Микитась в предисловии к изданию «Украинская литература XIV—XVI ст.»⁴². Для ученого также борьба за защиту социально-экономических интересов, отстаивание общественно-политических прав, протест против денационализации по сути является главным содержанием полемической литературы и деятельности известных полемистов⁴³.

Отозвались на юбилей крещения Руси и украинские национальные диссиденты. Значительное внимание этим торжествам уделяется в апрельском номере за 1988 г. самиздатского журнала «Альтернатива. Журнал национальных демократов». Авторы рассматривают крещение Киевской Руси в духе националистического прочтения украинской истории. По их мнению, «Российская православная церковь стала как бы пособницей мучителей» по отношению к грекокатоликам и теперь «узурпировала себе право

³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Микитась В. Л. Українська література XIV—XVI ст. // Українська література XIV—XVI ст. Київ, 1988.

⁴³ Там же. С. 20—21.

на празднование юбилея крещения Киевской Руси». Она «стремится стать навсегда представительницей украинских христиан, которые еще так недавно имели свои церкви — УАПЦ и ГКЦ»⁴⁴. Пафос статьи заключается в призыве освободиться от этого «угнетения» «российской» Церкви. В данной публикации нет характерного для официальных советских авторов утилитарного подхода к христианству. Церковь в некоторой степени предстает отдельной идеологической силой по отношению к обществу. Однако ее ценность определяется не через категории истины, Бога, но исключительно национальным фактором, ему подчиняется. В подобном направлении секуляризации идеи Церкви прослеживается стремление, сохранив относительную автономию церковной жизни, всецело подчинить ее национальному фактору.

Методологический аспект

Отдельно следует остановиться на секуляризации религиозного сознания, отраженном в работах украинских академических философов, которые непосредственно занимались осмыслением данной сферы жизни общества. Во второй половине 1980-х гг. появляется ряд коллективных и авторских монографий по указанной проблематике. Их анализ помогает осмыслить методологическую сторону секуляризации.

Прежде всего, следует обратить внимание на монографию Б. А. Лобовика «Религиозное сознание и его особенности»⁴⁵, вышедшую в Киеве в 1986 г. Автор, размышляя над вопросом определения «уровней» религиозного сознания, приходит к выводу, что связывать «обыденное» религиозное сознание только с психологией, чувственной деятельностью, а теоретический уровень лишь с интеллектуальной деятельностью и идеологией некорректно. В связи с этим ученый выделяет «психологическую сторону религиозного сознания», связанную с чувственно-эмоциональной сферой, и «гносеологическую», которая, собственно, имеет разные уровни — от обыденного до теоретического⁴⁶. Хотя Б. А. Лобовик неоднократно повторяет, что невозможно совершенно

⁴⁴ Альтернатива. Часопис національних демократів. 1988. № 4. С. 6.

⁴⁵ Лобовик Б. А. Религиозное сознание и его особенности. Киев, 1986.

⁴⁶ Там же. С. 44—59.

отделить друг от друга указанные стороны религиозного сознания, тем не менее такое выделение в религиозной жизни личности сфер с разной степенью осмысленности позволяет рассматривать религию как сложный и противоречивый феномен. Так, считая религиозное сознание фантастическим отражением действительности, автор все же признает, что «религия способна отражать существенные, необходимые связи действительности»⁴⁷. А относительно адекватности конкретного верующего ученый приходит к выводу, что «сознание верующего всегда раздвоено. Насколько бы глубокой не была его религиозность, она никогда не может полностью заслонить реалистическое видение окружающего»⁴⁸. В целом работу пронизывает мысль о необходимости более осмысленного подхода к оценке религиозной жизни, о сложном переплетении в ней интеллектуального и чувственно-эмоционального, существенного и вымышленного, реалистического и фантастического. Такая позиция ученого, безусловно, открывает возможности для принятия религиозности как объективного феномена действительности. При этом важно, что это принятие осознанно или нет носит выборочный характер: лишь отдельные сферы религиозной жизни признаются такими, что «отражают существенные, необходимые связи действительности», а «обыденное», «чувственно-эмоциональное» волей или неволей уходит на уровень «массового» продукта, удела толпы, в отличие от теоретического уровня, связанного с интеллектуальной сферой. Есть все основания полагать, что подобный концептуальный взгляд на осмысление религии был принят и развит в среде научной интеллигенции.

С этой точки зрения можно сделать интересные выводы на основе анализа достаточно объемной коллективной монографии «Православие и современность»⁴⁹, изданной в 1988 г. в киевском издательстве «Научная мысль». Авторы попытались проанализировать роль и место Русской Православной Церкви в истории

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ Там же. С. 209.

⁴⁹ Православие и современность: Философско-социологический анализ / [Б. А. Лобовик, А. Н. Колодный, Н. В. Филоненко и др.]; отв. ред. Б. А. Лобовик; АН УССР, Ин-т философии. Киев, 1988.

и современном для них обществе с позиции официального научного атеизма. В издании утверждается, что, невзирая на все попытки «модернизировать» свою идеологию, «мировоззрение церкви, перешедшей на позиции христианского служения, как и прежде, остается ложным, фантастическим. Оно пронизано верой в воображаемые сверхъестественные силы, в их определяющее влияние на человека и окружающий мир. ... “Прочтение” сквозь призму такого мировоззрения социалистической реальности препятствует формированию адекватности представлений о ней»⁵⁰. В подобном ключе критикуется неспособность верующих адекватно воспринимать и осмысливать реальность и в другом месте: «Ложная мировоззренческая основа и в своем модернизированном варианте объективно ведет к дискредитации земных ценностей, обрекает верующих на бесплодное служение религиозным иллюзиям»⁵¹. Зависимость религиозного осмысления действительности от сверхъестественных сил чревата, по мнению авторов, прежде всего тем, что «неизбежно ведет к духовной несвободе, раздвоенности сознания человека, дезориентирует его в жизненных стремлениях и выборе средств для их достижения»⁵². Как видим, главная причина отрицательного отношения к деятельности Русской Православной Церкви для авторов монографии связана не столько с ее идеологической позицией, которая, как указывается, претерпевает определенную эволюцию и стремится идти в ногу со временем, но именно с особенностями религиозного мировоззрения — неспособностью его, по мнению ученых, сосредоточиться на «реальных», «земных» проблемах человека, отрицательном влиянии на социальную активность индивида, переориентацию его на «активность другого рода, носящую исключительно религиозный характер»⁵³. Разделение «религиозного мировоззрения» и «религиозной, церковной идеологии» пронизывает тексты монографии. К примеру, указывается, что «концепция “христианского служения миру” — следствие непредубежденной в социально-политическом отношении, но предубежденной со стороны религиозного мировоззрения попытки “прочитать”»,

⁵⁰ Там же. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 59.

⁵² Там же. С. 155.

⁵³ Там же. С. 197.

истолковать принципы социализма и коммунизма»⁵⁴. И именно религиозное мировоззрение «в духе веры в сверхъестественное» «деформирует» прогрессивные идеи, «оказывает глубоко негативное влияние на ценностные ориентации верующих, на их деятельность»⁵⁵. Наконец, в выводах авторы откровенно говорят, что, «одобряя социально-политическую ориентацию Русской православной церкви, отмечая наличие в истолковании ее догматики и нравоучения либерально-модернистских тенденций, одновременно не следует упускать из виду и того мировоззренчески антинаучного, что прикрывается модернизмом. Ибо современная позиция церкви в ряде политико-социальных и других вопросов не адекватна содержанию ее вероучения, которое остается антинаучным и реакционным по самому его смыслу»⁵⁶. И, хотя в самом начале работы авторы предостерегают от некорректного отделения «социально-политической позиции» современного русского православия от его «фантастического» мировоззрения, указывая на необходимость их целостного восприятия, все же в дальнейшем больше обосновывают мысль о том, что «смешение идеологического и мировоззренческого не только ошибочно, но и способно принести ущерб политическому единству верующих и неверующих»⁵⁷. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что тезис о существовании разных по степени адекватности, с точки зрения философов, сфер в религиозном сознании был воспринят научной атеистической интеллигенцией. В проанализированной монографии очевидна тенденция к отделению «фантастического» пласта от рациональной идеологической составляющей.

В другой коллективной монографии «Идеология русского православия»⁵⁸, вышедшей несколько раньше, Б. А. Лобовик говорит об опасности смешения религиозного мировоззрения с коммунистическим видением мира. При таком подходе, по мнению автора, религиозные мировоззренческие искажения «мешают

⁵⁴ Там же. С. 331.

⁵⁵ Там же. С. 332.

⁵⁶ Там же. С. 333.

⁵⁷ Там же. С. 28.

⁵⁸ Идеологія руського православ'я: критич. аналіз / [Б. О. Лобовик, М. С. Гордієнко, М. П. Красников та ін.; відп. ред. Б. О. Лобовик]. Київ, 1986.

формированию научно обоснованных ценностных ориентаций, такому осознанию ими жизненных проблем, которое выводило бы их на путь осознанного исторического творчества»⁵⁹. В то же время в небольшой брошюре «Религиозное сознание и здравый смысл»⁶⁰. Б. А. Лобовик в соавторстве с В. Г. Шадурским касаются проблемы соотношения с реальностью разных уровней религиозного сознания. Примечательно, что основной массив критики обрушивается именно на «обыденное религиозное сознание», которое авторы обозначают как низший уровень, связывая его с верою основной массы христиан. Высший, «теоретический уровень религиозного сознания» при этом, по мнению ученых, для большинства верующих остается «грамотой за семью печатями»⁶¹. Это не говорит о его оправдании в глазах авторов, но именно с «рядовыми верующими», с «большинством малограмотных фанатично настроенных верующих» Б. А. Лобовик и В. Г. Шадурский связывают консерватизм и косность «эмпирического видения окружающего», не способного возвыситься над ограниченностью собственного чувственного опыта, оторваться от «истины факта», отказаться от самых грубых предрассудков⁶². Таким образом, можем говорить, что с методологической точки зрения в представленных работах академических философов секуляризация религиозного сознания происходит в контексте анализа, вычленения тех сфер и подходов, которые признаются «рациональными». В то же время научная интеллигенция уходит от синтеза религиозного мировоззрения с атеистическим, как от методологически неприемлемого для них пути.

Работа Ю. А. Калинина «Модернизм русского православия»⁶³, опубликованная в Киеве в 1988 г., в целом находится в русле идей, высказанных в проанализированных монографиях. Под «модернизмом» автор понимает «интенсивный пересмотр и изменение вероучительных и культовых положений и следующих из них выводов, а также форм и методов религиозной организации

⁵⁹ Там же. С. 23.

⁶⁰ Лобовик Б. А., Шадуринский В. Г. Религиозное сознание и здравый смысл. Киев, 1986.

⁶¹ Там же. С. 22.

⁶² Там же. С. 22, 35—36.

⁶³ Калинин Ю. А. Модернизм русского православия. Киев, 1988.

и деятельности в соответствии с новыми социально-историческими условиями, образом жизни и деятельности людей». При этом «модернизацию религии» Ю. А. Калинин считает «объективной закономерностью»⁶⁴. В дальнейших рассуждениях автор раскрывает конкретные примеры такой «модернизации», которые он наблюдает в современной для него богословской литературе и церковной публицистике. Первым ярким примером модернизации он считает «онаучивание, офилософствование религиозной идеологии»⁶⁵. В то же время, Ю. А. Калинин указывает на недостаточную адекватность восприятия реальности в контексте религиозного мировоззрения, что «обнаруживается прежде всего в игнорировании им объективной всеобщей связи вещей и процессов»⁶⁶. Очевидно для автора, как последовательного материалиста, наблюдающего со стороны всплеск развития церковной науки, публицистики, наиболее сложным вопросом является противоречие между возрастающей ролью Церкви в общественной жизни и метафизическим и идеалистическим характером ее мировосприятия, обращенного к трансцендентному Богу. Активная позиция Церкви, которая в известных пределах выступает со своим видением и оценкой общественной жизни, для ученого представляется неким лукавством: «Деятельность Русской православной церкви в условиях социализма носит приспособленческий характер»⁶⁷, — заявляет по этому поводу Ю. А. Калинин. И хотя, по признанию автора, «современное русское православие» пересмотрело свою социально-политическую доктрину, а в богословских трудах все чаще звучит «призыв к социальной активности», и следует положительно оценивать «линию церкви на пропаганду патриотизма», все же для православного мировоззрения остается характерным «традиционное обесценивание реальных человеческих проблем»⁶⁸. Поскольку связь с трансцендентным Богом и ориентация на ценности, которые находятся «в мире горнем», остаются, то Ю. А. Калинин приходит к выводу, что «обновление,

⁶⁴ Там же. С. 9.

⁶⁵ Там же. С. 23.

⁶⁶ Там же. С. 27.

⁶⁷ Там же. С. 31.

⁶⁸ Там же. С. 63.

происходящее сегодня в русском православии, представляет собой попытки мистификации социального и научно-технического прогресса, жизненной практики современного верующего, его мыслей и настроений»⁶⁹. Как видим, основная мысль публикации свидетельствует о возрастающем запросе на идеологию, которая должна максимально заботиться «реальными» человеческими проблемами, забыть или отодвинуть на второй план «отвлеченные», «сверхъестественные» идеи и ценности и всецело сфокусироваться на «объективной» действительности. В дальнейшем, с крахом советской идеологии, это выльется в попытку «дополнить», «усовершенствовать» церковное мировоззрение более приземленной системой ценностей, смысл которой выражался ленинским тезисом о том, что «настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не “утешает” их»⁷⁰.

В связи с этим можно выделить еще один важный аспект секуляризации идеи Церкви в сознании украинской советской интеллигенции, который определял отношение к вере. Это идея о человеке как безусловном хозяине собственной жизни, творце истории. Религия, указывали авторы брошюры «Атеизм — познанная истина», «способствовала отчуждению человека от своей истории, была препятствием на пути освоения ею сущностных сил человечества... ограничивала культурно-исторические предпосылки самодеятельности личности»⁷¹. В то же время атеистическое мировоззрение «дает возможность человеку подчинять себе объективные обстоятельства своего существования, превращать необходимость в средство достижения поставленной цели»⁷². Такие мировоззренческие установки в осмыслении сущности религии, призыв к активному изменению мира открывают путь к восприятию и Церкви как сферы, которую можно и нужно перестраивать согласно общественным и личностным

⁶⁹ Там же. С. 70.

⁷⁰ Лисовенко Н. А. Несостоятельность православно-богословской системы ценностей // Вопросы атеизма. Вып. 22. Киев, 1986. С. 69.

⁷¹ Колодний А. М., Кондратик Л. Й. Атеїзм — пізнана істина. Київ, 1987. С. 9.

⁷² Там же. С. 27.

запросам, согласно тому мировоззрению, которое индивид или общество посчитают правильным и комфортным в данный момент времени. При этом для того, чтобы оправдать такое подчинение религиозной жизни запросам конкретного времени и общества, нередко полемика переводилась в плоскость нравственных категорий. Христианство обвинялось в «антигуманных» и «человеконенавистнических» призывах к «отказу от насущных проблем жизни», препятствию «научному, нравственному и другим формам общественного прогресса» из-за якобы проповедовавшегося им презрения к земной жизни⁷³. Утверждалось, что уверенность в гуманности религии — иллюзорна⁷⁴.

Объективные тенденции падения жесткого идеологического режима в конце 1980-х гг., демократизация и гласность, которые открыли перед «научным» атеизмом проблему сохранения и даже развития религиозной жизни в условиях многолетней атеистической пропаганды, обусловили необходимость переосмысления оценок и отношения к религиозному мировоззрению. В 1989 г. в Киеве вышла коллективная монография «Атеистическое воспитание: содержание, формы и методы»⁷⁵. Авторы вынуждены были признать несостоятельность многих теоретических построений относительно природы и будущего религии, которые были сформулированы советскими пропагандистами в 1930—60-е гг. В монографии утверждается, что и «социалистическая действительность воспроизводит религию». Поэтому ставить вопрос об исчезновении религии в ближайшем будущем, утверждать, что вера всецело основана на пережитках и представляет из себя «однозначное свидетельство нравственной неразборчивости, духовного убожества, гражданской незрелости» — некорректно⁷⁶. Напротив, авторы отмечают положительные, с их точки зрения,

⁷³ Тарасов Ю. В. Антигуманность учения и практики русского православия // Вопросы атеизма. Вып. 22. Киев, 1986. С. 39.

⁷⁴ Лисовенко Н. А. Указ. соч. С. 67.

⁷⁵ Атеистическое воспитание: содержание, формы и методы / редкол.: А. С. Онищенко (отв. ред.) и др.; Межресп. фил. Ин-та науч. атеизма Акад. обществ. наук при ЦК КПСС в г. Киеве. Киев, 1989.

⁷⁶ Там же. С. 77.

изменения «в сознании современного верующего»: «некоторые компоненты традиционного мировоззрения отступают на второй план, в него во все большей степени проникают светские мотивы, ценности, ориентации»⁷⁷. Безусловно, положительно оценивается социальная активность молодых верующих: «Светское, гражданское, патриотическое, наконец, жизненно практическое он (молодой человек. — *Р. С.*) стремится согласовать с религиозным. Высок интерес у верующей молодежи к политическим, социально-экономическим, духовно-нравственным, культурным проблемам жизни советского общества»⁷⁸. «Формируется новый тип верующего — светского христианина»⁷⁹. При этом необходимо особо отметить и убежденность авторов монографии в неизбежной «трансформации религиозного мировоззрения в результате включения церкви в земные заботы человечества»⁸⁰. Интересно также и признание, что тезис о том, что религия «является наиболее консервативной формой общественного сознания» требует уточнения: если «конфессиональные формы религии действительно консервативны, устойчивы», то «содержание религии (теологическое — в меньшей степени, социальное, политическое, нравственное — в большей степени) непрерывно эволюционирует»⁸¹. Безусловно, авторов монографии нельзя обвинить в симпатии к религии. Однако изменение в оценках верующих, выделение положительных сторон их мировоззрения отражает процесс принятия отдельных аспектов и даже в некоторой степени «освоения» религиозного сознания атеистической интеллигенцией. Открытие нового типа верующего — «светского христианина», признание «эволюционного характера» содержания религии говорит не только об объективных процессах в обществе, но и об изменениях в мировоззрении ученых.

⁷⁷ Там же. С. 82.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 4.

⁸⁰ Там же. С. 91.

⁸¹ Там же. С. 95.

Заклучение

Рассмотренные публикации представителей украинской светской интеллигенции второй половины 1980-х гг. дают основания говорить о возрастающей тенденции к секуляризации идей христианства и Церкви в сознании научного сообщества страны. Данный процесс развивался параллельно с возрастающим интересом к церковной истории и исследованию сущности религиозного сознания в указанный период. Доступные публикации позволяют выделить два важных аспекта секуляризации — мировоззренческий и методологический. В контексте мировоззренческого аспекта секуляризация представляется как лишение идеи Церкви ее сакрального смысла, рассмотрение Церкви исключительно как составляющей общественной жизни с подчиненным по отношению к обществу ценностным содержанием. Здесь выделяется два направления секуляризации, которые можно условно обозначить как рационально-чувственное и утилитарно-инструменталистское. Первое направление развивалось в работах научных и общественных деятелей, которые представляли националистически ориентированные круги. Церковь и христианство рассматривались ими как целостные и самодостаточные категории, относительно автономные в контексте общественной жизни. Однако при этом внутреннее содержание церковной жизни и христианского вероучения ставилось в подчиненное по отношению к национальной идее положение и, по сути, выполняло функцию внутреннего регулятора в идеологической сфере, освящающего лишь то, на что дает санкцию национально осознанное общество. Утилитарно-инструменталистское направление секуляризации развивалось в рамках атеистической идеологии. Смысл данного подхода заключался в лишении христианства и Церкви автономного внутреннего содержания. Они рассматривались учеными лишь как элемент идеологии, инструмент реализации политической власти и общественного сознания.

Методологический аспект исследования проблемы секуляризации религиозного мировоззрения в целом и идеи Церкви в частности более всего прослеживается при рассмотрении публикаций академических философов Украинской ССР второй половины 1980-х гг. В данном контексте секуляризация представляется

как совокупность аналитических методов, направленных на выделение в религиозных идеях разных сфер их восприятия — чувственной, рациональной, обыденной, фантастической и прочее. Такой подход позволял избирательно относиться к религиозному содержанию конкретных идей: принимать и признавать положительными рациональные составляющие и отбрасывать те составляющие идеологии и практики, которые признавались фантастическими, обыденными. Данное аналитическое, с точки зрения методологии, направление секуляризации развивалось в рамках атеистического мировоззрения и характерно для утилитарно-инструменталистского подхода. Для рационально-чувственного же — более характерным можно полагать синтетическое в плане методологии направление секуляризации.

В целом из проведенного анализа публикаций представителей украинской светской интеллигенции второй половины 1980-х гг. можно заключить, что секуляризация идей христианства, Церкви связана с утратой целостности религиозного опыта. Акцент делается на один из элементов этого опыта — интеллектуально-познавательный или чувственный, обыденный или теоретико-идеологический. При этом, безусловно, нельзя сводить секуляризацию только к потере целостности религиозного опыта, но последний процесс является одним из важнейших инструментов секуляризации как религиозного сознания в целом, так и отдельных идей в частности.

DOI: 10.46725/IW.2021.4.4

А. А. Бабина

СВЯТЫЕ У ТРОНА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СВЯТЫХ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ IV—VI вв.

Введение

В IV—V веках на латинском Западе претерпевает существенные изменения традиционное понимание отношений светской и духовной властей. Прекращение гонений на Церковь, установление веротерпимости и, наконец, превращение христианства в государственную религию сказалось как на внешнем положении духовной власти в государстве, так и на внутреннем церковном строе. С одной стороны, начинается процесс активной интеграции в состав высшего духовенства римской аристократии, которая привносит в церковно-христианскую жизнь и идеологию многие элементы, присущие ее элитарной культуре. С другой стороны, по мере укрепления своего влияния Церковь начинает мыслиться как существующая

© Бабина А. А., 2021

Бабина Александра Аркадьевна — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Alex.babina@mail.ru (Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University).

в радикальной оппозиции к миру, чье лидерство достигается за счет подчинения светских властей¹.

В то же время в агиографической литературе фокус рассказа перестраивается с описания мученической гибели святого на изображение его образцовой религиозной жизни и выполнения им социальных функций. Именно в этот период складываются основные житийные топосы, которые концептуализировали отдельные черты святого. Главными героями латинских агиографий становятся епископы, которые стали участвовать в управлении своими городами и в региональной политике в неизвестном доселе масштабе. Святые не только выполняли посольские миссии и занимались строительством и выкупом пленных, но и нередко отстаивали свои интересы и интересы своих прихожан в диалоге со светской властью. Фактически епископы стали занимать промежуточное положение между полюсами светской и религиозной власти, как выполняя пастырские функции, так и беря на себя бремя мирского заступничества за паству.

Образы святых и модели их социального воздействия, созданные в этот период, становятся своеобразным канонem для средневековой житийной литературы в целом. В связи с этими изменениями, происходящими на латинском Западе, при изучении сложной системы социальной иерархии и коммуникации поздней античности представляется важным проследить, как строилась и менялась модель взаимоотношений святых и светской власти в латинской агиографии IV—VI вв.

Рассмотрение этих вопросов возможно в рамках историко-антропологического подхода, который позволяет изучать культуру древнего общества посредством анализа сформированных и закреплённых в нем ритуалов и символов, а также помогает воспроизвести духовное содержание жизни человека того времени. В исследовании также использованы методы семиотики, имагологии, нарратологии и текстологии, позволяющие воссоздать когнитивно-ментальное содержание агиографического текста на основе анализа его структурных элементов.

¹ *Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. P. 132.*

Основная часть

Агиография IV — начала V века: модель противостояния святого светской власти

Рассмотрение житийной литературы IV в. показывает, что первоначально модель взаимоотношений святых с представителями светской власти создавалась на прямом противостоянии духовной и мирской властей. Для достижения своих целей святые чаще всего отказываются от поддержки со стороны светской власти, апеллируя к императорской силе только ради установления мира. При этом эпизодов столкновения с властью в агиографии IV века немного, гораздо больше внимания авторы уделяют темам совершения святыми чудес, аскетическим практикам и пастырскому служению. Светские власти редко представляют интерес для агиографов, поскольку главным врагом выступает дьявол и именно противостояние святого ему подчеркивается в житийном рассказе.

Смелость святого в противостоянии мирской власти подается в качестве его исключительной добродетели, в частности, в «Житие Мартина» Сульпиция Севера². «Чуть ли не исключением является тот первосвященник, который не раболепствует постоянно перед светской властью»³, — говорит автор жития, и этим исключением, конечно, выступает святой Мартин Турский.

Духовная власть святого резко контрастирует в житии с императорской властью узурпатора Максима. Сульпиций изображает узурпатора Максима, убившего ревностного защитника ортодоксальной веры императора Грациана, как человека «нрава высокомерного», вокруг которого «расцвела низкая лесть, а достоинство священнического сана подверглось унижению через прихоти царских клиентов»⁴. Автор, очевидно, порицает императора за то, что тот захватил власть силой, и уличает в лести

² Сульпиций Север. Житие святого Мартина, епископа и исповедника // Сочинения / пер. с лат., ст., коммент., указ. А. И. Донченко. М., 1999. С. 91—115.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 108—109.

других епископов, посещавших суд императора. При этом противопоставление священной власти епископа и мирской императорской власти находит отражение в языке: автор подчеркивает, что император Максим «вознесен победой в гражданской войне» и только в Мартине тогда пребывала «апостольская власть» (*apostolica auctoritas*)⁵. Такое сопоставление должно было, по видимому, натолкнуть читателя на мысль о том, что светская власть императора связана с мирскими делами и носит временный характер, тогда как власть Мартина имеет Божественную природу и, следовательно, носит вневременной характер. Эта идея скоротечности светской власти подкрепляется дальнейшим сообщением Сульпиция Севера о том, что Максим был убит⁶.

Агиограф подчеркивает смелость святого в политических вопросах, говоря, что «часто Мартин отказывался от императорских пиров, [прямо] говоря, что не может разделять трапезу с тем, кто одного императора лишил государства, а другого жизни»⁷.

Однако в кульминационном моменте взаимодействия со светскими властями Мартин представлен больше спокойным и смиренным, нежели настроенным на открытую конфронтацию с императором. Этот наиболее яркий эпизод противостояния Мартина императорской власти описывается в сцене пира, который Мартин неохотно посещает по просьбе узурпатора Максима. Во время пиршества императору была подана чаша с вином, которую он приказал подать прежде Мартину, ожидая принять ее обратно из рук святого. Однако Мартин, отпив, передал ее не императору, а своему пресвитеру, подчеркивая, что ему все равно, кто будет пить после него⁸. Святой изображен скорее безучастным к мирским делам светской власти, чем противостоящим императору. Епископа Тура, прежде всего, волнует сохранение собственной чести (*integrum*), поскольку дословно можно перевести мотивы его решения следующим образом: «...решив, что никто не был более достоин пить после него, и что он не был

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

бы честен, если бы предпочел пресвитеру либо самого императора, либо тех, кто был близок императору» (*VM XX*, 6)⁹. Очевидно, что оскорбление императора не является целью данного действия. Тем более что Сульпиций Север, хотя и относится к императору с явным осуждением, одновременно усматривает в его приходе к власти промысел Божий¹⁰.

В качестве средства формирования модели взаимодействия святого с властью агиограф использует изображение святого пророка. Данный образ уходит корнями в ветхозаветные тексты, в которых пророки являлись одновременно советниками и цензорами царей, предвещая победы в войнах или поражение за грехи их. Подобно им Мартин предсказывает императору гибель, если тот двинется, как собиравшийся, в Италию войной на императора Валентиниана¹¹. Предсказания одновременно являются формой выражения святости героя и формой проявления божественного предопределения. Обращение к этому образу позволяет агиографу продемонстрировать, что светская власть полностью подчинена Божьей воле, являясь объектом божественного поощрения или наказания. Такое положение вещей естественным образом поднимало духовную власть над светской.

Тем самым фабула оппозиции святого со светской властью явно начинает оформляться среди агиографов, чтобы окончательно сложиться в житийной литературе V в. Довольно часто основой для противостояния Церкви с властями оказывались религиозные споры, в которых епископ и представители власти занимали разные позиции. В IV веке таким камнем преткновения стали арианские споры. *Vita Martini*, хотя и упоминает противостояние с арианской ересью, не только не останавливается на них подробно, но и не выводит их на уровень столкновения с властями, только контекстуально подразумевая таковое¹².

⁹ *Sulpicius. Vita Martini XX*, 6 "... nullum scilicet existimans digniorem, qui post se prior biberet, nec integrum sibi fore, si aut regem ipsum aut eos, qui a rege erant proximi, presbytero praetulisset".

¹⁰ *Сульпиций Север*. Житие святого Мартина, епископа и исповедника. С. 109.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 98—99.

В отличие от Сульпиция Севера Паулин Медиоланский в «Житии Амвросия»¹³ подробно описывает борьбу святого с арианством. Антиарианские настроения в тексте выражены в противостоянии святого с матерью и регентом императора Валентиниана II Юстиной. В житии отображены попытки Юстины настроить народ против Амвросия, но всякий раз «по покровительству Божию» святой остается невредим и продолжает выполнять свои пастырские обязанности¹⁴.

В то же время, как известно из других источников, несмотря на религиозные разногласия, Юстина, по-видимому, отдавала должное политическим талантам медиоланского епископа, возлагая на него важные поручения. Например, по просьбе царицы Амвросий отправляется с посольской миссией к Магну Максиму, захватившему большую часть Римской империи, что позволило выиграть время и перекрыть дороги через Альпы¹⁵. Однако агиограф выпускает, возможно, умышленно столь значительный эпизод взаимодействия светской власти с епископом, останавливаясь по большей части на небольших эпизодах, в которых Юстина пытается оклеветать святого и изгнать его из Церкви. При этом Амвросий изображен смиренным, почти равнодушным к коварству царицы, что несколько перекликается с образом Мартина Турского. Победы, которые одерживает Амвросий над людьми, посланными Юстиной для его унижения или даже пленения, представляют собой эпизоды торжества божественной справедливости. Прямо не выступая против интриг царицы, Амвросий тем не менее всегда защищен Божьей милостью. Наиболее примечательным в данном отношении является эпизод, в котором царица просит епископа Медиолана передать арианам загородную базилику. Известно, что поддержанный горожанами святой отказывался это сделать¹⁶, однако автор жития ничего не говорит

¹³ Паулин Медиоланский. Житие свт. Амвросия Медиоланского / Собрание творений: на латинском и русском языках / пер. с лат. Д. Е. Афиногенова, прот. А. Гриня, М. В. Герасимовой. М., 2012. Т. 1. С. 55—154.

¹⁴ Там же. С. 69.

¹⁵ Казаков М. М. Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск, 1995. С. 127—131.

¹⁶ Там же. С. 166—191.

об этом. Сохранение базилики в руках истинно верующих и избежание кровопролития снова представляется скорее Божьим промыслом, чем старанием епископа: «Но Господь, Который обычно дарует Своей Церкви победы над ее противниками, обратил сердца воинов на укрепление ее, так что, повернув щиты, они не позволяли выходить, но входить в церковь кафолическому народу нисколько не препятствовали»¹⁷.

Однако в дальнейшем повествовании *Vita Ambrosii* Амвросий открыто противостоит императорам Максиму, Феodosию I, Валентиниану II и Евгению. Некоторые из этих столкновений возникают из-за посольств, во время которых Амвросий действует от имени второго императорского двора или части италийского населения; другие, происходящие в Медиолане, вытекали из выполнения Амвросием своих обязанностей как епископа города.

Наибольший интерес вызывает эпизод столкновений Амвросия и императора Феодосия I¹⁸. Феодосий кроваво подавил волнения в Фессалонике, когда «город едва ли не был уничтожен»¹⁹. Амвросий запрещает императору входить в церкви, поскольку считает, что тот будет достоин церковного собрания или причастия только после того, как Феодосий признает свою вину²⁰. Император вспоминает ветхозаветного царя Давида, говоря, что тот совершил и прелюбодеяние, и убийство. На что святой напоминает Феодосию о раскаянии Давида: «Раз ты последовал согрешающему, последуй и исправляющему»²¹. Феодосий, по утверждению Паулина Медиоланского, «так воспринял это душою, что не побоялся публичного покаяния»²². Интересно,

¹⁷ *Паулин Медиоланский*. Житие свт. Амвросия Медиоланского. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 75—81.

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Интересно, что буквально автор говорит, что Амвросий отказал императору в «единении с церковью и участии в таинствах» (*nes prius dignum indicauit coetu ecclesiae uel sacramentorum communione*). По-видимому, Феодосий здесь выступает не только как носитель светской власти, но и как в первую очередь член еkkлeсии.

²¹ *Паулин Медиоланский*. Житие свт. Амвросия Медиоланского. С. 81.

²² Там же.

что дальнейшие победы императора связываются агиографом именно с этим публичным покаянием. Тем самым Бог вновь берет под свое покровительство императора, признавшего свой грех и смиренно покаявшегося перед народом.

Образ кающегося монарха встречается в *Vita Ambrosii* впервые и считается первой собственно христианской формой репрезентации власти государя²³. Впервые в истории монарх публично сознавался во грехе и подчинялся законам праведности²⁴. Две стороны конфликта — епископ, требующий покаяния от самого императора, и император, смиренно кающийся перед Господом, — становятся своеобразными символами демонстрации преимущества Церкви над светской властью.

Очевидно, в данных отрывках автор делает акцент уже не столько на Божьей помощи в борьбе со светскими властями, сколько на бесстрашии и мужественности Амвросия в общении с императором и его приближенными. В другом эпизоде столкновения святого с императором Паулин Медиоланский конструирует проповедь Амвросия, в которой он обращается к Феодосию от лица Господа достаточно категорично: «Я позволил тебе восторжествовать без труда, а ты даешь врагам Моим торжествовать надо Мною?»²⁵ Автор также создает диалоги святого с императором в житии, в которых первый, хоть и говорит кратко, не боится отстаивать свои позиции. Когда же в общение пытаются вмешаться комиты императора, автор вкладывает в уста Амвросия следующие слова: «Я сейчас беседую с императором, а с вами мне нужно беседовать по-другому»²⁶. Такое резкое обращение к приближенным Феодосия, по-видимому, также служит для конструирования образа святого, отличающегося особой решительностью в диалоге с властью.

В дальнейших эпизодах указанные особенности во взаимодействии Амвросия со светскими властями сливаются. Амвросий остается активной политической фигурой, готовой к совместной

²³ Бойцов М. А. Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский // Вестник древней истории. 2009. № 2. С. 21.

²⁴ Пареди А. Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, 1991. С. 212—213.

²⁵ Паулин Медиоланский. Житие свт. Амвросия Медиоланского. С. 79.

²⁶ Там же.

выработке соглашений и отстаиванию собственных позиций. Паулин стремится подчеркнуть участие Амвросия в главных имперских событиях 380-х и 390-х годов, а также влияние, которое святой оказывал на имперский суд по церковным и светским делам. Однако Божественная сила также продолжает помогать святому в противостоянии с властью, проявляясь как в ниспосланной с неба победе покаявшегося и благоверного императора Феодосия над «императором, замешавшем себя в святотатстве», которому «было отказано в молитвенном общении с Церковью»²⁷, так и в наказании чиновников, препятствующих исполнению воли святого Амвросия²⁸. Такая модель взаимодействия с властью, при которой святой активно противодействует несправедливости властей, складывается непосредственно в начале V в. Помимо этого на протяжении конца IV — начала V в. в агиографии окончательно закрепляется мысль о превосходстве сакральной власти над мирской, что находит выражение как в сюжете, так и в символическом аспекте повествования.

Что же касается причин конфликтов с властью, то, по всей видимости, в ранних житиях наиболее остро отражена тема борьбы святых сначала с язычеством, а затем и с арианством, поддерживаемых светскими властями. Другой возможной причиной противоречий становится осуществление святым своих пастырских функций. В своих обличительных наставлениях святые одинаково строго судят и простых христиан, и знать. С распространением ортодоксального христианства мотив противостояния светской власти по вопросам религии в основном исчезает, однако сама тема конфронтации сохраняется в агиографических произведениях V в. В первую очередь в основе взаимодействий священной и мирской властей оказываются как раз проблемы определения справедливых решений по отношению к прихожанам. Например, Гонорат Массилийский в «Житии святого Илария, епископа Арелатского»²⁹, написанном между 475 и 480 г.,

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ Там же. С. 89—91, 93.

²⁹ *Гонорат, епископ Массилийский. Житие святого Илария, епископа Арелатского // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / ред. А. Р. Фокин. М., 2004. С. 92—127.*

делает акцент на настойчивости и непоколебимости святого в вопросах общения с властью. Агиограф повествует о попытках Илария убедить префекта воздержаться от несправедливых решений, «чтобы из-за обычной ошибки (*lapis*) тот не был увлечен к гибели (*in praecipis*)»³⁰. После того как префект не внял его внушениям, святой подвергает его общественному обличению в церкви. Не поясняя причин конфликта между епископом и префектом, агиограф останавливается на сцене прямого отпора, который дает Иларий. Во время священного торжества в базилике было большое стечение народа, и на празднике решил присутствовать также префект со своими людьми. Префект вошел в базилику во время проповеди Илария, но тот, заметив его присутствие, остановил речь, сказав, что «недостойно принимать духовную пищу тому, кто презрел увещания о собственном спасении»³¹. Смущенный и встревоженный префект вынужден был выйти из церкви, после чего только Иларий продолжил свою проповедь³².

Заметно, что данный эпизод контекстуально близок к сцене пира из *Vita Martini*, и сцене общения святого и императора на богослужении в *Vita Ambrosii*. Все три эпизода имеют целью подчеркнуть стойкость и независимость святого. С житием Мартина Турского данный отрывок сближает тот факт, что предмет, вызвавший столкновение, оказывается неинтересен авторам. Для них и их читателей правота и справедливость святого очевидна. Праведник оказывается выше светской власти подобно тому, как Церковь праведнее государства. В то же время инструмент, к которому прибегает святой для увещания светских властителей, сближает *Vita Hilarii* с житием Амвросия. Оба епископа, исчерпав более кроткие методы, прибегают к общественному изобличению. Останавливая проповедь и отказываясь совершать евхаристию, святые используют свое положение и влияние для того, чтобы содействовать исправлению нравов своей паствы. Осознание своей пастырской роли вынуждает святого открыто укорять даже сильных мира сего. Решительные речи святых

³⁰ Там же. С. 106.

³¹ Там же. С. 106—107.

³² Там же. С. 107.

не направлены на унижение достоинства светской власти, а прежде всего, должны были служить своего рода лекарством для нравственных слабостей людей всех сословий³³. Вместе с тем, это совсем не исключает желаний агиографов сформировать у читателей мысль о превосходстве духовной власти над светской. Несомненная справедливость святого, смелость и строгость в отношениях с мирскими властями делали в глазах читателей власть святого над светскими правителями благочестивой и неоспоримой.

Ослабление политических структур и централизованного контроля государства способствовало усилению влияния позднеантичной Церкви, практически заменившей собой в IV—V вв. прежнюю муниципальную организацию. Среди прочего это могло сказаться на решении вопроса о соотношении духовной и светской власти. При сохранении общей идеи примата духовного авторитета решение этой проблемы в агиографии постепенно изменяется в течение V в. с укрепления влияния святого посредством конфронтации на компромиссный диалог с императорской властью.

***Агиография конца V — начала VI века:
модель компромиссного взаимодействия святого
и светской власти***

Переход к более мирным способам урегулирования конфликтов с властью заметен уже в «Житии святого Германа Осерского» Констанция Лионского, написанном около 480 г. *Vita Germani*³⁴ явно ориентируется на традицию изображения политической деятельности святого, заложенную Паулином Медиоланским. Однако, как убедительно доказывает исследователь Эндрю Джилетт, Констанций Лионский создает новые для своего времени черты святого-посла³⁵. Тема дипломатических миссий и посредничества является одной из наиболее важных в произведении,

³³ Певницкий В. Арелатские проповедники V—VI вв. <Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / ред. А. Р. Фокин. М., 2004. С. 35.

³⁴ Констанций Лионский. Житие святого Германа / пер. с лат. А. А. Бабиной и В. М. Тюленева. Иваново, 2019.

³⁵ Gillett A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West. New York, 2003. P. 115—138.

основная часть которого посвящена описанию пяти путешествий Германа.

Постоянно беря на себя бремя заступничества, Герман не мог избежать встреч со светскими властями, однако агиограф решает вопрос их взаимоотношений совершенно иначе, нежели его предшественники. В сущности, Констанций Лионский выстраивает новую компромиссную модель взаимодействия святого с мирской властью. Дипломатия и вежливость Германа усиливают духовный авторитет епископа в глазах светской власти, которая уступает мольбам святого, необлеченного никакой иной властью кроме божественной. Епископу достаточно явить свою образованность или чудотворную силу, чтобы достичь согласия с представителями власти. К примеру, префект претория Галлии Ауксилиарий, к которому Герман прибыл для того, чтобы попросить о снижении налогов для горожан Осера, «предлагает ему подарки, сулит милости и спрашивает у блаженного мужа принять то, о чем [Герман] собирался просить»³⁶.

Одним из наиболее драматических эпизодов взаимодействия св. Германа со светской властью является сцена смелого противостояния святого с Гохаром, королем варварского племени аланов. Аэций потребовал от Гохара подавить восстание багаудов. Герман «один выступил с упреками против воинственнойшего народа и короля, служителя идолов, но все же благодаря защите Христовой он был сильнее и решительнее всех»³⁷. Святой, спешно отправившись к королю, сначала обратился к нему с мольбами, но, когда тот хотел оттолкнуть епископа, схватил поводья его лошади, остановив его и все следовавшее за ним войско. «В ответ на это свирепейший король вместо гнева, по побуждению Божиему, выразил удивление, восхитился его твердостью, проявил уважение и уступил перед непоколебимостью его силы. Шум умолк; военные приготовления и бряцание оружием уступают место учтивости переговоров, [ситуацию все] обсуждают и решают не так, как хотел король, а так, как просил священник. Король и войско соглашаются на мир»³⁸. Очевидно,

³⁶ *Констанций Лионский. Житие святого Германа. С. 5.*

³⁷ Там же. С. 53—54.

³⁸ Там же. С. 54.

Констанций сохраняет и мотив смелости героя в общении с представителем светской власти, и идею божественной помощи святому, заложенные Паулином Медиоланским. Однако реакция короля куда более скорая и смиренная, чем ответные действия светских властей в *Vita Ambrosii*. Таким образом, даже с «движимым варварской жадностью» королем аланов Герману удастся легко достичь мирного соглашения.

В то же время условие Гохара, чтобы «милость, которую он сам проявил»³⁹, была подтверждена императором или Аэцием, вынуждает Германа ходатайствовать за жителей Арморики перед императором Валентинианом III и его матерью и соправительницей Галлой Плацидией. В *Vita Germani* создается положительный образ императорского двора, и особенно — императрицы, которая описывается как набожная, почтительная и скромная. Констанций изображает Галлу Плацидию и ее сына как пылких христиан: «Они так почитали кафолическую веру, что, хотя управляли всеми, [сами] служили в высочайшем смирении слугам божьим»⁴⁰. Между императрицей и епископом Осера устанавливается доброжелательная дружеская связь. В последующих эпизодах Плацидия ухаживает за умирающим Германом, «лишенная всякой надменности, присущей власти», а также сама облачает тело святого после смерти⁴¹. Высшие императорские чиновники рады помочь Герману в любом начинании, а сам императорский двор является местом великого благочестия.

Интересно также и то, что Герман в конечном счете соглашается с императорским решением наказать непокорное население Арморики. В этом Констанций упрекает не императора, чье «доверие было подорвано» багаудами, и не Германа, который «без сомнения решил бы вопрос относительно области Арморики» в ходе своего последнего посольства. Вина возлагается на самих армориканцев и конкретно на лидера повстанцев Тибатто, вновь поднявшего багаудов на восстание⁴². Даже несмотря на неудачу в переговорах, Герман сохранил свой авторитет защитника слабых и милосердного посредника в мирских делах. Констанций

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 59.

⁴¹ Там же. С. 63—64.

⁴² Там же. С. 62—63.

Лионский не меняет также и положительного образа императорского двора. Невыполнение миссии Германа не вызвало никакой конфронтации между галльским епископом и императором.

Констанций явно превозносит Германа за эффективность в решении светских вопросов: после встречи с префектом претория Галлии Герман «принес желанное облегчение своему народу»⁴³; в его посольстве к Гохару «благодаря вмешательству и заслугам священника король был сдержан, войско отозвано, провинции были избавлены от разорения»⁴⁴. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что Герман никогда не выступает в качестве инициатора своих поездок. Напротив, ни Мартин, ни Амвросий никогда не фигурировали в житиях как те, кто отвечает на прошения; они всегда изображаются активно ведущими дела по собственной инициативе. Эта деталь, очевидно, служит еще одним элементом образа святого-посла, который выстраивается в тексте и подчеркивает роль Германа как заступника, который готов отозваться немедленно на любую просьбу.

Сообразно изменению в модели взаимодействия с властями меняются и мотивы, побуждающие Германа к общению с ними. Хотя епископ Осера и изображен как борец с ересью пелагианства в Британии, это не служит созданию образа святого, противостоящего мирской власти, как это было в более ранних житиях. Напротив, исцеление детей местной знати помогает святому укрепить в вере людей, введенных ересью в заблуждение. Пастырская же роль Германа отражена скорее в виде образа патрона, защищающего свою общину от высоких налогов. Святому не нужно укорять власть имущих, поскольку они сами склоняются перед его авторитетом и чудотворной силой. Главным мотивом теперь становится выполнение святым посольской миссии по ходатайствам многочисленных просителей.

Созданная модель компромиссного взаимодействия святого с властью, по всей видимости, получает в дальнейшем распространение и развитие в агиографии «длинного V века»⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ Там же. С. 54.

⁴⁵ Хронологический период с 395 года по 527 год. Об этом понятии подробнее см.: *Lee A. D. From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome*. Edinburg, 2013.

По такой композиционной схеме строится, например, созданное в начале VI в. «Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви» Магна Феликса Эннодия⁴⁶, чья зависимость от текста *Vita Germani* уже отмечалась исследователями⁴⁷.

Образ святого-посла, сохраняя многие черты, созданные Констанцием Лионским, здесь усложняется. В свою очередь модель взаимодействия со светской властью также получает новые элементы. Так, св. Епифаний, подобно епископу Осера, участвует в посольствах по просьбам других, однако существенно меняются средства, при помощи которых святой добивается желаемого в ходе переговоров. На первый план Эннодий выводит облик епископа Тицина и его красноречие.

По большому счету, описание телесной красоты, «которая служила отражением души»⁴⁸, — общий топос, причем не только для христианской агиографической литературы, но и для языческих биографов. Однако Эннодий использует красоту героя как средство убеждения в переговорах с властью. К примеру, лигурийцы так описывают Епифания императору Антемию, предлагая святого в качестве посредника в переговорах с Рицимером: «Есть среди нас человек, недавно посвященный в епископы города Тицина... чей лик — отражение жизни... которого, конечно же, полюбят гречонок (Антеций), если удостоится узреть его»⁴⁹. Прибыв в Рим на переговоры, Епифаний привлекает к себе внимание и восторг окружающих, «ибо облик его, который служил отражением его святости, внушал всем благоговение»⁵⁰. Когда же святой обращается с речью к Антемию, Эннодий отмечает, что святой мог поправить царские знаки могущества «сиянием внушающего почтения

⁴⁶ *Магн Феликс Эннодий*. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатели В. М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013.

⁴⁷ *Borius R.* Introduction // *Vie de Saint Germain d'Auxerre / Sources Chrétiennes*. Paris, 1965. Vol. 112. P. 47.

⁴⁸ *Магн Феликс Эннодий*. Житие блаженнейшего мужа Епифания. С. 58.

⁴⁹ Там же. С. 71.

⁵⁰ Там же. С. 73.

образа... (ибо Епифаний так притягивал к себе взоры окружающих, будто бы все происходило в отсутствии императора)»⁵¹.

Последнее замечание особенно интересно в контексте вопроса о соотношении властей. По-видимому, Эннодий, как и другие агиографы, считает превосходство духовной власти над властью земной безусловным. Однако впервые выражение этой мысли мы видим на примере затмения императора телесной красотой святого. Внимание к облику героя выделяет житие Епифания среди прочих агиографических произведений латинского Запада⁵².

Однако ключевым элементом во взаимодействии святого с властью в *Vita Epiphani* оказываются ораторские способности святого. Именно они позволяют Епифанию успешно завершить миссию и добиться требуемого от оппонента. Эннодий дает такую характеристику красноречию епископа Тицианской церкви, вкладывая ее в уста тех, кто просит заступничества святого: «Если же мы обратимся к его речи, то никогда фессалийский чародей не мог так заклинать аспидов своими манипуляциями и песнями, как тот [епископ] добивается результата даже у тех, кто собирался ответить отказом на его просьбы. Как только он начинает говорить, решение слушателя оказывается в его власти. Тот, кто намеревается ответить отказом, теряет власть над собой, если тому [епископу] предоставляется возможность привести доводы»⁵³.

Это сверхъестественное влияние на оппонента и сравнение ораторского мастерства с магическим искусством фессалийского чародея некоторым образом сближает искусство речи святого с чудотворной силой. Возможно, Эннодий использует такое описание, чтобы в глазах читателей красноречие святого воспринималось как Божий дар, тем более что традиционные для агиографии топосы чудес практически отсутствуют в тексте.

Обращает на себя внимание тот факт, что житие Епифания насыщено военной лексикой. Хотя римляне и уступают военное преимущество варварам, их мир все еще осмысливается в военных образах. Слово у Эннодия уподобляется оружию. Явно прослеживается противопоставление отточенной речи римского

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 58, прим. 4.

⁵³ Там же. С. 71—72.

оратора военному служению, ставшему к тому времени прерогативой варваров⁵⁴. Этот контраст римского и варварского служит одним из средств выражения противостояния духовной и светской властей. Поскольку чаще всего оппонентами святого выступают варварские короли, получается, что грубая мирская власть в тексте покоряется искусно примененному слову епископа-римлянина⁵⁵.

Таким образом, Епифанию достаточно явить свой ораторский талант, чтобы одержать победу над оппонентом. Хотя мастерство святого как оратора описывается в *Vita Ambrosii*, в *Vita Hilarii* и, косвенным образом, в *Vita Germani*, именно *Vita Eiphani* превращает использование риторики в главное средство взаимодействия святого со светской властью. Епифаний принимает на себя традиционные для гражданских магистратур функции и становится силой, способной в новых политических условиях цементировать общество, используя, в том числе ораторский талант⁵⁶. Земные владыки не могут ответить отказом на просьбы Епифания, подкрепленные красотой его облика и могуществом речи. Их покорность воле святого еще больше, чем в *Vita Germani*, а риторика Епифания, по всей видимости, заменяет чудотворную силу Германа как главного инструмента влияния на власть имущих. Относительно мотивов святого стоит сказать, что здесь Эннодий следует за Констанцием Лионским в изображении святого как посредника в переговорах.

При этом автор отходит от модели, созданной в *Vita Germani*, стараясь представить св. Епифания не столько как защитника любого обратившегося к нему с просьбой, сколько как защитника всей Лигурии. По просьбам лигурийской знати Епифаний отправляется в посольские миссии к императорам

⁵⁴ Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. М., 2021. Вып. 82. С. 158—159.

⁵⁵ Например, Эннодий рисует портрет короля вестготов Эвриха как человека, отвечающего «на неведомом наречии» (*Vita Eiphani* 89), тогда как король, выросший в римском окружении, должен был знать латинский язык.

⁵⁶ Тюленев В. М. Риторическое знание в системе взглядов Эннодия // Наука и школа. 2012. № 6. С. 157—158.

Антемию, Эвриху, к королю Гундобаду, по просьбам своей пасты ходатайствует перед Теодорихом.

Многочисленные речи святого и королей, создаваемые Эннодием, также отражают мысли автора о превосходстве духовной власти над земной. Автор *Vita Epiphani* явно убежден в том, что власть даруется мирским владыкам свыше, а к свержению их ведет собственная порочность. Потому святые, выступая проводниками Божьей воли на земле, обладают не только значительным авторитетом в диалоге с властью, но и молитвой своей могут направлять ее на пути праведного правления. Неслучайно Эннодий подчеркивает эту мысль в речи Теодориха, которому Епифаний напоминает обо всех милостях, полученных им от Господа: «...коль скоро земная [власть] не может противостоять вашим молитвам, на которых лежит небесное благословение, мы вообще прощаем всем прегрешение»⁵⁷. Мотив напоминания властителем о тех дарах, которые им послал Господь, а также о том, что власть ему дана по Божественному определению, проходит через весь текст и сближает *Vita Epiphani* с *Vita Ambrosii*, где Амвросий перечисляет все блага, дарованные свыше императору Феодосию. Таким образом, на протяжении «длинного V века» агиографы продолжают придерживаться идеи главенства Церкви, изменяя только инструменты выражения этой мысли.

В дальнейшем, по всей видимости, компромиссная модель взаимодействия святых со светскими властями, построенная в *Vita Germani* и развитая в *Vita Epiphani*, получила распространение в латинской агиографии. По такой композиционной схеме взаимодействия святого со светской властью строится, например, «Житие святого епископа Цезария»⁵⁸.

В картине постоянно меняющегося политического ландшафта и воюющих варварских королевств Цезарий сохраняет благожелательные отношения со светскими властями, подчас даже с королями-еретиками и вражеской стороной. Так, при вступлении

⁵⁷ *Магн Феликс Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания.* С. 97.

⁵⁸ Житие Цезария Арелатского / пер. с лат., вступ. ст. А. И. Каспарова // Раннехристианские жития галльских святых. СПб., 2016. С. 91—178.

в должности Цезарий посещает короля вестготов Алариха, которому принадлежал город Арелат. Несмотря на то, что Аларих «погряз в арианской ереси», он с почетом и уважением принимает Цезария, передает ему деньги для выкупа пленных, а также освобождает Арелат от налогов и податей⁵⁹. Позже, когда Арелат переходит под власть Теодориха, король Гундобад и его сын Сигизмунд, хоть и воюют против готов, отправляют три корабля пшеницы Цезарию, которому нечем было кормить пленников, в благодарность за освобождение им пленных бургундских солдат⁶⁰.

В то же время Цезария трижды обвиняли в различных преступлениях, что неизбежно должно было привести святого к столкновению с властями. Однако вина за то, что святому приходится сталкиваться с несправедливыми притеснениями, возлагается не на власть, а на дьявола, «ведь врагу был не мил и не любим тот, кто просил, чтобы его делам противостояли»⁶¹. Даже когда по решению короля Алариха Цезарий отправляется в ссылку, настоящей конфронтации между святым и светской властью нет. Святой оставался смиренным в ссылке и «...везде подготовил церковь к тому, чтобы возвращать кесарю кесарево, а Божие Богу, повиноваться, согласно апостолу, королям и знати, когда они велят законное», мирясь с порочностью короля-арианина⁶². Аларих после доказательства невиновности Цезария требует его возвращения в прежнюю церковь, а обвинителя епископа приказывает забросать камнями⁶³. Дьявольскими же происками, а также жестокостью готов-ариан и предательством иудеев объясняют авторы жития Цезария второе обвинение святого⁶⁴. Примечательно, что светская власть словно бы вовсе отсутствует в данных отрывках. Все действия врагов святого обезличены, создавая у читателя ощущение, что все

⁵⁹ Там же. С. 105—106.

⁶⁰ Там же. С. 146—149.

⁶¹ Там же. С. 107.

⁶² Там же. С. 108.

⁶³ Там же. С. 109.

⁶⁴ Там же. С. 112—113.

несправедливые поступки против Цезария совершены варварами или иудеями.

Наиболее же показательным эпизодом взаимодействия епископа Арелата с властью является встреча Цезария с Теодорихом⁶⁵. Несмотря на то, что епископа приводят в Италию под стражей, отношения его с королем самые доброжелательные. Примечательно, что в сцене встречи Теодорих не только встает для приветствия святого мужа, но и снимает в его присутствии символ королевской власти с головы. Агиографы ничего не говорят о том, что король обсуждал с Цезарием обстоятельства, которые вынудили святого отправиться в Равенну. Король лишь участливо спрашивает его о трудностях пути, о готах и жителях Арелата. Как и в предшествующей агиографии, *Vita Caesarii* также умалчивает о предмете обвинения епископа, вновь перекладывая ответственность за случившееся на врага рода человеческого. Святость и праведность Цезария, таким образом, очевидна и не подвергается сомнению.

Вслед за Эннодием авторы жития Цезария Арелатского делают акцент на внешности своего героя, которая является для них безусловным доказательством его праведности. Эта мысль вложена в уста Теодориха, который говорит своим приближенным: «Пусть Господь не пощадит тех, кто напрасно заставил проделать столь долгий путь человека такой святости и безупречности. Кто он есть, было проверено здесь. Ведь когда он вошел для приветствия, меня сотрясло. Я вижу ангельское лицо и вижу апостольского мужа и считаю грешным высказывать что-либо дурное о столь почтенном человеке»⁶⁶.

⁶⁵ Там же. С. 117—118.

⁶⁶ Там же. С. 118. Примечательно, что Эннодий в письме к Цезарию, посвященном данному эпизоду в жизни епископа Арелата, также отмечает его внешние достоинства: «Ведь поскольку даже собственным обликом ты утверждаешь чистоту, ты порицаешь совершающих грех, не отверзая уст» (Эннодий. Послание епископу Цезарию / пер. с лат., коммент. В. М. Тюленева // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии*. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 67).

Заключение

Таким образом, модели взаимодействия святых с властью трансформируются в течение IV—V вв. Первоначально, несмотря на явное противопоставление в тексте духовного и светского авторитетов, акценты в агиографической литературе скорее были расставлены на отрешенности святого от мирского. К примеру, св. Мартин близок ветхозаветным пророкам, которые предсказывают императорам гибель, наставляют их как пастыри, но в целом прямо не выступают против них. Уже в начале V в. картина меняется. *Vita Ambrosii*, хотя и сохраняет в некоторых эпизодах образ смиренного и отстраненного от земной суеты святого, с развитием сюжета выводит противостояние со светскими властями на новый уровень. Амвросий предстает перед читателями как святой, наделенный до некоторой степени светскими чертами героя — мужественностью и решительностью в общении с властью, идущий подчас на вызывающие поступки, чтобы утвердить господство Церкви над государством. Такая модель взаимодействия, по всей видимости, сохраняется на протяжении века и трансформируется только в конце V в.

Изменение модели позволило сместить акцент в отношениях между властью мирской и духовной с открытого противостояния к практически беспрекословному склонению светских властей перед духовным авторитетом святых. Эта перемена в построении образов святого и светской власти видна уже в *Vita Germani*, но наибольшее развитие получает в *Vita Eiphani*. Святой, постоянно находящийся в посольствах, отвечающий на ходатайства паствы, чья святость подтверждена ангельским обликом, с помощью чудес и красноречия легко получает желаемое от светских властей. Ключевые инструменты, используемые для создания подобной модели, сохраняются и в агиографии VI в.

Истоки данного явления, на наш взгляд, следует искать в общем ослаблении светских политико-административных структур и активной аристократизации Церкви. Знать, прошедшая школы риториков и впитавшая в себя античное наследие, предлагает из своей среды епископов, способных выступать в качестве покровителя в отношениях между своей паствой

и внешним миром. В условиях политической нестабильности и войн христианская церковь выполняла важнейшие функции общественного призрения и духовного утешения. Встав на место классического патрона античности⁶⁷, епископы в череде конфликтов и постоянных войн V века становятся посредниками в переговорах по установлению мира и выкупу пленников. Кризис империи V века, неэффективность гражданской администрации, потеря централизованного контроля со стороны политических элит, создание варварских королевств, правителям которых еще предстояло укрепить свою власть в регионах, вели к росту авторитета Церкви и укреплению позиций святых-епископов во взаимодействии со светскими властями.

⁶⁷ *Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture.* Chicago, 1960. P. 36—38.

DOI: 10.46725/IW.2021.4.5

И. А. Буданова, А. С. Шаповалова

«НОВЫЕ ИДЕИ» — ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД НА «УМНУЮ СИЛУ» РОССИИ

Введение

Актуальность. Глобальные процессы, которые стремительно меняют мир, приводят к поиску новых идей, помогающих сохранить и упрочить положение держав в современной системе международных отношений. Концепцию «умной силы» в этом контексте можно рассматривать одним из ответов, данных на вызовы, с которыми столкнулось современное государство. Впервые полноценно раскрытая еще в 2007 г. в рамках внешнеполитического курса США, она до сих пор не потеряла своей актуальности. Более того, ее интерпретации возникают в экспертных кругах, причастных к формированию внешней политики стран в разных регионах мира.

© Буданова И. А., Шаповалова А. С., 2021

Буданова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, ibudanova78@gmail.com (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University).

Шаповалова Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, anastasiashapovalova97@yandex.ru (Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University).

В этом контексте российский кейс, вероятно, наиболее ярко демонстрирует обозначаемый феномен, так как именно в рамках поиска новых путей реализации интересов государства, экспертные сообщества России вновь обращаются к идеям, ставшим когда-то ключевыми тезисами «умной силы». Вместе с тем трактовки, предлагаемые экспертами, отличаются от изначальных, демонстрируя разницу подходов двух (американской и российской) экспертных групп.

Постановка проблемы. В настоящей работе речь пойдет о взглядах группы экспертов, выраженных в докладе НИУ ВШЭ, подготовленном по итогам ситуационного анализа, проведенного под эгидой МИД России, при поддержке Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Международного общественного фонда «Российский фонд мира», Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике». Руководителем сценарной группы стал Сергей Александрович Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Почетный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике.

Эксперты высказали ряд «новых идей» для внешней политики России, которые, по мнению авторов статьи, сопоставимы с концепцией «умной силы», предложенной почетным профессором Гарвардского университета Джозефом Наем младшим.

Методология и методы исследования. Особое место в исследовании отведено сравнительному анализу и контент-анализу, необходимость применения которых обусловлена детальным сопоставлением работы Дж. Ная «A smarter, more secure America» и доклада группы российских экспертов о новых идеях для внешней политики России.

Основная часть

Ситуационный анализ, проведенный под руководством С. А. Караганова, дал почву для дискуссий относительно места России в современном мире и наиболее выгодных путей ее развития в будущем. Одним из результатов расширенных обсуждений

стал доклад, подготовленный более узким кругом специалистов на базе НИУ ВШЭ и представленный публике в апреле 2020 г. в Москве на международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Документ получил название «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России» (далее: «Новые идеи»).

Несмотря на то, что в работе термин «умная сила» не упоминается, в ней можно усмотреть ряд идейных пересечений с Докладом комиссии Джозефа Ная¹. В Докладе была сформулирована новая концепция поведения Соединенных Штатов в мире, основанная на «умном» подходе и переосмыслении ресурсов государства во внешней политике.

В целях реализации этой концепции Дж. Най предложил ряд изменений, которые необходимо претерпеть Америке. Исходя из позиций автора, США следует: 1. Уделять больше внимания глобальному развитию, согласовывая личные интересы с интересами мирового сообщества. 2. Возобновить альянсы, сотрудничество и международные институты, которые служат интересам США. 3. Прибегать к публичной дипломатии, привлекая на свою сторону население других стран, в первую очередь — молодежь. 4. Поддерживать экономическую интеграцию, необходимую в условиях глобализации. 5. Разрабатывать технологии и инновации в целях борьбы с глобальными вызовами, такими как, например, изменения климата².

Не дублируя и не заимствуя тезисы Доклада комиссии Дж. Ная, авторы «Новых идей» проработали и представили схожий план для РФ. Анализируя изменения, произошедшие в международных отношениях, и место России в формирующейся новой мирополитической системе, эксперты, по мнению авторов данной статьи, в своих выводах во многом солидаризируются с постулатами «умной силы».

¹ Nye J. S. A smarter, more secure America. 2007. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

² Ibid. P. 1.

Для начала, стоит обозначить внешние факторы, в условиях которых формулировались основные идеи докладов. Так, на момент 2007 г. Соединенные Штаты все еще оставались *реальной* силой, хотя и потеряли значительное количество позиций. Исходя из этого, целью «умной силы» было сохранение лидерства США в мире. Важно подчеркнуть, что лидерство определялось как неотъемлемый элемент благополучного развития *всего мира* (курсив наш. — *И. Б., А. Ш.*), который нуждается в направляющей руке Вашингтона и возвращении утраченного могущества.

Немного другими словами российские эксперты фиксируют в «Новых идеях» схожие цели. Россия за первые десятилетия XXI в. окрепла, поэтому она ведет независимую политику и способна защищать свои национальные интересы³. Однако, по аналогии с США, основной упор также сделан на развитии военной сферы, т. е. «жесткого» потенциала РФ. Последнее не удивительно, ведь именно военная сфера, по мнению действующего президента России, является основополагающим фактором обеспечения безопасности и суверенитета государства⁴. Невозможно отрицать и тот факт, что политические успехи современной России стали возможными именно благодаря ее военной мощи и применению ресурсов жесткой силы. Доказательством тому служат события в Грузии в 2008 г., Сирии — 2012 г., на Украине — 2014 г.

В данном случае речь идет не столько об армейских победах, сколько о растущем международном статусе России. Военная мощь, демонстрируемая Российской Федерацией, раз за разом решала задачу показать партнерам окрепший суверенитет страны. Все эти действия в русле *realpolitik* в конечном счете привели к восприятию России в качестве неудобного

³ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России / С. А. Караганов, Д. В. Суслов и др. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2020. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/04/doklad_novye-idei-dlya-vneshnej-politiki-rossii.pdf (дата обращения: 01.05.2021). С. 9.

⁴ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 01.03.2020).

(неподатливого) для Запада партнера, способного давать симметричные ответы. Однако обратной стороной жестких действий стало формирование образа «Россия-агрессор» в западных политических кругах и СМИ. При этом «Россия—агрессор» опасна для своих соседей (Украина, Литва и пр.). Тема эта неоднократно муссировалась не только СМИ, но и политиками самого высокого ранга (например, президентом Литвы (2009—2019 гг.) Далиус Грибаускайте). По справедливому замечанию Акопа Габриеляна, эксперта в области постсоветского пространства: «Все те утрированные и крайне поляризованные мнения, представляющие Россию в качестве военного, политического или экономического агрессора на международной арене, являются лишь попытками определенных акторов еще более увеличить текущую международную напряженность вокруг некоторых открытых или латентных конфликтных ситуаций, выиграв за счет этого дивиденды для собственного пиара»⁵.

Подобные настроения культивируются на постсоветском пространстве, препятствуя углублению интеграции в этом регионе и снижая эффективность всего российского внешнеполитического курса. Увеличивающееся инвестирование со стороны КНР, неразрешенные территориальные вопросы между государствами, а также снижение влияния России в регионе не просто ставят под вопрос лидерство РФ, но и несут потенциальные угрозы суверенности государства.

Здесь важно не забывать и о том, что мир стремительно меняется и, как признают сами авторы «Новых идей», все достижения внешней политики России, полученные с применением силы, не вечны. Одна сильная армия сама по себе не способна обеспечить успешную политику России в будущем и предоставить ей место среди акторов-лидеров нового мира. На примере Китая авторы «Новых идей» показывают важность взаимодействия с непростыми партнерами.

⁵ Габриелян А. Образ России в качестве агрессора — попытка увеличить международную напряженность. 16.06.2014. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/akop-gabrielyan-obraz-rossii-v-kachestve-agressora-popytka-velichit-mezhdunarodnuyu-napryazhennost/> (дата обращения: 01.05.2021).

Признавая и учитывая факт растущей роли КНР в международных отношениях и ее очевидный отрыв от других потенциальных центров нового мироустройства, российские эксперты возлагают большие надежды на сотрудничество с восточным соседом и определяют важность поддержания и углубления существующих контактов⁶.

В тоже время в формулировках экспертов «Новых идей» прослеживается напрямую не озвучиваемая настороженность в отношении усиливающего свои позиции Китая. Учитывая многовековую сложную историю взаимоотношений двух государств, можно сделать вывод, что опасения не беспочвенны. В самом Докладе заявлено, что ранее не претендующий на мировое лидерство Китай теперь «подает пример остальному миру»⁷.

Экономические и политические успехи Китая, его претензии на лидерство, усиливающаяся конфронтация по линии США — КНР, непрекращающийся режим санкций, отрезающий Россию от традиционных рынков, политическая изоляция России на Западе, проект «Один пояс, один путь», затрагивающий сферы влияния РФ, в совокупности создают картину возможного будущего поглощения России китайской зоной влияния и потери возможностей реализации прописанных в рамках «Новых идей» целей и претензий на создание третьего центра силы.

А такая цель поставлена: Россия должна быть одним из лидеров строительства новой системы международных отношений⁸. «Новые идеи» показывают то, как этого можно достичь. Анализ российского доклада позволяет сделать вывод о том, насколько пересекаются или расходятся тезисы, сформулированные российским и американскими экспертами в ходе разработки концепций развития своих государств.

В контексте «умной силы» для Соединенных Штатов была предложена позитивная *идея* защиты свободы, равенства

⁶ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 16.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 10—11.

и справедливости и отведена роль локомотива достижения состояния всеобщего благополучия⁹.

Вслед за американскими экспертами авторы «Новых идей» склоняются к тому, что внешней политике необходимо идеологическое или морально-идейное наполнение¹⁰. Мировое сообщество должно понимать, что этот актер занимает лидирующее положение, поскольку именно он предлагает для благополучного будущего всей международной системы те или иные *реализуемые идеи* (курсив наш. — *И. Б., А. Ш.*). Другими словами, у него должна быть своя миссия, которая работает и на самого мирополитического игрока, и на формирующийся новый мировой порядок. По мнению С. Караганова, страны, потерявшие миссию, обречены: «Мир усеян могилами и дряхлеющими телами великих держав, утративших миссии, которые ввели их вперед»¹¹.

Развивая эту идею, эксперты заявляют о том, что отсутствие идейности не просто делает внешнюю политику неэффективной, а приводит к деструктивным результатам, вплоть до распада государства (в пример приводится Советский союз)¹². С особым вниманием эксперты подошли к терминам, которыми описывается новый вектор российской политики: предлагается отказ от устрашающего слова «борьба» и его замена на «обеспечение мира», «мироспасение», «защита», «миросозидание», «общее дело»¹³. В будущем также предлагается уйти от критики и споров, сменив конфронтационную риторику демонстрацией того, что Россия предлагает миру, что она уже имеет и может дать в будущем¹⁴.

Но в тоже время российское экспертное сообщество не готово еще отказаться от термина «борьба». Так, в еще одном

⁹ Nossel S. Smart Power // Foreign Affairs. 2004. № 2. P. 136. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-03-01/smart-power> (дата обращения: 25.05.2021).

¹⁰ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 33.

¹¹ Караганов С. А. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebya-i-mira/> (дата обращения: 01.05.2020).

¹² Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 33.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 34.

докладе, посвященном отдельно вопросу стратегической безопасности и ядерной политики, эксперты предлагают сделать «*борьбу за мир*» идейной основой внешней политики России. В рамках доклада «*борьба за мир*» понимается как политика, нацеленная на предотвращение ядерной войны, и не ограничивается разработками в военной сфере и поддержанием ядерного потенциала. Она включает в себя также дипломатические и политические инициативы по налаживанию диалога между ядерными державами, а также отдельные «мирные инициативы»¹⁵, нацеленные на возрождение среди элит других государств страха перед войной.

Рассуждая о перспективах России как лидера нового мира, эксперты принимают во внимание действия США. Одной из составляющих американского курса становятся провокации Москвы, направленные на разрушение существующего режима и включение в новую гонку вооружений, которая оказывает существенное влияние на распространение ядерного оружия¹⁶. Специалисты связывают желание развивающихся государств (таких как, например, Северная Корея и Иран) иметь ядерное оружие с неудачными попытками Штатов способствовать смене режимов некоторых государств (Ирак, Ливия) по демократической модели. Действия Вашингтона привели к кризисам в этих странах и продемонстрировали *нелиберальную* сторону Америки¹⁷, что позволяет экспертам сделать вывод о кризисе либерального мира и новом сдвиге «конца истории»¹⁸.

Данные размышления показывают, что мир не просто претерпевает идейный кризис, не находя замены привычным либеральным концептам и не признавая их эффективности в современном мире, но ступает на порог нового системного кризиса идей глобализации, где все по-прежнему опасаются зависимости от более сильных игроков. В этом новом мире эксперты видят в России не просто борца за мир, но «главного поставщика мира, гаранта свободы выбора странами путей развития (суверенитета),

¹⁵ Караганов С. А. Новое понимание... С. 8.

¹⁶ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 44.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 22.

недопущения гегемонизма, лидера “нового неприсоединения”, защитника окружающей среды»¹⁹.

В этом фиксируется идейное сходство американского и российского подходов. Так же как и Дж. Най, российские эксперты возлагают на объект своего исследования миссию глобального значения. Америка ответственна за поддержание мира во всем мире, защиту прав и свобод человека. Российское поле ответственности (согласно «Новым идеям») еще шире.

К примеру, эксперты выходят за американское понимание гаранта мира, которое раскрывалось через присутствие сил США в конфликтных точках и предотвращение с их помощью развязывания вооруженных противостояний, ущемления прав человека, убийств и т. д. Участие Соединенных Штатов в многосторонних объединениях и межгосударственных инициативах по глобальным вопросам оправдывалось тем, что противодействие мировым угрозам (таким как исчерпаемость энергоресурсов, проблемы климата, терроризм и пр.) отвечает интересам США, но не может быть реализовано ими в одиночестве. Равно как и мир без США не способен самостоятельно эти угрозы победить²⁰.

В свою очередь, российские эксперты, признавая смещение России с лидирующих позиций в мире, фиксируют связь между бездействием Российской Федерации и усилением агрессивных действий Штатов, в таких регионах, как Югославия, Ирак и Ливия²¹. Данный тезис продолжает мысль Владимира Путина, высказанную еще в 2012 г. Тогда, смотря в будущее, он не видел перспектив становления глобальной безопасности без участия сильной независимой России, к строительству которой собирался приложить «все возможные усилия»²².

Именно Россия в картине мира, представленной авторами доклада, является залогом стабильного неконфликтного существования и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Центральной Азии, на постсоветском пространстве²³. Упомянув

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ *Ng J. S. A smarter, more secure America.* P. 13.

²¹ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 13.

²² *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир.

²³ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 31.

решающую роль России в разрешении Сирийского конфликта, авторы «Новых идей» лишь подтверждают свое мнение о месте РФ в системе международных отношений: она — альтернатива Западу, гарант его сдерживания и защиты слабых.

Россия, как предполагают авторы «Новых идей», ради мира принимает еще более глобальную миссию — «спасение Земли от ядерной катастрофы и от катастрофы экологической». Такой подход становится более понятным после уточнения того, что понимается под сохранением мира в риторике российских экспертов. Содержание «мира» выходит за рамки людей и общества, включая в себя сохранение природы и планеты в целом²⁴.

Одних «жестких» инструментов, даже самых современных и совершенных, не достаточно для того, чтобы сохранить мир. Даже ядерное сдерживание требует более мягкого подхода, предполагающего не только многосторонний политический диалог, но и выработку сценариев поведения в критических ситуациях. Фактически предлагается перестройка мира по новым безопасным лекалам, в разработке которых России отводится особое место.

Поддерживая американских коллег во мнении, что односторонние действия не эффективны для реализации предложенной идеи, российские эксперты предлагают более детальный план имплементации «Новых идей», в качестве основы внешнеполитического курса выделяя многостороннее сотрудничество. Так, на страницах Доклада неоднократно возникает мысль — «спасем Землю вместе»²⁵. В русле этой идеи эксперты в первую очередь делают акцент на международных структурах, в которых Россия имеет устойчивые позиции и действительно способна продвигать собственные интересы — БРИКС и ШОС²⁶, т. е. объединения, альтернативные западному сотрудничеству и независимые от него.

G-20, ООН и ее Совет безопасности рассматриваются экспертами скорее в качестве переговорных площадок, которые сохраняют мост между Западом и Россией и могут стать базой

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 16.

для достижения одной из главных целей, раскрываемых «Новыми идеями» — снижение международной напряженности и налаживание контактов между элитами государств.

Помимо крупных международных объединений в рамках Доклада эксперты придают особое значение региональным объединениям и инициативам. «Новые идеи» продвигают идею трех-, четырехсторонних и других малых форматов как инструментов разрешения конкретных региональных вопросов, в которые Россия не включена непосредственно, но имеет в них собственные интересы. Среди таких форматов трехсторонний диалог США — Китай — Россия по вопросу ядерной безопасности, Китай — Индия — Россия в контексте налаживания отношений между двумя государствами при посредничестве России с целью уменьшения конфликтности в регионе, «Ближневосточный квартет», способствующий урегулированию палестино-израильского конфликта, консолидация с НКО по вопросам миротворчества и многие другие²⁷.

Данные позиции в видении российских и американских экспертов действительно близки. Общие тезисы раскрываются с учетом индивидуальных характеристик стран и, в конечном итоге, ведут к одной цели — усилению позиций государства на международной арене. Остальные тезисы намного более интересны. Все они затрагиваются авторами «Новых идей», но почти всегда имеют весомые отличия в трактовках и выводах.

Современное положение России таково, что существенный ряд ограничений ее внешней политики обусловлен слаборазвитой информационной сферой. Как было отмечено выше, иностранные СМИ и публичная дипломатия успешны в формировании настроений масс, которые на данном этапе выражаются в осуждении всего внешнеполитического курса РФ и оспаривании легитимности ее прошлых успехов.

Эта тенденция осознается руководством страны и не осталась незатронутой «Новыми идеями». Рассматривая дипломатию Российской Федерации и ее тесную связь с реализацией изложенных в Докладе идей (в первую очередь представление

²⁷ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... Ч. 4.

дипломатии в качестве инструмента продвижения нового образа России и противодействия доминированию в информационном поле западных взглядов), российские эксперты дают высокую оценку, подкрепляя ее успешной ролью посредника в разрешении локальных конфликтов и модератора переговорных процессов.

В то же время становится ясно, что классической дипломатии недостаточно. Именно поэтому «Новые идеи» предлагают включение в основную базу инструментов «умной силы» общественную и парламентскую дипломатию²⁸. В русскоговорящих научных кругах термин «общественная дипломатия» часто выступает синонимом «публичной дипломатии», представляя собой альтернативный перевод «public diplomacy». Однако, если обратиться к источникам, которые отражают позицию правящих кругов Российской Федерации, становится понятно, что авторы Доклада используют отличное от американских коллег понимание.

Обращаясь к риторике Россотрудничества, которое в последнее время представляется главным институтом осуществления российской гуманитарной политики, видно, что «общественная дипломатия» понимается как синоним «народной дипломатии», т. е. как «совместная деятельность государственных и негосударственных организаций, направленная на расширение международных общественных связей государства»²⁹. Другими словами, акцент сделан не на Интернет-пространство или СМИ, а на поиск новых проводников российских интересов и поддержке негосударственными организациями контактов России не с элитами, а с обществом иностранных государств. Об этом же говорилось еще в 2013 г. На VII Ассамблее Русского мира «Россия и Русский мир: опыт и перспективы народной дипломатии». В частности, заместитель Председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО А. Дзасохов отметил, что негосударственным участникам «необходимо координировать свои действия,

²⁸ Там же. С. 67.

²⁹ Народная дипломатия. URL: <http://rsvk.cz/glavnaya/narodnaya-diplomatiya/> (дата обращения: 25.02.2020).

расширять гуманитарные связи, которые отвечают интересам нашей страны»³⁰.

Данный подход нашел развитие в парламентской дипломатии, т. е. прямом диалоге между представительными органами, способными выступать от имени народов соответствующих государств³¹. Например, в 2018 г. при содействии международного аналитического центра Rethinking Russia в Москве прошел форум «Развитие парламентаризма», по результатам которого был опубликован доклад «Парламентская дипломатия и её роль в современной политике»³².

Подобное отличие в подходах к деятельности власти в информационном поле объясняется положением России и сущностью ее современных отношений с подавляющей частью западных государств. Безуспешные попытки налаживания диалога на уровне элит и отношение авторов «Новых идей» к лидерам зарубежных государств, которые исключаются из числа «разумных» партнеров³³ вынуждают искать альтернативные пути поддержания диалога с ключевыми (как минимум по вопросам безопасности) акторами.

Взаимоотношения на уровне граждан и отдельных лиц возлагается на Россотрудничество (которое, по мнению авторов Доклада, сначала должно претерпеть существенные изменения и принять на себя более широкий круг задач³⁴) как координатора всей гуманитарной политики страны, а также на малые единицы, такие как экспертные сообщества и университеты³⁵.

Несмотря на то, что путь классической публичной дипломатии не новое направление, пока он лишь потенциально

³⁰ Круглый стол «Россия и Русский мир: опыт и перспективы народной дипломатии». URL: <https://russiymir.ru/fund/assembly/the-seventh-assembly-of-the-russian-world/news/78699/> (дата обращения: 25.02.2020).

³¹ Парламентская дипломатия и её роль в современной политике. 2018. URL: <https://rethinkingrussia.ru/2018/06/> (дата обращения: 01.03.2020).

³² Там же.

³³ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 40.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 67.

эффективен для России вследствие ее слабой информационной базы. Отсутствие собственных популярных СМИ за рубежом, доминирование в глобальной сфере именно западных источников и уже сформировавшийся образ агрессора не позволяют эффективно доносить российскую позицию до масс.

Экономическая сфера, пожалуй, один из самых расходящихся в видении российских и американских экспертов пунктов. Во многом противоречие объясняется разными датами публикации Докладов, которые разделяет более 10 лет. В 2007 г. идея глобализации была на пике, и Соединенные Штаты в связи с этим выстраивали сценарии развития, основываясь на глобальной взаимозависимости мира.

В 2020 г. все больше проявляются тенденции к анти- и альтерглобализму, демонстрируя несостоятельность существующего сценария глобализации. Россия, формирующая свою политику на основе реалистских представлений о мире, придерживается идеи кризиса либеральной модели мира и главенствующей роли суверенного государства.

Именно такой подход ложится в основу идейного наполнения новой политики лидера неприсоединения и защитника суверенитета. Начавшаяся в том же году пандемия коронавируса подкрепила убеждение научных и правящих элит России в незаменимой роли государства и смещении центров силы, продемонстрировав возросшую потребность в государственном регулировании.

В то же время экономическую взаимозависимость отрицать трудно. Ограниченная санкционным режимом и испытывающая трудности с наполнением внутреннего рынка, Россия крайне заинтересована в развитии межгосударственных торговых контактов. Нежелание правящих элит отказываться от членства во Всемирной торговой организации подтверждает данный тезис. ВТО на современном этапе, допустив разворачивание санкционного противостояния, не приносит России должных выгод, вынуждая ее искать альтернативных партнеров и, к примеру, усиленно вкладываться в развитие ЕАЭС.

Однако ни в рамках «Новых идей», ни на уровне риторики официальных лиц выход из ВТО не рассматривается, а из потенциальных альтернатив предлагается лишь реорганизация

последней³⁶, расширение евроазиатского партнерства, слияние с китайской идеей «Пути и пояса».

«Новые идеи» практически упускают из виду вопрос экономики. К нему обращаются лишь как к косвенному фактору при обсуждении более значимых в рамках Доклада сфер. Например, не раз отмечается, что Россия не может экономически конкурировать с лидирующими акторами и, в целом, в финансовом плане еще слаба. В связи с этим оправдываются предлагаемые инициативы, поскольку они малозатратны, но при этом преподносятся как высокоэффективные³⁷. К экономике эксперты возвращаются, когда речь заходит о потенциальных выгодах проводимой политики, которая позволяет России торговать научными разработками в области вооружений³⁸, или при раскрытии потенциальных выгод «зеленой» политики, способной увеличить объемы торговли сельскохозяйственной продукцией. Однако отдельно «новые идеи» по укреплению российской экономики не предлагаются.

Значительное место и у российских, и у американских экспертов занимает «зеленый» вопрос. Можно сказать, что экологическая повестка красной нитью проходит через весь Доклад комиссии Ная. Она представляется очередным вызовом безопасности и проверкой эффективности действий Вашингтона. Данный вопрос тесно связывается с энергетическими ресурсами. Признавая их исчерпаемость, а также негативное воздействие на экологию их традиционных путей добычи и использования, эксперты концентрируются на технологической стороне вопроса, а также глобальном подходе. Первостепенным представляется содействие Америки в поиске альтернатив углеводородным ресурсам, поддержании безопасности и стабильности транспортных путей доставки, а также включение США в многосторонние инициативы по вопросам изменения климата и воздействия на экологию³⁹.

³⁶ Путин заявил об отсутствии альтернативы ВТО. 21.11.2020 URL: <https://ria.ru/20201121/vto-1585691781.html> (дата обращения: 04.04.2021).

³⁷ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 68.

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ Nye J. S. A smarter, more secure America. P. 59.

Актуальность экологической сферы подкрепляется ее стратегической важностью для безопасности Америки и всего мира, а также неспособностью каждого государства в отдельности бороться с такими ее проявлениями, как изменение климата, ограниченность природных ресурсов и т. д. Более того, США не являются страной, богатой нефтью и газом, и не могут конкурировать в торговле ими с другими акторами. Развитие альтернативных источников энергии, таким образом, благоприятно сказывается на политическом усилении Вашингтона, который предлагает своим союзникам экологически дружелюбную энергию.

Поднимая резонансный и актуальный на международном уровне вопрос экологии, российские авторы иначе определяют его содержание, расставляют собственные акценты. Вслед за американскими экспертами признавая необходимость сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу, авторы «Новых идей» на первый план выдвигают борьбу с загрязнением окружающей среды (отказ от бытового пластика, восстановление лесов, масштабное озеленение и т. д.) и развитием человеческого потенциала.

Технологический вопрос в рамках «Новых идей» уступает место культуре. Русская природа — важный элемент национальной идентичности. Необходимо активизировать его внутри и обратить вовне, чтобы граждане не просто гордились природными богатствами России, но и были настроены на их защиту и преумножение ради блага страны и планеты⁴⁰. Таким образом, экологический вопрос не поднимается сам по себе, а является составной частью нового имиджа страны. Более того, авторы выписывают еще одну универсальную ценность, которая может усилить лидерские позиции России: «Экологизм — редкий образец универсальной ценности, и Россия с учетом ее природного потенциала могла бы играть в выстраивании этой повестки важную роль»⁴¹. Вместе с тем эксперты откровенно критикуют предпринимаемые на этом важном направлении меры, называя их «бессистемными, плохо упакованными»⁴².

⁴⁰ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран... С. 74.

⁴¹ Там же. С. 73.

⁴² Там же. С. 74.

С этим трудно не согласиться. Если взять за основу вышеупомянутую ценность, возводимую в ранг универсальной, то пока в ее продвижении, да и понимании, Россия сильно отстает от национальных акторов и акторов *suì generis*, например, ЕС. Здесь стоит зафиксировать явное «проседание» РФ в развитии «зеленой темы», не только в контексте создания дружелюбной окружающей среды или «зеленой экономики», но и более интересного в плане улучшения внешнеполитического имиджа концепта устойчивого развития. Конечно, не стоит смотреть на Запад или Восток и калькировать применяемые ими инструменты устойчивости. Однако необходимо обратить внимание, что эта идея упущена Россией и подхвачена Евросоюзом и Китаем, предлагающими нетривиальные схемы, инструменты и подходы для создания устойчивого состояния больших (в целом европейское и китайское пространства) и малых (урбанистические организмы) систем.

Что интересно, говоря о взаимодополнении экологической и экономической повестки, авторы не упоминают концепцию устойчивого развития. Вообще понятие «устойчивый» упоминается в Докладе всего два раза: в контексте безопасности от ЕС и антибактериальной безопасности. Вместе с тем, это одна из тех, может, и не очень новых идей, которая может помочь уйти России от образа «Россия-агрессор».

Определяя технологии как один из главных трендов развития мира, авторы «Новых идей», в отличие от американских коллег, не говорят о включении России в борьбу за место в этой сфере. В сфере развития искусственного интеллекта, киберсферы, ИТ лишь предлагаются идеи того, как возможно наиболее выгодно сосуществовать с данными тенденциями, снова поднимается вопрос безопасности и предлагаются инициативы сотрудничества по выработке моделей поведения в контексте новых угроз⁴³. От себя заметим, что вопрос техносферы в «Новых идеях», проработан слабо. Учитывая его связь с вышеобозначенными сюжетами (экономика, экология) и возможности в плане качественного изменения имиджа России, данное направление явно обделено вниманием.

⁴³ Там же. С. 56.

Заключение

Сравнение по ключевым позициям докладов «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России» и «A smarter, more secure America» демонстрирует, что их авторы в целом говорят о схожих вещах, но в разных парадигмах. Общие позиции присутствуют, но мироощущение и мировосприятие у России и США существенно отличаются.

Например, в докладе комиссии Дж. Ная не акцентируется внимание на конкретных акторах. Новый путь для американской политики формируется исключительно на основе глобального подхода, где отдельные страны выделяются при раскрытии кейсов, примеров форматов сотрудничества или возможных опасностей.

В «Новых идеях», несмотря на стремление к глобальности новой политики России, эксперты дают понять, какой полюс она выбирает в изменяющемся миропорядке. Обозначая американскую и западную политику в целом как конфронтационную относительно России, говоря о ее деструктивном характере и попытках ревизии существующего мироустройства с целью восстановления доминирования США, признавая нежелание Европы сближаться с Россией, обладающей потенциалом формирования третьего полюса, эксперты определяют западное направление закрытым для РФ.

Отказ от диалога не обсуждается, но четко вводится градация союзников и партнеров, в которой первое место в широком смысле отводится восточной части мира, а в узком — Китайской Народной Республике. Здесь можно упомянуть о высказываемых экспертами идеях, среди которых интеграция инициативы «Один пояс, один путь» в Российский проект «Большое Евразийское партнерство»⁴⁴, а также активизация участия РФ в двусторонних и многосторонних инициативах на Востоке по всевозможным направлениям от экономики до безопасности, которое позволит избежать исключения России из принятия решений по ключевым вопросам и сохранить влияние в регионе и, потенциально, мире. Закономерно, что сейчас Российская Федерация в одиночку не способна отстаивать *свои* инициативы. Именно поэтому партнерство

⁴⁴ Там же. С. 56.

играет для России такую существенную роль, и оно является залогом реализации всех «Новых идей».

Общая политическая и экономическая слабость становятся причиной еще одной противоречивой тенденции. Американские эксперты, осознавая последствия злоупотребления «жесткой силой», в рамках «умной силы» предлагают не просто смену мотивации ее применения (отказ от идеи страха в пользу позитивной, светлой идеи), но и минимизацию применения и развития «жесткой силы» в принципе, т. е. более последовательно выстраивают «умную силу» Вашингтона.

Авторы «Новых идей» идут другим путем. Эксперты, не находя альтернатив, делают центром российской новой политики именно ее «жесткий» потенциал. Концентрируясь на преимуществах, достигнутых путем применения силы, они предлагают исправить ее негативные последствия (выраженные в потере союзников, исключении из ряда международных организаций, режим санкций) не отказом от силы, а сменой касающейся ее риторики⁴⁵.

Таким образом, уже произошедшие события в изменяющемся мировоззрении раскрываются через новые «позитивные» трактовки. Присоединение полуострова Крым и весь комплекс действий России на Украине в 2014 г. объясняются опасностью войны и ее предотвращением благодаря своевременной реакции РФ. Отдельно выделяется фактор поддержки Россией меньшинства, его защита и подтверждение права на самоопределение, что также успешно вписывается в концепцию смены негативного посыла миролюбивым аналогом⁴⁶.

Таким образом, «умная сила» России предстает с более «жестким» уклоном. В видении научных и правящих элит России мир находится в опасности войны, разворачиванию которой способствует возобновляющаяся гонка вооружений, ослабевающие позиции США и Запада (которые не согласны с этим мириться и могут решиться на «ограниченную» войну), экономический кризис, отсутствие диалога между элитами и т. д. Именно поэтому ключевой составляющей нового идейного

⁴⁵ Там же. С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 30.

наполнения российской политики становится предотвращение войны, а в некоторых ситуациях «жесткие» действия России даже считаются недостаточными⁴⁷.

Отличает две работы и набор исходных ресурсов, которыми обладали государства на момент написания Докладов. Соединенным Штатам «умная сила» предлагала смену акцентов, переход на использование «мягких» инструментов и опору будущей политики на них. Для России такой сценарий невозможен, так как ее «мягкая сила» все еще только формируется и представляет собой существенно иной набор элементов. Ключевого компонента классической «мягкой силы» — культуры — у России в окончательно оформленном варианте еще нет. Именно на этом сделан упор в «Новых идеях», авторы которых не размышляют над тем, как продвигать в мире то, что есть, а предпринимают попытку сформировать нечто новое, соотносящееся с историей России, ее идентичностью и окружающим миром.

Многие позиции «умной силы» Джозефа Ная противоречат интересам России, убеждениям ее элиты, ставящимся задачам. Именно поэтому в рамках «Новых идей» происходит их переосмысление, реконфигурация по удобным и возможным для России сценариям, предлагается применение имеющихся у РФ ресурсов.

Сравнительный анализ двух докладов позволяет сделать вывод о том, что «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики» действительно формулируют российский вариант «умной силы». Доклад по своей сути не предлагает кардинально новые идеи, он во многом резюмирует и переосмысливает то, что Россия делает на протяжении многих лет. Однако это отвечает имеющемуся запросу — собрать частные инициативы в одну, глобальную концепцию, демонстрирующую слабые места и предлагающую сценарии их преодоления. Взгляд в будущее, формулирование идей на основе еще не существующего, а потенциально возможного миропорядка, готовность к самым фатальным вызовам мировой системы демонстрируют стратегическую ориентированность «Новых идей».

⁴⁷ Там же. С. 29.

Несмотря на заметные упущения (такие как обход экономического вопроса, поверхностный анализ роли России в сфере экологии и технологий), доклад представляет собой существенную переработку мировых идей под нужды и возможности именно России. Обращая свое внимание на те же категории, что и комиссия Дж.Ная, российские эксперты раскрывают их исходя из особенностей развития мира на современном этапе, учитывают ресурсы и интересы российского государства, ее идентичность и формулируют набор идей, которыми правящие круги страны могут *реально* воспользоваться для достижения интересов России в будущем.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

DOI: 10.46725/IW.2021.4.6

В. А. Порозов

**ИНТЕЛЛИГЕНТЫ В АРХИТЕКТУРЕ,
ИЛИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ
О книге: Футлик М. И. Плохая клаузура,
или Погоня за ветром:
в письмах, стихах и прозе.
Пермь: [б.и.], 2018. 425 с.**

Введение. Необычная книга и ее герои

За тридцать лет существования ивановской интеллигенто-ведческой школы в журнале «Интеллигенция и мир», в материалах конференций, монографиях и научных сборниках в той или иной степени освещена жизнь и деятельность представителей множества интеллигентских профессий, даже рабочих-интеллигентов¹. Однако сферы приложения сил «работников умственного труда» (а это, конечно же, далеко не единственный критерий интеллигенции) столь разнообразны, что впереди немало возможностей для заполнения «белых пятен» и выявления «неоткрытых островов». Вот и автор данной статьи неожиданно,

© Порозов В. А., 2021

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, va-porozov@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University).

¹ *Филатов Н. М.* Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергес: путь рабочего-интеллигента // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 54.

по крайней мере для себя, наткнулся на коралловые рифы, вдохновленные архитектурой. Внешне они выглядели достаточно респектабельно и урбанизировано — плотным гляцевым «кирпичиком» прекрасно изданной книги со множеством черно-белых и цветных иллюстраций, разве что удивлявшей разнообразием шрифтов и расположением текстов на странице.

Само появление такой книги — не неожиданность. Автор — Михаил (Мендель) Иудович Футлик (род. 1933) является, безусловно, одним из выдающихся представителей российской провинциальной интеллигенции, сумевшим за свою долгую и активно продолжающуюся жизнь блестяще реализовать в профессиональном и личностном планах. Прежде всего, это заслуженный архитектор России, член Союза архитекторов с 1964 г., кавалер знака «Почетный архитектор России», руководитель (с 1994 г.) архитектурной мастерской «МФ»², застроивший или изменивший своими проектами добрую половину центра миллионного города Пермь. Это самобытный художник, работающий в монументальной и станковой живописи, скульптуре, графике, театрально-декорационном искусстве и, как выяснилось, не чуждый книжного дизайна (художественное оформление и макет книги). Это творческая, нестандартно мыслящая, с собственным поведенческим стилем личность, формирующая вокруг себя «культурные гнезда» архитекторов, художников и просто интересных людей. Вряд ли неожиданной является и предложенная форма повествования, поскольку традиционно последовательное изложение мемуаров или научно-популярное эссе об архитектуре в корне противоречило бы неумной творческой натуре этого человека. Имеются все основания рассматривать его основательный труд как важный исторический источник, особенно ценный для интеллигентоведов и историков повседневности, а критика исторического источника и есть основной метод работы историка.

Книга создавалась несколько лет: автор начинал писать ее шариковой ручкой, а закончил на самых «продвинутых» программах компьютера. Мечты же о ней зародились... в 1957 году,

² М. И. Футлик // Пермский край: энцикл. [Электрон. ресурс]. URL: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803826724&viewMode=D_1803401872&link=1 (дата обращения: 08.04.2021).

через год после окончания архитектурного отделения Уральского политехнического института в Свердловске — ныне это Институт строительства и архитектуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, город Екатеринбург. В постоянной аудитории, закрепленной за группой С-178, за четырехместным столом в кафе учебного корпуса и на коротающей время в нехитрых интеллектуальных развлечениях галерке поточных лекций по марксизму-ленинизму сформировалась команда четырех мушкетеров, пронесших свою дружбу через всю жизнь. Мушкетерский образ в книге не присутствует, друзья называли себя «Большой Четверкой». Ее сблизил «общая идеология», критический взгляд на окружающий мир, в котором друзья «замечали большие недоделки», а также «порядочность и чувство юмора. Иногда талант»³. В роли предприимчивого и верного рыцарскому кодексу профессиональной чести д'Артаньяна явно выступает прибывший в «столицу Урала» из относительно провинциальной Перми автор книги Мендель Футлик, от лица которого и ведется основное повествование. Интеллектуально-утонченный, сыплющий стихами и остротами, не чуждый музыке Арамис — это Николай Владимирович Алещенко (1933—1990), кандидат архитектуры, специалист по проектированию промышленных сооружений, ставший заведующим кафедрой теории и истории архитектуры (ныне истории искусств и реставрации) Свердловского архитектурного института⁴. По обилию воспроизводимых писем, стихов и прозы Николай Алещенко фактически является соавтором книги.

Самый молчаливый, ограничивавшийся лишь скромными приписками к письмам друга, проявляющийся в книге преимущественно как скромный обыватель-совслужащий (старший научный сотрудник и руководитель группы техотдела проектного НИИ)⁵, благополучный семьянин, нашедший свою

³ *Футлик М. И.* Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь, 2018. С. 31.

⁴ *Десятов В. Г.* Николай Владимирович Алещенко (1933—1990) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 2. С. 102—104.

⁵ *Постоногов Ю. И.* 50 лет архитектурному образованию на Урале. 1953—2003 гг. Екатеринбург; Тюмень, 2003. С. 66.

«отдушину» как болельщик всевозможных видов спорта — Геннадий Михайлович Гаврилов (1932—2009). Этот Атос — преданный друг, именно он по первому зову всегда был готов составить компанию в инициативах друзей и тщательно хранил для истории их переписку. Ну а Портос — это Борис Андреевич Кожихов (1932—1998) — этакий немногословный «тяжелоатлет», со студенческой скамьи берущий максимальный вес, прокладывавший себе, по его собственному выражению, «дорогу в жизни среди зарослей нравственной морали»: семья, дети, солидные должности (главный архитектор в Уральском филиале Гипромашпрома в уральском Златоусте, главный архитектор отделов белорусских промышленных объединений, с 1976 г. — главный архитектор в авторемпроекте г. Минска)⁶, орден «Знак Почета», выезды к дочери за границу. Поскольку после окончания вуза, и то не сразу, лишь двое из четырех друзей жили и работали в Свердловске-Екатеринбурге, дружба продолжалась в активной переписке, взаимных визитах, относительно регулярных встречах с однокурсниками и совместных летних выездах на юг, преимущественно в Гагру.

Все это и дало материал для этой необычной книги, составленной из фрагментов писем, мемуарной, публицистической и философской прозы автора, стихов и лиричного эссе про город Пермь Николая Алещенко, документальных фотографий, послесловия состоявшейся в науке однокурсницы, репродукций произведений изобразительного искусства и архитектурных проектов. Замысел ассоциируется с флорентийской мозаикой, в надежде собрать из этих разнородных камешков стройную и законченную картину. Признавая, что результат далек от идеального замысла, автор начинает заглавие книги со слова «плохая». Но книга все-таки состоялась, потому что в ней есть сквозная тема — это архитектура, ее судьба в современном обществе и, прежде всего, в нашем Отечестве, прослеживаемая через мироощущение ее творцов и учрежденческих служащих — российских архитекторов, хотя бы только по образованию. Отсюда клаузура — как (энциклопедические строки воспроизводим по тексту книги) короткое творческое задание в архитектурных школах с XVI века:

⁶ Там же. С. 69.

«Для выполнения задания студентов закрывали в одиночестве под замком, чтобы не помогали друг другу (замок по-итальянски «klouso», поэтому и называется упражнение «клаузура»). По результатам этого упражнения преподаватели определяли способности студентов»⁷. Ну и погоня за ветром — вечная неудовлетворенность мыслящего, творческого человека результатами своего труда, работой, обществом, жизнью в конце концов. Но, как сказано давно, надо жить, надо любить, надо верить.

Интеллигенты, архитектура и «недоразвитый социализм»

К сожалению, ни Толстой, ни Достоевский, ни Чехов в книге (возможно и вообще в многолетней переписке друзей) не упомянуты ни разу — разве что времена «нетургеневские». В широчайшем спектре цитат и ассоциаций доминируют Хармс, Бабель, Жванецкий, Екклезиаст. Сам стиль общения, избранный дружной четверкой — это щемящая, осознаваемая или нет, тоска по идишу, который, за утратой собственной идентичности, переносится в русский язык («Мисаня посетил на юг, он в Гагру посетил...») ⁸. Лишь в самом конце, оставшись с автором книги один на один, Борис Кожихов напрочь отказывается от игры и рубит из перестраивающейся Беларуси правду-матку без всяких претензий на юмор, словесные ассоциации, придаточные и сложносочиненные. И посреди жесткой «соцреалистической» жизни трогательное, со студенческих лет, обращение друг к другу: Николенька, Бориска, Мисаня. Есть, правда, Геныч, но и того Мисаня чаще всего именует Геннаденькой. Что не мешает время от времени вставлять в текст изящные достижения русского мата.

Но главное, разумеется, не форма, а содержание, хотя данная книга блестяще иллюстрирует взаимосвязь этих категорий. И тут с точки зрения исследователя-гуманитария нельзя не обратить внимание на интеллигентоведческую составляющую этого необычного опуса. Самоощущение героев-авторов именно как интеллигентов прямо-таки бросается в глаза. Уже на стр. 8 читаем: «Время, отведенное на выполнение клаузуры, оказалось

⁷ Футлик М. И. Указ. соч. С. 7.

⁸ Там же. С. 357.

длиною в жизнь. Жизнь четырех деклассированных интеллигентов в условиях недоразвитого социализма и дикого капитализма». И далее, в разные периоды жизни, до полутора десятков раз⁹: интеллигент («истинный», причем «аристократ»), интеллигенция («трудовая»; «мелкая техническая» — упоминается чаще всего, причем по отношению к себе; «потомственная» — тоже о себе, даже так: «деклассированные потомственные интеллигенты в период хрущевско-брежневского отстоя»; «местная»; «творческая — писатели, журналисты, художники»; «говенная» — с описываемой автором точки зрения властей), «интеллигентские штучки», «интеллигентские патлы», интеллигентщина (рифмующаяся с военщиной). Наконец: «А что с нас взять! Старые, хилые интеллигенты, вышедшие из небогатых семей, существовавших исключительно на трудовые доходы. Дети голодных военных и послевоенных лет, убогие студенты уральской архитектурной школы и скромные служащие в последние три десятилетия»¹⁰.

Однако знакомство с марксизмом-ленинизмом все-таки не пропало зря, и даже на оппозиционной галерке («Я никогда не был материалистом!»¹¹) стало ясно, что надо как-то определяться с социальной базой. А поскольку никакой симпатичной друзьям «клубазуры» они в обществе не увидели, смогли сориентироваться лишь на себя, на профессию, на творчество. А что б мы хотели, если воспеваемый рабочий класс, после смены толпой заполняющий улицу перед архитектурной мастерской, старательно обходит дворец культуры («его посещает, в основном, местная интеллигенция и прочий мелкобуржуазный элемент») и заполняет «прилегающие к ней продуктовые магазины. Однажды в такое время я случайно замешкался, застрял в одном таком магазине. Выбраться из него наружу уже не представлялось возможным, пока с полок не исчезли все бутылки “Солнцедара”, “Алжирского” и прочей “бормотухи”»¹². Таково восприятие автором создателей вполне конкурентных для своего времени авиационных, вертолетных и ракетных двигателей. Знакомы друзья и с трудовым

⁹ Там же. С. 21, 86, 101, 138, 161, 163, 216, 237, 332, 342, 385, 413.

¹⁰ Там же. С. 346.

¹¹ Там же. С. 398.

¹² Там же. С. 385.

крестьянством, вдохновляющим на такие-вот опусы («Воскресенье в деревне», 1961 г. — вообще одно из лучших стихотворений, надо сказать)¹³:

От жары сомлели суки,
Лижут на боках подпалины.
Маются в бескрайней скуке
Бабы, сидя на завалинках.
Возле мостика, в бурьяне,
Положив под щеку доску,
Безмятежно дремлет пьяный
В новом пиджаке «в полоску».
В воздухе разлита нега,
Пахнет брагой и блинами.
Увертюру из «Онегина»
У сельпо гремит динамик.

Разве что Геныч всех удивил, вливаясь в «толпы унылых, небритых людей в потертых шубах, пимах, мятых ушанках», которые «прут толпой на бетонные трибуны. Многие хватили сучка, тупо вращают бельмами, курят, матерятся, жуют мерзлые пирожки. А главное, каждое ничтожество может подойти к тебе и, даже не извинившись, спросить: “кто в защите?”». Далее интеллектурал Николенька демонстрирует знание следующей лексической обоймы, которая не совсем понятно к кому относится: «Молчать! Грязный выкидыш! Распустились! Сволочи! По морде таких! Да, именно, *поморде*. Хорошо бы сапогом»¹⁴. Видимо, это выкрики с трибун, точнее фантазия на темы этих выкриков, ведь автор на стадион не ходил.

Вообще представление о народе порой поражает примитивизмом: «народ всегда стабилен — подавай ему лебедей на ковриках и кошечек на раскрашенных анилином фото»¹⁵. И это в 1988 г. — вероятно, под влиянием Солженицына. Не очень интеллигентным выглядит поименование улицы Красноармейской не иначе как Хунвейбинская, или покорившей весь мир как гордости русского национального искусства «дымки» «отвратительными в своей убогости фигурками», которые дарят лишь дураки.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 122—123.

¹⁵ Там же. С. 358.

Чужды друзьям и такие «банальности», как Родина, Отечество, патриотизм. В этой стране жить вообще холодно и неудобно. Даже в Ленинграде: «Не лежит душа к этому огромному неудобному каменному городу... На воротниках прохожих будут снова сверкать ледышки от соплей. А чувихи в капронах будут жутко стыть на морозе. Снова нужно будет их уводить в подъезды, пахнущие кошками, и вздрагивать при каждом хлопке дверей... здесь снег, холод. Нет ни пальм, ни гималайских кедров. Есть только таблички “уборной во дворе нет”»¹⁶. Что уж говорить об Урале, где «трещит собачий азиатский холод и сопли замерзают сосульками, доходящими до колен»:

Закончились деньки погожие,
Прошли погожие деньки.
Бегут случайные прохожие,
Уткнув носы в воротники.
.
Деревья, как рога олени,
Сугробы, как слонихи сонные.
И ломит холодом колени
Под трикотажными кальсонами.
Сжимаю нервно пальцы зябкие
В кулак, хрустящий, как початок.
И растопырены культяпками
Пустые пальцы у перчаток.
.
Луна на эту стыть мирскую
Глядит бесстрастным глазом-кратером.
В подъездах парочки тоскуют
И жмутся к пыльным радиаторам.

В общем, «зимой люди живут без солнца, и это делает их несимметричными, непараллельными и нерентабельными»¹⁷.

Отсюда постоянное нытьё, которое никакими претензиями на остроумие не прикроешь: «Здесь очень не хватает солнца. Низкое, темное небо все четыре времени года порождает в людях томление духа и унылое настроение. К тому же организм перестает вырабатывать витамин Д, который остро необходим всему

¹⁶ Там же. С. 118—119.

¹⁷ Там же. С. 93, 100, 194.

человечеству. Это не ареал для обитания человека»; «Мы родились и живем в несчастливое время. А жизнь пошла в другом направлении»; «Повседневная жизнь сильно смахивает на столовский кисель. Не густо, не жидко, не горячо, не холодно, не сладко, не кисло, ни запаха, ни цвета и уж, разумеется, никаких витаминов»; «Что до меня, — живу скучно. Томительное ожидание завершения работы, безнадежность получения жилья, расшатанные нервы. Думаю, что и ты живешь не очень весело, ибо все мы связаны одними и теми же пустыми хлопотами в казенном доме»; «Масса забот, дел, нужда — это всё наша обычная 11-тимесячная жизнь и так всегда! Трудно уйти от таких клещей опостылевшего бытия»; «Сижу в удмуртской столице, где нет даже писчей бумаги... В моем люксе хрипит удмуртским языком разбитый динамик и простужено клокочет унитаза»; «Еду я вторые сутки / Злой, голодный и тверёзый. / За окном, как проститутки / Раскорячились берёзы»; «О бытовой, семейной и служебной грани своей жизни писать не буду. Они одинаково тошнотворны»; «Тяжелые времена бизнес сделать. А жаль, возможно, у меня есть способности, а пропадают зря без действия... 1965»; «И времена не тургеневские, и годы наши, увы, не лермонтовские, и быт не способствует. Перенервничаешь на работе полдня с бесконечными выездами на с/х работы, проматеришься вечер с корешами за “огнетушителем” бормотухи, поцапаешься с женой, — и нате вам! — начнешь писать чистые, добрые, складные строки писем. Как же!»¹⁸

Это всё из писем друзей, выбранных автором книги как самые интересные, содержательные и типичные. Поэтому вряд ли удивит читателя его собственное резюме, выделенное жирным шрифтом: «Человечество давно и спокойно живет по законам Абсурда с непреодолимой целью самоуничтожения. Любая гадость и напасть случается, как закономерность. И самое гнусное у этой закономерности — ее последствия»¹⁹. Конечно, можно объяснить унылую жизнь отсутствием архитектуры в том смысле как ее понимают герои книги. Но их вечной тоской измученной души можно, пожалуй, объяснить и унылую архитектуру.

¹⁸ Там же. С. 101, 136, 142, 152, 194, 217, 239, 315, 318.

¹⁹ Там же. С. 329.

Лейтмотивом этого гимна житейской неустроенности нашего общества является в условиях «недоразвитого социализма» тотальный дефицит: все приходится доставать, жизнь уходит на поиски туалетной бумаги и самих туалетов, которых вне дома и учреждений практически нет. Мясо возили из Москвы — даже куриное, по уверению автора, причем производства пермских птицефабрик. Все приходится «доставать». И достают! У троих из четырех столь несчастных друзей машины. Правда, у одного она принадлежит родственникам, но зато «Волга», а не «Жигули» какие-то — впрочем, на них и после перестройки в Германию и по Германии ездить можно было. Японские и немецкие магнитофоны, которых вообще не было в продаже, «имелись почти у всех меломанов». Постоянный атрибут д'Артаньяна — импортная одежда, в частности, воспеваемые в переписке вельветовые штаны. И вообще, в случае нужды и «на лапу» положить допустимо (это о взятках²⁰).

Вообще создается впечатление, что это просто баловни судьбы, которые в детстве почти не заметили послевоенного голода — по крайней мере, на шкалу отсчета их жизненных ценностей он никоим образом не повлиял. Которые выросли в интеллигентных семьях, как их квалифицируют окружающие (среди родственников — соратники самого Я. М. Свердлова, или, к примеру, «парторг Большого театра»)²¹, однако, имея в предках революционеров, даже и не пытались понять их идеалы (не случилось «гармонии в человеках» — ничего не поделаешь!). Которые родились отнюдь не в самой глухой провинции: трое — в советской «столице Урала» и один — в дореволюционном губернском центре, учились в лучших школах и окончили их с золотой медалью или около того. Которые как недостойную упоминания норму воспринимали зачисление в вуз без экзаменов и бесплатное обучение с какой-никакой стипендией...

²⁰ Там же. С. 317.

²¹ Там же. С. 17, 95; *Десятов В. Г.* Указ. соч. С. 102.

«Нормальная» жизнь и «закон Абсурда»

Но жить без идеалов нельзя, и идеал-таки есть: это благословенная заграница, причем заграница западная. Там нормальная («НОРМАЛЬНАЯ!») жизнь, у нас же она представляет собой сплошной абсурд (Абсурд — с большой буквы!). Вот некоторые из выведенных автором книги проявлений закона Абсурда: «любая кривая от точки “А” до точки “Б” всегда короче прямой линии»; «всякая не согласованная с высшей инстанцией инициатива, независимо от цели, которую она преследует, должна быть наказана»; «...непрерывно пресечена и наказана»; «абсурд, повторяемый бесчисленное количество раз, постепенно начинает восприниматься уже как постоянная объективная истина»; «“завтра” никогда не наступит»; а также — вклад Геныча — «Страшная невезуха сопутствует нам в успехах»; вклад Бориски — «Человеку всегда мало»²².

Автор книги убежден, что на Западе ни этот закон, ни его проявления не действуют. Впрочем, до перестройки он там не бывал: мешал железный занавес, а попасть в редкую тургруппу не позволяли высокопоставленные конкуренты. Не утруждая себя изобретением причин, последние намекали на национальность, что устраивало всех, в том числе и доверчивого автора. Других проявлений антисемитизма ни в мемуарах, ни в переписке не приводится, кроме утверждения, на основе отказа в поездке в Финляндию, что на Урале он есть, хотя в период борьбы с космополитизмом вроде бы не было. Зато первая зарубежная поездка при открывшихся возможностях — Иерусалим. Разумеется, там тоже нормальная жизнь и, тем более, нормальная власть: «Иерусалим — город особенный... Авторы его зданий — известные зодчие из разных стран, имеющие свой характерный индивидуальный почерк. Но в монолите гармонии городских строений чувствуется стальная воля городской власти. Власти профессионалов»²³. Вопрос, были ли в этой власти архитекторы, не ставится, тогда как для России это вопрос принципиальный: власть в архитектуру вмешиваться не должна, ибо вопросы застройки города должны решать специалисты. В общем, участие в процессе

²² Футлик М. И. Указ. соч. С. 48, 51, 161, 187, 218, 342, 384.

²³ Там же. С. 370.

руководителя, обладающего большой властью и возможностями — благо, если это правильный руководитель, а поскольку у нас неправильные, то потомкам оставляются «города-монстры и подобные этим городам кварталы и сооружения»²⁴.

Таких противоречий в книге немало. Двойные ценности, двойная мораль. Одна из аксиом, сформулированная Бориской и повторяемая друзьями: «есть две правды — одна мирская, другая житейская»²⁵. Отсюда соответствующая шкала этих ценностей: «Желаю тебе отличного самочувствия (это, в конце концов, самое важное). Далее по степени значимости идут: здоровье и благополучие твоих родных и близких, успехи в работе и в общественной деятельности, материальное благополучие, наличие вельветовых штанов “Wrangler” и т. д. Впрочем, ты можешь поставить наличие штанов перед успехами в общественной деятельности, но не надо об этом кричать вслух. Общество любит трудолюбивых, сознательных и скромных людей»²⁶.

Зато неудовлетворенный своим социальным статусом кандидат архитектуры, скромный, еще до заведования кафедрой, преподаватель провинциального вуза объездил чуть ли не полмира. И хотя от группы отрываться было нельзя и ознакомление с «нормальным» миром ограничивалось экскурсионными объектами, поднаторевшими в огне холодной войны экскурсоводами и видами из окна автобуса, неустанно рассказывал друзьям, как там замечательно («Мы жадно поглощали его рассказы... и радовались за тех людей, потому что они там живут хорошо»²⁷). После перестройки несколько раз выезжал к дочери в Германию архитектурный начальник из Беларуси. Возвращался потрясенный: вот это жизнь! Впрочем, в чем именно состояли эти преимущества, из приведенных писем не ясно. Главная идея — там живут («нормально»!), а у нас, даже и в СНГ, выживают. Тем более, в начале девяностых, в данном случае в Беларуси: «Идет грабеж неприкрытый, повсеместный, тотальный. Каждый в одиночку сохраняет свою хреновую жизнь. По телевизору порнуха, американские стрельбища, политический маразм и словесная блевотина.

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Там же. С. 225, 261.

²⁶ Там же. С. 315.

²⁷ Там же. С. 213.

Возле нас продают пиво 3р за кружку. Но сливать его надо теперь только в нашем подъезде и лифте. По вечерам лучше ходить по улице в опорках, в задрипанных шмотках, без шапки. Остальное узнаешь из телеящика»²⁸. И чуть позднее (1995 г.): «В принципе, люди стали жить лучше — завал овощей, фруктов, колбас, импортных товаров. Но никто даже штанов не шьет и картошку не сажает. Пovýлазила какая-то фашистская сволочь. Если бы лет 30—35 смахнуть с меня, знал бы, что делать. Прежде всего, рванул бы с 1/6 части суши куда глаза глядят. Хоть в Эфиопию. Временами сатанею от бессилия и злобы и поэтому глубже лезу в свою скорлупу»²⁹.

Отсутствие заграницы (хоть Эфиопии?!) компенсировалось поездками по великому СССР. М. Футлик систематически бывал в Средней Азии — то на военных сборах, то у друзей-художников. Даже в военной форме была возможность познакомиться с театром, спроектированным архитектором Щусевым, и спектаклем в нем (в том и другом случае практически никаких эмоций, доминируют раскаленная площадь и замена обещанного балета на оперу). Ну а в узком русскоязычном профессиональном кругу — та же богема, с постоянной нехваткой спиртного и дегустацией наса. Местное население всё на хлопковых полях; в городе — толпы детишек- Попрошаек, ну и сервис, естественно: неспешные разговоры в чайхане и то же преклонение местного населения перед иностранцами на фоне впечатляющей старинной архитектуры. Архитектурные курсы-семинары проходили, как правило, в Прибалтике: всё без замков, никто не ворует, чистота, культура. И, особый разговор, значительная часть книги — Гагра, до 24 дней в которой друзья начинают отсчет оставшегося рабочего времени с осени. Тут главное — солнце, молодость, блаженное безделье и общение друг с другом. Кругозор тоже ограничивается пляжем (похоже, особым, именно дома отдыха архитекторов) и сферой обслуживания, огребающей деньги с приезжих всего Советского Союза. В общем, сплошной восторг: «Нам нравился их кипящий на горячем солнце темперамент. Их гордость, разбавленная тщеславием. Они знали себе цену

²⁸ Там же. С. 372.

²⁹ Там же. С. 375.

и умело пользовались спросом на нее. Отсюда — доброжелательная импровизация общения, обильно одобренная только им присутствующим юмором. Это притягивало сильнее магнита, увлекало и добавляло бесплатный кайф к общению. Конечно, нас постоянно обсчитывали. Нам разбавляли водой водку. Нам продавали дешевое вино вместо марочного. Эта чепуха с лихвой окупалась веселым, добродушным обхождением. Обхождение, в свою очередь, улучшало в нас настроение, поднимало тонус и утверждало стойкую уверенность в завтрашнем дне»³⁰.

При этом, покупая заднюю левую (именно левую) баранью ногу на шашлыки, вопрос о мере раскованности людей, выращивающих и поставляющих этих баранов, тем более, местных женщин, не ставился. Зато немало внимания уделено ресторанному певцу Гиви: слова обессмертившего его доморощенного шлягера «О, море в Гаграх!» даже старательно воспроизведены наряду со стихами Николеньки и строками из Екклезиаста. Горный Кавказ представлен, в основном, красотами природы и информацией о чуть ли не ежегодных зимних (наряду с летними заграничными) поездках Николая на горнолыжные курорты, где в обстановке тотального дефицита он питается бутербродами с красной рыбой. Также и в среднеазиатском городе автор смутно догадывается о какой-то другой жизни по ночному движению караванов на рынок (не покупать — продавать!), но, удовлетворившись чисто эстетико-эмоциональным ее созерцанием («будто армия Тамерлана»), к проблемам большинства населения этого украшенного памятниками архитектуры мира, более не возвращается.

Что уж говорить о Европе! Самое яркое впечатление — кучка экскрементов на джинсах, брошенных посреди ведущей к музею улицы. Оказалось — муляж, экспонат, так сказать. Однако запаха не было, недоработка, в общем. А так то же пренебрежение к толпе, ничего в искусстве не понимающей: любуются на свои отражения в стекле перед Моной Лизой, сличают с путеводителем персонажи «Ночного дозора», не замечая шедевров Вермеера. В общем, люди как люди. То ли дело Сальвадор Дали, сконцентрировавшийся на «прямо-таки торчащей из холста» иголке хрестоматийной «Кружевницы». Что ж, будем

³⁰ Там же. С. 133.

соответствовать: видим у Рембранта копые («направлено прямо на тебя»), шлем, камзол, собаку...

Перестройкой, а тем более постперестроечной Россией герои, точнее двое пережившие очередную попытку приблизиться к западным стандартам, тоже недовольны. К самооценности своей «скорлупы» в конечном счете приходят все, берясь за этюдники и обращаясь преимущественно к пейзажу. Исчезает спасительный юмор. М. И. Футлик, получивший невиданные прежде возможности для работы и собственное архитектурное бюро, подходит к оценке ситуации с философских позиций: «Теперь наверху расселись более спортивные, более комсомольские и более цепкие. Круговорот природы. Закон Абсурда объединился с законами гравитации. Но архитекторы, всегда прочно зависимые от чиновников, заказчиков и предпринимателей, остались у своего прежнего раздолбанного корыта»³¹.

Вся великолепная четверка уверена, что у нас нет не только нормальной жизни, но нет у нас и архитектуры. Она была в Бразилии, где Оскар Нимейер строил железобетонный Бразилиа, она была в Индии, где появился «лучезарный» Чандигарх по проекту Ле Корбюзье. Разумеется, в вильнюсском Лаздинае, в связи с которым даже социализм впервые упомянут в некотором положительном контексте. Ну а «на территории России не только не будет подобных городов, но и архитектура исчезнет полностью»³²: «Архитектура, как и вся наша культура и искусство с его провайдерами, криэйтерами, пиарщиками и почти полным отсутствием живых и здоровых творцов вызывает теперь только сострадание. Талантливых быстро заменили сообразительные. Эрзац заменил искусство. Заметили эту подмену не сразу и не все»³³.

Это подтверждается и приведенным в книге авторитетным мнением кандидата архитектуры, профессора Уральской архитектурной академии Р. М. Лотарёвой: «1956 год в нашей жизни архитекторов оказался особо значимым, так как в этот год фактически была уничтожена архитектура в России. В стране волевым порядком была проведена “культурная перестройка”, когда

³¹ Там же. С. 386.

³² Там же. С. 96.

³³ Там же. С. 187.

архитектуру перестали считать искусством и она была переведена в разряд обычного ремесла». И далее: «До сих пор все попытки воскрешения архитектуры безрезультатны — как погоня за ветром. Зодчеством занимаются посторонние люди, не имеющие к нему отношения, что приводит к нелогичным и неграмотным решениям»³⁴.

Так ли? Мендель Футлик, как состоявшийся мастер, даже в условиях «недоразвитого социализма» сумел отметиться в Перми зданиями, одно из которых сразу же было признано памятником истории и культуры (областная, ныне краевая, библиотека), другое — заняло едва ли не центральное место на выставке к съезду Союза архитекторов РСФСР в 1981 г. (баня с данным народом названием «пушкинская»). Что уж говорить о последних десятилетиях, когда возглавляемая мэром творческая мастерская «МФ» делала почти всё, что хотела. Стал ли город от этого лучше? В чем-то да, поскольку от конструктивистских увлечений молодости и обожествления Ле Корбюзье мастер перешел к оправданию и даже воспеванию эклектики («Стиль — это направление. Творческий процесс может изменить направление, внести новые детали, не нарушая общей гармонии... Настоящая эклектика — продукт избранных»³⁵). А в чем-то и нет, поскольку принципиально в застройке города ничего не изменилось.

Разумеется, автор винит в этом непрофессионализм власти, отсутствие настоящей творческой свободы и авторского права архитектора, что приводит к изменению проекта в ходе строительства и после сдачи объекта. Но хотя бы какой-то самокритики в книге явно не хватает. Как коренной пермяк, неспециалист в области архитектуры и читатель, обращаю внимание на нелепость размещения банальной конструктивистской высотки (все объекты представлены в книге визуально) на Октябрьской площади, или громаду нового жилого дома на Сибирской, «раздавившую» не только образцово-конструктивистскую семиэтажную гостиницу, но и собственный общепризнанный (в мировом масштабе!) шедевр — административное здание

³⁴ *Лотарёва Р. М.* «Большое видится на расстоянии» // Футлик М. И. Указ. соч. С. 424, 425.

³⁵ *Футлик М. И.* Указ. соч. С. 332.

напротив. Да, проект был изменен, но, увы, не в размерах. Ну а решению властей, не позволивших поставить на этом месте авангардистский небоскреб, практически уничтоживший стилистику исторического центра и гордости города — улицы Сибирской, можно лишь удивляться: от такого здравомыслия местного руководства пермяки давно отвыкли. Намек же на то, что сложившаяся прямоугольная планировка неправильна, поскольку не учитывает особенностей рельефа, вообще приводит в дрожь: как начнут учитывать — и прощай, Старая Пермь! Что касается типовых проектов и безликих микрорайонов, то, конечно, надо сравнить с ними стоимость Лаздина в адекватных квадратных метрах, получения которых так ждали и так жаждали герои книги вместе с миллионами россиян.

И снова об интеллигенции

Ушел в историю и золотой период существования пермской интеллигенции. Один из самых впечатляющих эпизодов книги — рассказ о создании рельефов на здании областной библиотеки и дружное отстаивание их от нападков властей из-за присутствия в сюжете монахов Кирилла и Мефодия. Сегодня это практически невозможно: таких людей просто нет. Мы цитируем вместе с автором книги Михаила Жванецкого — «Вместо того, чтобы крикнуть “что же вы, суки, делаете?!” мы думаем “что же они, суки, делают”» — и наблюдаем, как был разрушен являвшийся гордостью города первый на Урале панорамный кинотеатр «Кристалл»; как уничтожено уникальное произведение монументального искусства — панно художников Колюпановых «Наука»; как тридцать лет в изуродованном виде стоит всё та же «пушкинская» баня; как полтора десятилетия издевались над неустановленным памятником А. С. Пушкину работы знаменитого москвича В. М. Клыкова; как мало что остается от архитектурного решения мемориального воинского кладбища...

Однако именно ругаемая, во многом, разумеется, справедливо, эпоха дала таких выдающихся упомянутых в книге пермских интеллигентов, как Савватий Гинц, Лев Давыдычев, Борис Назаровский, Владимир Радкевич, брат автора Лев Футлик, есть в их числе и нашедшие свое место архитекторы Александр

Терехин, Гершен Канторович, Давид Рудник. Ну а такие уникальные личности, как художники и скульпторы Рифкат Багаутдинов, Юрий Екубенко, Тимофей Коваленко, композитор Генрих Терпиловский получили великолепные, глубокие, неординарные портреты, выполненные грамотно и с большой любовью в добротной прозе.

В общем, рановато мушкетеры назвали себя интеллигентами. Рановато. В очередной раз убеждаешься, что самоидентификация в этом деле невозможна, что высокое это звание заслужить надо — работой, мыслями, строем чувств. И не самим нам, грешным, решать. Но оценка современников и потомков — другое дело. Поэтому мы можем вполне определенно утверждать, что имея дело с явными интеллектуалами, все-таки можем с полным правом отнести их к интеллигенции как социальному слою, причем как довольно типичных представителей своего времени, надо сказать. Живи и мысли они по-другому, и не было бы у нас никакой перестройки, и жил бы себе наш могучий и дружный СССР и, может быть, даже появились бы в необходимом количестве и в нужных местах общественные туалеты, которых, впрочем, сегодня и вовсе нет. А так — вот он, тот самый «щупалец», о котором писал Троцкий, та самая «пятая колонна» конкурирующей цивилизации, выявленная Тойнби, та самая подбострастно гнущаяся под запад «свободная русская мысль», описанная Достоевским и Данилевским³⁶.

Однако есть в книге интеллигент истинный, именно этим термином определенный, образ которого, как архитектора и учителя, проходит через всё сочинение, наряду с Бернини и Ле Корбюзье. Это наставник дружной четверки в годы учебы в вузе, основатель архитектурного образования на Урале, профессор Константин Трофимович Бабыкин (1880—1960). Интеллигент старой дореволюционной школы, он никогда не ныл, не подлаживался под время и власть, а жил вместе со своей страной и народом. Участвовал в проектировании и строительстве в начале века в стиле модерн здания екатеринбургской оперы и ставшего филармонией клуба, а в самые что ни на есть культовые

³⁶ Порозов В. А. Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 116—120.

времена корпуса политехнического вуза как монументального творения рационального, с элементами конструктивизма, классицизма. При этом никогда не выпячивал свое авторство, успешно сотрудничая с другими архитекторами и инженерами³⁷. Два запомнившихся М. Футлику завета этого мастера оказались пророческими. Первый из них: архитектором из вуза не выйдешь, им можно стать только годам к сорока. И второй: циркуль нужен только при обучении, у архитектора он должен быть в глазах. Поскольку сам учитель во всех отношениях состоялся и «циркуль» такой имел, в чем никто не сомневался, то в длительных и бесплодных дискуссиях не было необходимости — достаточно было трех слов: «Поставь на место»³⁸.

Друзья же не хотели ждать до сорока лет, им хотелось всего и сразу. Поэтому, с первых лет после окончания вуза они, за неимением архитектуры, которой «не было», стали мечтать о публикации своей переписки, и писали свои письма с прицелом в вечность. И автор книги, и однокурсница — профессор современного архитектурного института — свидетельствуют, что творящими архитекторами становятся единицы: из этой четвёрки дошел до сорокалетнего рубежа и ощутимых результатов в столь сложной сфере творческой деятельности только Мендель Футлик. Остальные друзья, как и большинство однокурсников, стали чиновниками (начальствующими и подчиненными), реализовывались в иных творческих сферах. Но только ли в «отсутствии» архитектуры тут дело? Не является ли данная ситуация типичной для выпускников художественных вузов, где на первом курсе, по известной шутке, все Народные артисты, а на последнем — профнепригодные? Тем более, после бала надежд. Столь откровенная попытка заглянуть в их внутренний мир стоит дорого.

³⁷ Архитектор Константин Бабыкин: статьи, эссе, рассказы / ред.-сост. В. Ваулина, Р. Лотарева. Екатеринбург, 2015. С. 8—9. URL: https://tatlin.ru/shop/architekt_konstantin_babykin (дата обращения: 20.04.21).

³⁸ Футлик М. И. Указ. соч. С. 18, 25, 23—24, 169, 274, 326, 413.

Заключение. Чем хороша «Плохая клаузура»

Ну и о «циркуле в глазах». Даже имея такой циркуль в профессиональных вопросах, в социальных можно так и не суметь «поставить глаз» под правильным углом. Посему даже хороший и состоявшийся архитектор может представить клаузуру не самого высокого качества как человек, как интеллигент. Однако одна такая «клаузура» архитектора Джованни Бернини, не став по воле сиятельных особ Лувром, все же внесла вклад в формирование нового направления в искусстве, нового стиля — барокко. Что несет нам книга Менделя Футлика? Так ли уж эта его «клаузура» плоха?

Разумеется, нет, о чем свидетельствует более чем благожелательный ее прием представителями современной уральской интеллигенции: «И творчество, и вера в идеалы, и юмор, блеск, эрудиция, критическое отношение к реальности, и, конечно, дружба; если уж все это настоящее — то навсегда»; «письма, которые вошли в книгу, рисуют полную, драматичную и очень поучительную картину жизни советской творческой интеллигенции»; «книга не столько об архитектуре, сколько о людях... — вся богемная Пермь 1960—1980-х годов. Пожалуй, такой подробной и искренней книги о ней еще не было»³⁹; «Пусть незатейливая и шутливая переписка друзей, заменявшая им роскошь непосредственного общения, и размышления автора станут достоянием будущих поколений. Может быть, они смогут повернуть нашу жизнь и архитектуру лицом к запросам развитого культурно-просвещенного общества»⁴⁰.

К тому же книга является ценнейшим историческим источником как широкое полотно повседневной жизни провинциальной интеллигенции. Такие, например, детали, как организация утренних зарядок комсомольским активистом Борисом Ельциным; периодические военные сборы специалистов-архитекторов в качестве танкистов; одежда и обувь с особенностями

³⁹ Баталина Ю. О свободе среди несвободы: К своему 85-летию архитектор Мендель Футлик выпустил книгу воспоминаний // Новый компаньон: Пермский еженедельник. 2018. 27 июля.

⁴⁰ Лотарёва Р. М. Указ. соч. С. 425.

отношения к ней и даже ухода за оной; тщательно описанный чиновный инструментарий и течение рабочего дня типичного советского служащего, обеспечивавшего всеобщую занятость; условия его отдыха на курортном юге — а обилие таких деталей поразительно — безусловно, обогащают наше знание о прошлом, делают его более объективным и живым. «Истории из личной жизни ничуть не хуже любой другой истории. Всё это — мелочи жизни, которые, собственно, и представляют эту самую повседневную жизнь... Восстанавливая прошлое, мы стараемся понять сокровенный смысл настоящего. Осознав настоящее, можно уверенно продолжать путь в завтрашний день»⁴¹, — с этим утверждением архитектора, художника и мыслителя Менделя Иудовича Футлика нельзя не согласиться.

⁴¹ *Футлик М. И.* Указ. соч. С. 398.

Е. И. Самарцева

ДОСТОЙНАЯ КНИГА О ЧЕЛОВЕКЕ ДОСТОИНСТВА.

**Рец. на кн.: Валерий Сергеевич Меметов:
ученый, педагог, организатор:
сборник статей / ред. В. В. Комиссаров.
Иваново, 2020. 340 с.**

Предисловие

В 1991 году, защитив диссертацию по теме «Интеллигенция Тульской губернии на рубеже XIX—XX вв.», стала расширять круг научных контактов. Написала письмо В. С. Меметову. Валерий Сергеевич прислал подробный ответ, пригласил к сотрудничеству. Жизнь распорядилась таким образом, что наше общение большей частью протекало в «заочной» форме. Своими публикациями участвовала почти во всех интеллигентоведческих конференциях (Иваново), но приезжала только один раз. Еще встречались, когда оппонировала на интереснейшей докторской диссертации у Владимира Вячеславовича Комиссарова. Так получилось, что насчет поездок каждая осень диктовала свои законы. Впрочем, Валерий Сергеевич относился ко всему с пониманием: «Елена Игоревна! На сей раз, надеюсь, сможете приехать? Нельзя ли на нашу конференцию штук десять Вашей монографии «Российская интеллигенция до октября 1917 года: историографический очерк»? ...Тираж маленький? И приехать не получается? Что ж, жаль. Обязательно жду на следующий год!»

© Самарцева Е. И., 2021

Самарцева Елена Игоревна — доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Тульского государственного музея оружия, профессор кафедры истории государства и права, Тульский государственный университет, samartse@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Academic secretary of the Tula State Arms Museum, Professor of the Department of History of State and Law, Tula State University).

Некоторые воспоминания об этом общении вошли в мою небольшую, находящуюся в печати книгу «Историографическое времяощущение». Значимо, что коллеги, имевшие возможность более тесного научного общения с В. С. Меметовым, подготовили несколько достойных его памяти публикаций, включая сборник, о котором далее идет речь.

О сборнике статей «Валерий Сергеевич Меметов: учёный, педагог, организатор»

Итак, издание, ставшее предметом настоящего разговора, соответствует всем параметрам добротного научного труда. Редактор-составитель — д-р ист. наук, доц. В. В. Комиссаров; редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. Г. А. Будник, д-р ист. наук, проф. Е. М. Раскатова, канд. ист. наук, доц. А. А. Семененко; рецензент — канд. ист. наук А. К. Калинин.

Сборник состоит из четырех взаимосвязанных частей. Вначале предлагаются преимущественно статьи-воспоминания, которые в совокупности позволяют воссоздать облик разносторонне одаренного исследователя, по-человечески привлекательного собеседника, талантливого наставника, опытного руководителя, вдумчивого историка и, разумеется, ученого, открывшего научную эру интеллигентоведения. Некоторые из статей, что подчеркнуто в книге, ранее были опубликованы. Думаю, авторы правы, собрав в едином полиграфическом ключе, строки от д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака, д-ра ист. наук, проф. И. В. Купцовой, д-ра ист. наук, проф. Г. В. Серебрянской, д-ра ист. наук, проф. В. С. Околотина, канд. ист. наук, доц. Ф. Т. Ахунзяновой и др.

Как подчеркнул д-р ист. наук, проф. И. В. Сибиряков: «...воспоминания о близком и дорогом человеке почти всегда искренние. Порой они гораздо важнее для тех, кто эти воспоминания пишет, чем для тех, кто эти воспоминания потом читает. Это не только своеобразный разговор о прошлом, но это и разговор о настоящем и даже будущем одного конкретного человека, группы людей, страны в целом»¹.

¹ Сибиряков И. В. Размышления о роли личности в истории интеллигенции (Воспоминания о В. С. Меметове) // Валерий Сергеевич Меметов:

Сами названия статей во многом раскрывают их суть: «Научный метод как искусство жизни» (д-р ист. наук, проф. Е. М. Раскатова), «Человек слова и поступка» (д-р ист. наук, проф. А. В. Зябликов), «Человек, определивший мою судьбу» (канд. ист. наук, доц. А. М. Семененко) и др. Статей немало и теоретически могло бы быть гораздо больше, ибо, как уместно отметила в «Заметках на полях» д-р ист. наук, проф. Г. А. Будник: «...Валерий Сергеевич Меметов — человек необыкновенно интересный, творческий, целеустремлённый и многогранный. Каждый, кто общался с ним, помнит встречи с мэтром, его неординарные, выходящие за рамки традиционных научных концепций, размышления о науке, творчестве, литературе и искусстве»².

Вторая часть сборника объединяет ряд недостаточно известных статей самого В. С. Меметова. Если посмотреть на пожелтевшие странички конференц-сборников 90-х годов, то не все и прочитать возможно. Авторы присылали свои набранные на печатной машинке тексты, где цветовая насыщенность, «жирность» ленты была различной. Позднее в почтовые конверты стали вкладывать дискеты; послания доходили не без повреждений. Возможности электронной почты, Интернета еще не были доступны.

В свое время, разрабатывая проблему именно историографии отечественной интеллигенции, буквально по слогам вычитывала каждый опубликованный сборник 90-х. А возникающие вопросы можно было задать Валерию Сергеевичу, получить от него разъяснение, отзыв, рецензию. Во всяком случае, обоснование понятий «прединтеллигенция», «церковная интеллигенция», изменяемость функциональных особенностей интеллигенции в зависимости от конкретно-исторической среды; нравственный императив интеллигенции, ее политическая культура, место интеллигентоведения в системе вузовских спецкурсов — это то, на что не в последнюю очередь обращал внимание В. С. Меметов, и то, что соратники (в различной текстовой вариации) включили в настоящий сборник.

ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново, 2020. С. 118.

² Будник Г. А. Заметки на полях // Валерий Сергеевич Меметов... С. 45.

Подборку этих публикаций будет особенно важно прочитать молодым исследователям, чтобы увидеть ход рассуждений ученого, последовательно расширяющего свои взгляды на «роковой вопрос» российской истории: от несколько привычного политического подхода — к богатой гамме методологического разнообразия. Особенности авторских рассуждений становятся понятнее, если обратиться к статье В. С. Меметова «Интеллигенция», подготовленной для Большой Российской энциклопедии и предложенной в настоящем сборнике в расширенной версии.

Удачно, что в сборник включены некоторые статьи В. С. Меметова, написанные в соавторстве. В частности, «Духовные традиции России и нравственные искания современной интеллигенции» (вместе с д-ром ист. наук, проф. С. М. Усмановым), «Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы» (вместе с д-ром ист. наук, проф. Г. А. Будник).

Следующая, третья часть сборника включает в себя список работ В. С. Меметова. Данные за 1971—2014 гг., в основном, были подготовлены главным библиотекарем ИВГУ Ф. Г. Тапаевой. В настоящем издании список был расширен. Библиография открывается авторефератом кандидатской диссертации В. С. Меметова «Мобилизация московской городской партийной организацией сил интеллигенции в период битвы под Москвой» (защищена в 1971 г., Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). Среди завершающих публикаций — Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 26—27 сентября 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 4—7.

Несколько оправдываясь, замечу, что интеллигенция — весьма интересующая меня, но не единственная тема исследовательской привязанности. Перечитывая список публикаций В. С. Меметова, понимаю, что о многом с ним недоговорила, недораспросила. Скажем, об уточнении взгляда на проблему отечественной интеллигенции и правящей элиты.

Вспомнилось, что интересующий сюжет возникал и в частных разговорах с другими, увы, ушедшими в мир иной яркими представителями интеллигентоведения: д-ром ист. наук, проф. М. Е. Главацким, д-ром ист. наук, проф. А. В. Квакиным.

Четвертая часть сборника занимает всего четыре странички. Но они — чуть ли не лучшее подтверждение значимости научного наследия В. С. Меметова. Это — список из 8 докторских и 23 кандидатских диссертаций, подготовленных под руководством Валерия Сергеевича. У ряда исследователей он был научным консультантом и по кандидатской, и по докторской диссертациям.

Что не всегда свойственно сборникам статей, так это — приложение и фотоиллюстрации. Здесь они более, чем уместны. Интересно и важно прочитать предоставленный Государственным архивом Ивановской области (ГАИО) протокол заседания кафедры от 28.06.1988 года о рекомендации к избранию на должность заведующего В. С. Меметова. Значимо увидеть фотографии, сделанные участниками ежегодных научных конференций в Иваново: д-ром ист. наук, проф. Э. Б. Ершовой и зам. директора АО «Саратовский полиграфкомбинат» Н. Н. Васильевым. На последней странице сборника опубликована и последняя фотография — Надгробие на могиле В. С. Меметова. Кладбище Балино (г. Иваново).

По некоторым формальным признакам, текст, который сейчас пишу, попадает под определение «рецензия». Но, можно ли рецензировать слова уважения и признательности, адресованные другу, коллеге, учителю от его благодарного близкого и далекого (географически) окружения? Сборник статей «Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор» не только рассказывает о докторе исторических наук, профессоре, директоре НИИ интеллигентоведения, главном редакторе журнала «Интеллигенция и мир», о наградах и знаках отличия, но позволяет каждому читателю «подойти ближе» к масштабной личности ученого. Сборник, безусловно, займет свое место в историографии, потому что подготовлен профессионально, интересно, с искренней любовью к В. С. Меметову и исторической науке, в целом.

Послесловие

Позволю несколько цитат из выступлений В. С. Меметова на пленарных заседаниях интеллигентоведческих конференций:

1. «Я искренне рад приветствовать представителей светской и религиозно-духовной интеллигенции, собравшихся здесь для обсуждения своего прошлого, настоящего и будущего» (См.: Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: материалы XV Международной науч.-теорет. конф. Иваново, 23—25 сентября 2004. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 3).

2. «Мне уже приходилось отмечать, что рост общественно-го и научного интереса к проблемам интеллигентоведения есть результат коренных изменений, произошедших в мире и в России в конце XX — начале XXI века. Специфика жизнедеятельности интеллигенции в этот период позволила нам сформулировать (в основном) теорию и методологию интеллигентоведения как нового научно-методического направления» (См.: Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения: материалы XXII Международной науч.-теорет. конф. Иваново, 22—24 сентября 2011 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 3).

3. «Умение предъявлять высокий счет себе — это, пожалуй, самое трудное для любого человека, а тем более — для интеллигента» (См.: Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Международной науч.-теорет. конф. Иваново, 27—29 сентября 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 3).

В. В. Комиссаров, А. А. Соловьев

**«НА ПОЛЬЗУ ОТЕЧЕСТВУ
И БЛАГОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ»:
БИБЛИОТЕЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВОЙНА.
Рец. на кн.: Коваль Л. М. Не только оружием:
Российская государственная библиотека
в годы Великой Отечественной войны.
М.: Пашков дом, 2020. 208 с.**

В 2020 г. издание книги Л. М. Коваль «Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны» было приурочено к 75-летию Великой Победы. Людмила Михайловна Коваль (1933—2020), к сожалению, не дожидаясь выхода в свет своей последней книги. Она была действительно уникальным человеком, 57 лет своей жизни посвятившим служению главной библиотеке страны. Будучи кандидатом исторических наук, Л. М. Коваль, по сути, являлась «летописцем» Российской государственной библиотеки, ее главным историком. Она автор более 370 публикаций, многие из которых так или иначе посвящены Великой Отечественной войне.

© Комиссаров В. В., Соловьев А. А., 2021

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, cosh-kin@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of General educational disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev).

Соловьев Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, aleksey.s37@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of General educational disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev).

За свой вклад в развитие российской культуры в целом и библиотечного дела в частности она была удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Относясь к поколению детей войны, Людмила Михайловна инициировала создание и стала главным составителем «Книги памяти Российской государственной библиотеки»¹. Во многом именно благодаря ее усилиям и хлопотам в 1995 г. ко Дню Победы в РГБ была торжественно открыта мемориальная доска, посвященная фронтовикам — работникам библиотеки, погибшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны. В 2014 г. Л. М. Коваль закончила свои архивные изыскания, результатом которых стала новая книга «Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны: линия фронта»², изданная к 70-летию Великой Победы. В ней она впервые собрала и обобщила сведения о 500 участниках Великой Отечественной войны, в разные годы работавших в «Ленинке».

Поэтому рецензируемая книга является логическим завершением серии книг Л. М. Коваль, посвященных войне. Она так же, как и герои ее последней книги — представитель библиотечной интеллигенции. Людмила Михайловна внесла огромный вклад в сохранение отечественной культуры, а также в развитие просвещения в нашей стране. К деятельности представителей библиотечной интеллигенции один из авторов настоящей рецензии неоднократно обращался на страницах научной печати³. Разделяя точку зрения профессора А. В. Соколова (создателя фундаментального труда о библиотечной интеллигенции⁴), авторы в этой рецензии будут вести речь о профессиональной библиотечной интеллигенции, которая занимается

¹ Книга памяти Российской государственной библиотеки / авт.-сост. Л. М. Коваль. М., 1995.

² Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны: линия фронта / авт.-сост. Л. М. Коваль. М., 2014.

³ Соловьев А. А. Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 9—21.

⁴ Соколов А. В. Библиотечная интеллигенция в России: исторические очерки. М., 2007. Ч. 1.

непосредственной библиотечно-библиографической деятельностью, а также других сотрудниках главной библиотеки страны, работавших в ней в годы войны, т. е. интеллигентах вне библиотечной профессии.

Структурно книга Л. М. Коваль состоит из семи глав, разделенных на параграфы, и списка статей, которые использовались в сборнике. В предисловии Людмила Михайловна кратко вспоминает о себе, девчонке, которой 22 июня 1941 г. было неполных восемь лет, о своих родителях (отце, прошедшем всю войну, и матери, которая осталась в военные годы на руках с двумя маленькими детьми), а также о своем будущем муже, который ушел на фронт в семнадцать лет.

В книге на основе архивных материалов показан вклад сотрудников Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ГБЛ) в дело Победы на фронте и в тылу. Коллектив библиотеки накануне войны насчитывал порядка тысячи человек. Среди них были как ученые, так и «выдвиженцы», которых направили сюда часто совсем неподготовленными к специфике работы. Именно в стенах библиотеки они окончили курсы и при наставничестве своих старших коллег постигали азы библиотечной профессии. Так как с 1930 г. строилось новое здание библиотеки, в коллектив входило достаточно большое количество представителей рабочих профессий. За годы войны в ГБЛ трудилось около 2,6 тыс. человек⁵, некоторые из них здесь проработали несколько месяцев, другие — все непростые военные годы. Именно они дежурили на крыше Пашкова дома и обезвреживали зажигательные бомбы в 1941 г., они же посредством «ручного конвейера» перенесли весь не эвакуированный из Москвы книжный фонд в новое железобетонное книгохранилище, чтобы спасти его от налетов. Однако было время, когда в стенах ГБЛ работали всего порядка 200 человек, остальные оказались мобилизованы на оборонные предприятия, задействовались на лесозаготовках и торфозаготовках и т. п. В общей сложности из библиотеки в действующую армию и Народное ополчение

⁵ Коваль Л. М. Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны. М., 2020. С. 21.

в годы войны ушли 175 человек, 42 из которых погибли или пропали без вести⁶.

Много внимания в книге уделяется научной работе библиотеки. О вкладе научной интеллигенции в дело сохранения книжной старины и развитие библиотечного дела в разные годы на страницах научной печати уже неоднократно говорилось⁷. Л. М. Коваль особый акцент сделала на деятельности Ученого совета ГБЛ, в который в военные годы входили как ведущие специалисты библиотечного и книжного дела, так и известные советские ученые — академики и члены-корреспонденты АН СССР А. Е. Ферсман, С. Л. Соболев, Е. М. Ярославский, И. И. Минц, А. И. Яковлев, а также представители творческой интеллигенции — писатели И. Г. Эренбург, С. Я. Маршак, художник И. Э. Грабарь⁸.

Колоссальную работу по сохранению, изучению и пополнению фондов библиотеки выполнили сотрудники отделов редкой книги и рукописей. В них трудились ведущие книговеды того времени. Результаты научной деятельности сотрудников «Ленинки» в 1941—1945 гг. нашли отражение в написании научных трудов, в присвоении им научных степеней и званий, в создании советской Библиотечно-библиографической классификации. Уже в декабре 1941 г. в библиотеке была создана специальная группа библиографов во главе с Н. Н. Яковлевым, которая занялась составлением библиографии Великой Отечественной войны. Коллектив специалистов ГБЛ, сложившийся в военные годы и работавший над созданием Библиотечно-библиографической классификации (ББК), в 1981 г. был удостоен Государственной премии в области науки⁹.

Л. М. Коваль показала вклад сотрудников справочно-библиографического отдела ГБЛ, которые самоотверженно по 12—14 часов не уходили с работы, отвечая на запросы самого

⁶ Там же С. 20.

⁷ *Соловьев А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 21—31.

⁸ *Коваль Л. М.* Указ. соч. С. 77.

⁹ Там же С. 24, 86.

различного характера. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в годы войны окончательно стала главным научным центром страны в области библиотековедения и библиографии. Научно-исследовательская деятельность всегда была неотъемлемой частью ее работы.

Достаточное место в книге посвящено участию сотрудников ГБЛ в донорстве, а также их работе в госпиталях. С самого начала войны в библиотеке были организованы курсы медсестер. Был у ГБЛ и свой подшефный госпиталь № 5005, из которого более 70 % раненых возвращались на фронт¹⁰. Если сотрудники библиотеки не были задействованы на трудовом фронте, то фактически все они в разное время дежурили у постелей раненых бойцов. Их самоотверженный труд в госпиталях помимо основной работы был высоко оценен Министерством здравоохранения СССР. Сотни работников ГБЛ заслужено получили Почетные грамоты Минздрава.

Не жалели работники ГБЛ и денег в Фонд Обороны. В архиве сохранилась телеграмма И. В. Сталина с благодарностью за собранные ими в 1942 г. 105 тыс. руб., которые пошли на строительство самолета «Библиотека Ленина». В 1943 г. еще 109 тыс. руб. в ГБЛ было собрано для авиаэскадрильи «Москва»¹¹.

Большое внимание в книге уделено сохранению наиболее ценной части фонда ГБЛ, состоявшей из самых редких изданий и рукописей. Таких из фонда, насчитывавшего почти 10 млн. экземпляров, выбрали 700 тыс. Особо в этой эвакуации подчеркивается роль тогдашнего директора библиотеки Н. Н. Яковлева. Фонд ГБЛ, эвакуированный осенью 1941 г. в город Молотов (ныне Пермь), сопровождала группа сотрудников во главе с заместителем директора К. Р. Каменецким. Благодаря им все эти книги и рукописи были сохранены и в 1944 г. вернулись в Москву, в основной фонд. Кроме того, за военные годы количество книг в ГБЛ не только не сократилось, а наоборот увеличилось, в том числе за счет международного обмена с 36 англоязычными странами. Для лучшего сохранения фонда был создан отдел гигиены

¹⁰ Там же С. 42—43, 105.

¹¹ Там же С. 24, 43.

и реставрации. При этом главная библиотека страны с конца войны начала оказывать помощь для воссоздания фондов пострадавших от фашистской оккупации публичных библиотек, которых по всему СССР насчитывалось порядка 43 тыс.¹²

Также в книге акцентируется внимание на том, что сотрудники ГБЛ в военные годы обслуживали своих читателей без выходных, проводили мероприятия для удовлетворения изменившейся тематики читательского спроса, открыли детский читальный зал. Удовлетворение информационных запросов правительственных учреждений стало одним из важнейших направлений работы ГБЛ. Запросы фронтовиков библиотекари удовлетворяли, высылая им дубликаты из фонда, или жертвуя книги из личных библиотек.

Особо отмечено создание в мае 1942 г. детского читального зала в ГБЛ. На его открытии детей приветствовали С. Я. Маршак, Л. А. Кассиль, И. П. Уткин¹³. Библиотека на всю жизнь привила детям военного времени (посетителям ГБЛ) любовь к книге, а самое главное — они получали здесь внимание и помощь бескорыстных людей — библиотекарей, которые знакомили их с добрыми и умными книгами.

Вклад сотрудников «Ленинки» в дело приближения Победы не остался незамеченным. В 1945 г., еще до окончания войны, библиотека была награждена орденом Ленина, а 59 отличившихся работников ГБЛ удостоились различных орденов и медалей: «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие»¹⁴.

Книга изобилует интересными материалами из архива Российской государственной библиотеки, в том числе теми, которые ранее никогда не публиковались. Ее также органично дополняют многочисленные письма фронтовиков и воспоминания сотрудников ГБЛ из фондов музея истории библиотеки, что выгодно отличает данное издание.

Важность и полезность рецензируемой книги не вызывает никакого сомнения. Вместе с тем в качестве небольшого замечания следует отметить, что издание, безусловно, только выиграло бы,

¹² Там же С. 47—48, 77.

¹³ Там же С. 67—68.

¹⁴ Там же С. 25, 91.

если бы в него был включен иллюстративный материал. Фотографии военных лет, а также портреты сотрудников библиотек, без сомнения, добавили бы художественной выразительности и наглядности для читателей, что еще больше усилило бы эффект приведенных в книге фактов.

Другое замечание относится к тому, что Л. М. Коваль использовала при написании книги некоторые свои статьи предыдущих лет, в результате чего в нескольких главах встречаются повторы одних и тех же фактов: эвакуация фондов ГБЛ, работа сотрудников в подшефном госпитале, открытие детского читального зала и т. п.

К замечаниям можно отнести следующее обстоятельство: из книги совершенно выпал контроль над составом библиотечных фондов, который стоял в ряду важнейших задач центрального цензурного ведомства — Главлита. В те годы в каждой краевой или областной библиотеке имелся отдел специального хранения (т. н. спецхран), куда помещали литературу с ограниченным доступом. Тем более это правило распространялось на центральные библиотеки. В годы Великой Отечественной войны подобный контроль приобрел практический смысл. В условиях борьбы за само существование советского государства было разумным ограничить доступ к картографической информации, довоенным армейским справочникам и учебникам военных училищ, материалам по гигантам индустрии, которых достаточно много публиковалось в популярной литературе периода первых пятилеток и которые могли дать врагу достаточно важные сведения. Исходя из политических соображений, подлежал закрытию доступ к газетам, освещавшим советско-германскую дружбу 1939—1941 гг., содержавшим пакт о ненападении и другие соглашения того периода, успокаивающее сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. и т. д. В годы войны и сразу после нее в спецхран отправились материалы по Катынскому расстрелу и списки литературы по репрессированным народам (т. е. по Чечено-Ингушской, Крымской, Карачаево-Черкесской и Калмыцкой автономным республикам)¹⁵. Конечно, отсутствие данной информации

¹⁵ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. М., 2009. С. 293.

в рецензируемой книге можно объяснить. Перевод книг в спецхран осуществлялся в основном прикомандированными сотрудниками цензуры, кроме того, не все архивные материалы по истории Главлита открыты для исследователя. Однако из поля зрения Л. М. Коваль почему-то выпала совместная инициатива цензуры и «Ленинки». 13 мая 1942 г. начальник Главлита Н. Г. Садчиков и директор Библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. Н. Яковлев направили в ЦК ВКП (б) письмо о необходимости сбора всей литературы, издаваемой в годы войны с целью создания истории этой великой войны. При этом часть литературы (например, секретной) сразу поступала в спецхран. Это письмо было вовлечено в научный оборот Т. М. Горяевой еще в 2000-е гг.¹⁶ Отсутствие данного аспекта в книге несколько обедняет картину, рисуящую вклад библиотечных работников в общее дело достижения Победы.

Приведенные выше замечания не портят общего положительного впечатления от книги. В ней поднята очень важная для сегодняшнего времени тема патриотизма и верности делу, которому служишь. Л. М. Коваль удалось на конкретных примерах продемонстрировать, каким образом библиотечная интеллигенция в непростые военные годы сумела выполнить завет Н. П. Румянцева — служить «на пользу Отечеству и благое просвещение». Действительно, сотрудники «Ленинки» в сложнейших условиях спасли национальное достояние — книжный фонд главной библиотеки страны. При этом они качественно и оперативно выполняли все информационные запросы фронта и тыла, не забывали о научно-исследовательской деятельности, работали в госпиталях, на трудовом фронте, жертвовали последние денежные средства в Фонд обороны.

Завершить хотелось бы словами Л. М. Коваль: «История России — это не только история Дома Романовых. Не менее чем герои 1812 года, о которых страна никогда не забывала, заслуживают памяти потомков и герои Великой Отечественной войны: и те, кто сражался на поле брани, и те, кто ковал Победу в тылу...»¹⁷

¹⁶ Там же. С. 292.

¹⁷ Коваль Л. М. Указ. соч. С. 13.

DOI: 10.46725/IW.2021.4.9

Г. С. Смирнов , Д. Г. Смирнов

**ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН РАЗУМА:
ТЕХНОСФЕРНО-НООСФЕРНЫЕ РАЗДУМЬЯ
В ЭПОХУ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ**
[обзор национальной научной конференции
«Глобальный мир и ноосферная безопасность
России»]

«Сон разума необходимо прервать», — таким с легкой руки профессора К. Л. Ерофеевой оказался девиз конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России», прошедшей в Ивановском государственном университете 27 и 28 мая 2021 года. Научная конференция собрала более 100 участников — известных и молодых ученых из 15 регионов Российской Федерации и 6 стран, разделяющих «ноосферную обеспокоенность» за тренды и тенденции развития России и мира.

В основе слогана изофилософская задача, которую организаторы — кафедра философии и научно-образовательный центр «Комплексные ноосферные исследования» ИвГУ — поставили

© Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г., 2021

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, smirnovgs@ivanovo.ac.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University).

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, smirnovdg@ivanovo.ac.ru (Dr. Sc (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Ivanovo State University).

перед участниками и слушателями, разместив на обложке программы конференции две иллюстрации — гравюры испанского художника Ф. Гойи «Сон разума рождает чудовищ» и миниатюры палехских художников В. Зотова и И. Ливановой «Звонари». С одной стороны, задавая ситуацию экзистенциального выбора между «верхним» и «нижним», светлым и темным, бинарная композиция акцентирует внимание на бифуркационном характере современной динамики «интеллекта на планете Земля»¹. С другой стороны, образы, рожденные и принадлежащие к разным семиосферам — отечественной и иностранной, локальной и глобальной, религиозной и светской — противоположны по своему эстетическому чувству, но дополняют друг друга в духовно-ментальной нагруженности.

Философским языком эту громадную проблему можно поставить так. Разум человечества словно перестал справляться со сложностью быстро приходящего «нового мира», а «человеческое качество» уже перестало существовать, даже еще не сложившись во всечеловеческую целостность. Трудное вхождение человечества в новое тысячелетие своей космопланетарной (ноосферной) истории породило две сосуществующие модели этологии человека², которые метафорически могут быть зафиксированы как «техносферная безмятежность» и, как уже говорилось выше, «ноосферная обеспокоенность» («ноосферная озабоченность»). Дополнительность указанных концептов раскрывается во «встречности» их импульсов. Цивилизация, страна, народ не могут бесконечно бодрствовать (это, наверное, под силу лишь искусственному интеллекту); им необходим отдых, сон. Но проблема заключается в том, что сон разума, свидетелями которого мы являемся в конкретных локусах и абстрактном топосе, чем-то напоминает летаргический. В мировоззренческом плане это особое болезненное состояние, вызванное, интеллектуальным перенапряжением или травмой, характеризуется отсутствием реакции

¹ См.: *Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

² *Меликян М. А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2. С. 118—133.

на «раздражители» и замедлением / полной остановкой социокультурной динамики.

Проблемы национальной безопасности в «эпоху covid-19» на целый год оказались более значимыми, чем иные глобальные проблемы современности: многие страны вынуждены были «закрыться» и демонстрировать свои организационно-мобилизационные возможности, которые демонстрируют только в самый начальный период начинающихся мировых войн. Только внешне казалось, что мировой войны нет; в действительности число «раненых», «убитых» и «взятых в плен» свидетельствовало о начальном периоде «первой мировой вирусной войны», ставшей предвестником всех остальных фьючерных войн, которые будут сопутствовать вхождению человеческой цивилизации в точку планетарной бифуркации. Об этом еще в XX веке говорили многие ученые-алармисты. Начавшаяся «деглобализация мира» поразила умы исследователей геополитических процессов, словно пришла «война всех против всех» (тотальная ноомахия), о которой обычно говорили раньше в ситуации прихода новой капиталистической эры.

Наступил «момент истины», приоткрывший ранее невидимые качества каждой локальной цивилизации, особенно те ее подсознательные мотивы поведения, которые практически всегда тщательно скрываются, как скрываются секреты «государственной безопасности». Человечество прошло своеобразный тест на устойчивость к приходу ноосферных катастроф³ и их последствиям. Оказалось, что лучше всего этот тест прошла рыночно-коммунистическая Китайская Народная Республика (КНР), против которой (как самой населенной и экономически развитой страны) в значительной степени и был направлен этот «космопланетарный вирусный удар». Это свидетельствует о том, что за очень короткий по историческим меркам период нескольких десятилетий «национальный китайский разум» через всемирную китайскую диаспору, интенсивное обучение и эффективные стажировки студентов и преподавателей практически во всех

³ См.: *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.

университетах всех странах мира сумел обрести необходимую массу разума⁴ и «информационное» качество всечеловеческого⁵, характеризующего осознание собственной глобальной идентичности. Китай показал, что он стал фактором интенсивного ноосферного развития. Неудивительно, что именно эта страна с, как оказалось, наиболее эффективным государственным и социальным разумом показала свою организованность в борьбе с «неожиданной напастью», продемонстрировав реализацию главной страгемы современности — «хранить разум в боевой готовности», как раньше «хранили порох сухим».

Применительно к России, если брать в расчет актуальность философии русского космизма, эта способность может быть названа «ноосферной безопасностью»⁶: способностью к продуцированию эффективных социально-антропологических программ национального поведения (национального этоса), нацеленных на выживание и развитие, а также интеллектуальной и духовной готовностью общества и государства к неожиданным и невербализуемым вызовам неизвестной геополитической «этиологии».

⁴ См.: *Брагин А. В.* Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 59—67.

⁵ См.: *Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

⁶ Проблематика ноосферной безопасности является закономерным этапом ноосферных исследований, обозначившим себя в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Своеобразный старт осмыслению учения В. И. Вернадского о ноосфере был дан в мае 1983 года первой Всероссийской конференцией «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение», инициатором и организатором которой был профессор кафедры философии ИвГУ Николай Павлович Антонов. Институциональное измерение оформилось спустя почти 20 лет: в 2002 году вышли в свет первые номера журнала «Ноосферные исследования», а в 2004 году на базе ИвГУ был открыт биосферно-ноосферный центр (ныне НОЦ «Комплексные ноосферные исследования»). По сути, артикуляция феномена ноосферной безопасности имеет место в работе: *Смирнов Д. Г.* Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 11—26.

Насколько современная Россия (и, прежде всего, ее «коллективный разум») оказалась готовой к вхождению в точку бифуркации — воронку глобальной цивилизационной транзитивности — важный экзистенциально-онтологический вопрос для российского научного сообщества, который и стал определяющим дух конференции и пафос докладов ее участников.

Подиумная дискуссия «Университетское образование и ноосферная безопасность России», открывшая конференцию, ставила перед собой задачу осмысления миссии вуза в формировании ноосферной безопасности. Особое значение представители ивановского регионального университетского сообщества придали прикладным срезам ноосферной безопасности — экологической безопасности (безопасности биосферы с позиций валеологии), знаниевой (когнитивной) безопасности (безопасности так называемой концептосферы) и правовой безопасности. Итогом диалога, местами напоминавшего мозговой штурм, стало определение третьей (просоциальной) миссии университета через призму представлений о ноосферной безопасности.

Разговор о ноосферной безопасности в вузовском пространстве, на первый взгляд, может показаться «неуместным» (идушим не в том месте). Вместе с тем, университеты всегда стояли на страже национальной безопасности страны, готовя врачей, учителей, экономистов, правоведов и иных специалистов, обеспечивавших устойчивое развитие. Роль региональных университетов трудно переоценить, ибо образование и культура народа являются субъективным фактором комплексного развития регионов. Сознание индивида и коллективный разум народа формируют важнейший ресурс безопасности страны и государства. Интеллектуальная безопасность оказывается главной составляющей ноосферной безопасности. Поправки, недавно внесенные в Конституцию России, свидетельствуют о кардинальных изменениях, происходящих в народном и государственном сознании, они показывают весь спектр сверхсложных проблем национальной и всеобщей безопасности, вставших перед страной на трудном этапе ее глобального информационного и цифрового развития.

Конференция работала в рамках четырех секций. В центре внимания докладчиков, выступивших на секции *«Философия ноосферной безопасности в устойчивом и меняющемся мире»*,

оказались теоретические проблемы рискогенности настоящего, оснований предельных глобальных динамических равновесий, смены парадигм безопасности, тенденций и критериев ее оценки, духовной безопасности общества, системной безопасности России, устойчивого развития, ноосферной стратегии выживания. На секции *«Философско-антропологические и образовательно-гуманистические аспекты биосферно-ноосферной безопасности»* рассматривались вопросы стратегии социально-биосферного развития мира, ненасилия в контексте ноогенеза, техногенной деградации, безопасности культуры, этической рефлексии Internet (без)опасности, ее ценностных доминант, безопасности личности в ноосфере, «образования безопасности», индикаторов образовательной безопасности. На секции *«Коммуникативные проблемы глобальной и национальной безопасности»* разговор шел о философских проблемах когнитивной и информационно-семиотической безопасности, искусственного интеллекта и интеллектуальных систем безопасности, стратегической разведки и гибридных войн, а также об историческом, правовом, экономическом, политологическом, языковом и культурологическом измерениях национальной и глобальной безопасности.

Формат обзора конференции не позволяет детально представить всех ее участников. Конференция обогатила научно-образовательное пространство эвристичными мыслями и идеями. Позволим себе остановиться на особенно значимых и интересных и рассмотреть их.

В докладе Г. П. Аксенова⁷ (Россия, Москва) представлены конкретные «кейсы прозорливости» академика В. И. Вернадского в отношении будущего человеческой цивилизации эпохи ноосферы. Это касается и проекта «lifelong learning», и некоторых целей устойчивого развития (например, цель № 4: качественное образование, № 8: экономический рост, № 9: внедрение инноваций, № 12: ответственное потребление). Мораль такого подробного экскурса в прошлое автор сформулировал так: «В истории науки открытия прошлого ценны своей обозримостью и целостностью.

⁷ Аксенов Г. П. В. И. Вернадский: от истории науки к неперемennomу будущему // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3. С. 98—110.

Современное разветвленное состояние предмета знания удобно сравнивать с его первыми формулировками...». Главный урок, который должен быть нами вынесен в контексте ноосферной безопасности, — это, к большому сожалению, несостоявшаяся, но критически необходимая сейчас альтернативная история, включавшая план В. И. Вернадского по «онаучиванию» страны.

В. Н. Финогентов⁸ (Россия, Орёл) в своем докладе охарактеризовал современное общество как высоко динамичное, что задается нарастающим потоком технико-технологических инноваций. Подобная социальная структура, с одной стороны, отличается повышенным познавательным и преобразовательным потенциалом, но, с другой стороны, стремительно повышает количество и качество рисков. Такая самоорганизация общества, где длительность социокультурного настоящего непрерывно уменьшается, делает последнее неуютным для человека. Будущее такого общества становится отчужденным от нас. Единственный выход из сложившегося положения дел автор видит в отказе от «гонки инноваций», полагая, что человечество все еще может (точка невозврата не пройдена) повторить ситуацию отказа от гонки вооружений.

В докладе И. И. Булычёва⁹ (Россия, Тамбов) искусственный интеллект рассмотрен «в зеркале» настороженного философского дискурса. Естественный интеллект рассмотрен как неотъемлемое качество живого человека как общественного субъекта, связанного с природным миром, способного действовать активно и целенаправленно, вырабатывать собственные алгоритмы решения различных когнитивных и практических задач, проявлять интуицию, волю и эмоциональность. Показано, что в силу этого человек не может быть вытеснен искусственными образованиями, которые не обладают указанными чертами и способностями. Автор приходит к выводу, что, каким бы мощным и эффективным ни оказался в будущем искусственный интеллект, он сам

⁸ *Финогентов В. Н.* Рискогенность настоящего и отчужденность будущего // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 4—11.

⁹ *Булычёв И. И.* Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 98—108.

по себе не заменит человека; он останется лишь инструментом, способным к безграничному развитию, всего лишь как одна из важнейших (но не единственная) функций субъекта.

Г. С. Смирнов (Россия, Иваново) показал, как на протяжении последних 20 лет постепенно меняются философские представления о смысле и сути ноосферной безопасности. Вначале, понимаемая как противопоставление технобезопасности, затем в рамках постепенного формирования ноосферологии как формы сильного синтеза современного научного знания ноосферная безопасность стала пониматься как комплексная репрезентация всех возможных видов безопасности и сфер безопасности через контекст возможностей антропо-экологического развития цивилизации. В условиях вступления человечества в точку глобальных бифуркаций ноосферную безопасность следует понимать как способ защиты человеческого разума от деградации и разрушения в условиях начальной стадии глобальной интернет-компьютерной и электронно-цифровой (квантово-цифровой) революции. Главной задачей современной философии ноосферной безопасности автор видит сохранение и развитие коллективного человеческого разума как сложной космопланетарной сверхсистемности эволюции естественного разума и искусственного интеллекта.

Доклад Сильвии Миневой (Болгария, София) фактически оказался этической рефлексией на проблему (без)опасности глобальной сети Internet. Категория (без)опасности подчеркивает амбивалентную (диалектическую) природу рискогенного состояния, где действует принцип: всякая опасность может стать безопасностью, а каждая безопасность таит в себе опасность. Показано, что современная цифровая среда во многом определяет индивидуальное и коллективное сознание. Автор приходит к выводу, что этическое измерение сознания испытывает сейчас своеобразное искушение цифровизацией, осуществляет экзистенциальный выбор между простым этосом вседозволенности как принятым образом поведения в виртуальной среде и этикой (которая остается сложной) как нравственным пространством императивов, задающим ориентиры коммуникационной аскезы.

В докладе Л. Д. Петрякова¹⁰ (Россия, Ярославль) центральное место занимает идентичность как необходимый инструмент организации и управления. Автор предлагает переосмыслить традиционный подход, согласно которому люди в обществе руководствуются правилами, данными им традицией, религией, либо созданными ими самими, что позволяет сделать вывод о разуме как действующей силе истории. Вместе с тем, естественность поведения человека предполагает не наличие каких-либо внешних или внутренних правил поведения, а только спонтанность его реакций на внешние стимулы как части социальной системы. Поведение такого человека представляет угрозу «ноосферной безопасности» как системе разумных правил. Но эта угроза не носит фатальный характер, так как деятельность иррационального субъекта направлена на поиск новых состояний равновесия между ним и «разумным» обществом.

Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, В. И. Патрушев (Россия, Брянск) в своем коллективном докладе предложили сценарий ухода от катастрофичности биосферы и деградации живого вещества. Авторы видят насущную необходимость в разработке стратегии ноосферной безопасности, которая должна строиться на регулятиве сохранения саморазвивающейся техно-ноосферы, коэволюции «рациональной техносферы» с естественной природой. Научная мысль России, формирующая концептуальные основы ноосферной безопасности, может предложить альтернативу массовому технократическому мышлению как основному фактору, подстраивающему глобальную ноосферу под техногенную среду обитания.

Доклад А. С. Тимощука (Россия, Владимир) и Тьяги Ручи¹¹ (Индия, Дехрадун) раскрыл неэвристичность современной философии, ограниченной языковыми играми и постмодернистским релятивистским дискурсом. Неопределенность исключает

¹⁰ *Петряков Л. Д.* Ноосферная безопасность как актуальная идентичность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 80—84.

¹¹ *Тимошук А. С., Тьяги Р.* Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 12—21.

возможность однозначного и точного линейного прогнозирования событий и явлений и рождает «новую нормальность» как стандарт описания комплексности, многофакторности, неустойчивости глобальной социотехнической реальности. Сделан вывод о том, что парадигмальным маяком цивилизации должна стать философия системогенетики, системной динамики, социодинамики, осмысливающая «умное общество» (smart society), конструируемое на принципах бережливости, экологии, учета, (по)знания, образования и мудрости жизни.

В докладе И. Э. Сулейменова и его коллег¹² (Казахстан, Алма-Аты) обосновывается мысль о том, что прикладная философия приобретает непосредственное секьюритологическое значение, ибо связано с дальнейшим совершенствованием искусственного интеллекта. Внимание авторов сосредоточено на информационных объектах, относящихся к ноосферному уровню организации общества. Зафиксировано, что «диалог» с ноосферой как форма (возможности) дешифровки замыслов противника становится реальностью. Определена базовая стратегема информационной войны постиндустриальной эпохи: выигрывает тот, кто сумеет сформулировать достижимые и при этом мировоззренчески значимые цели для интеллектуальных элит, которые поведут за собой общество.

Секция *«Ноономика: приоритеты и траектории эконосоцио-культурной динамики»* симультанно включилась в работу Московского академического экономического форума (МАЭФ) и V Международного политэкономического конгресса (МПЭК) *«Глобальные социально-экономические трансформации: будущее России»*. Интерес участников был прикован к предметным и праксиологическим областям ноономики и эконоомики, а также феноменам космопланетарной экономики, моделям современных социально-экономических трансформаций, общественного производства, взаимодействию природных и экономических факторов,

¹² Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Коньшин С. В., Бакиров А. С., Витулёва Е. С., Шалтыкова Д. Б. Феномен «стратегической разведки» в цифровом обществе: ноосферная транзитивность интеллектуальных систем безопасности // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 46—57.

квазистатическому состоянию российской экономики. В рамках междисциплинарного осмысления эко-социо-культурной динамики рассматривались проблемы экостранства инфокоммуникационных технологий, когнитивных и психолингвистических механизмов цифровой коммуникации, «экстремальной» и «зеленой» экономики, а также гендерного измерения современной экономики и антропологических аспектов конституционной идентичности.

Ученые и практики выразили обеспокоенность стагнированием социально-экономических процессов, а также нарастанием неустойчивости и катастрофичности в геополитической реальности. Особое внимание было уделено разнообразным вопросам поиска выхода из-под европейско-американского «холодного душа» санкций и сепаратистских провокаций, а также анализа путей актуализации и верификации российской идентичности во всех сферах жизни общества.

Научное сообщество участников конференции, представленное в режиме off-line и on-line, обозначило широкую палитру неотложных вопросов, от решения которых будет зависеть развитие российского общественного сознания, совершенствования научного и образовательного дискурса, коэволюции естественного разума и искусственного интеллекта, информационных и цифровых сторон бытия и развития общества, что и представляет собой область ноосферной безопасности России. Духовное и интеллектуальное развитие России в век нарастания глобальной катастрофичности является важнейшим ресурсом сохранения ее мирового статуса и ее будущего ноосферного развития.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Степанов А. В. Время студенчества как этап становления русского интеллигента рубежа XIX—XX веков // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 9—34.
УДК 378(091)(470+571)

В статье рассматривается воздействие того опыта, который обучение в высшей школе могло оказать на формирование ментальности русского интеллигента начала XX века. Основывая свое исследование на ряде воспоминаний, а также на анкетах, проведенных среди студентов Серебряного века, автор высказывает ряд предположений.

1. Превращение в студента, чье поведение почти не ограничивалось академическими властями, не могло не произвести раскрепостительного, «эмансипирующего» эффекта на выпускника средней школы, который прежде находился под строгим надзором учителей. Любовь к свободе, которая была так типична для русского интеллигента, может быть отчасти приписана этому опыту.

2. Переезд из родного маленького города в большие университетские центры мог восприниматься иными студентами как путешествие из скромного настоящего России в ее завтрашний день, таким образом укрепляя их мечту о социальных переменах, которой отличался интеллигент.

3. Преподаватель вуза — высокообразованный и морально безупречный педагог высшей школы — обычно воспринимался студентами как образец подлинного интеллигента, как объект для подражания. В такой обстановке студенты, как правило, старались сдавать экзамены честно, что не только укрепляло их интеллектуальные способности, но и развивало чувство справедливости — еще одну ценность интеллигента.

4. Бытовая жизнь русских студентов с недостаточными средствами была весьма тяжелой, обычно включая строгую экономию и различные лишения. Она не могла не воздействовать на будущего интеллигента — как в лучшую, так и в худшую сторону.

5. Участие в общественной жизни (обычно ограничиваемой властями) толкало иных студентов к политическим крайностям. Однако у других могла выработаться устойчивая неприязнь ко всем мало продуманным попыткам ускорить общественно-политическое развитие страны. Со стабилизацией думской монархии в России в 1907 г. студенчество стало заметно менее политизированным.

Ключевые слова: интеллигенция, высшая школа, студенчество, позднеимперская Россия, Московский университет, Петербургский Технологический институт, Горный институт, Институт инженеров путей сообщения.

Библиографический список

- Аврус А. И.* История российских университетов: Очерки. М.: [б. и.], 2001. 85 с.
- Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 511 с.
- Астров Н. И.* Воспоминания. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1941. 360 с.
- Брандт А. А.* Листья пожелтые. Передуманное и пережитое. Белград: [б. и.], 1930. 198 с.
- Засосов Д. А., Пызин В. И.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков. М.: Молодая гвардия, 2003. 468 с.
- Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Наука, 1991. 392 с.
- Иванов А. Е.* Мир российского студенчества: конец XIX — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с.
- Иванов П.* Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы: Очерки. 2-е изд. М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1903. 296 с.
- Изгоев А. С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: [б. и.], 1909. С. 185—212.
- Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867—1917. Нью-Йорк: [б. и.], 1945. 562 с.
- Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881—1914 / под ред. Л. М. Суриса. М.—Берлин: DirectMEDIA, 2016. 483 с.
- К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909—10 г. в С.-Петербургском Технологическом институте) / под ред. и с предисл. прив.-доц. М. В. Бернацкого и при участии д-ра Д. П. Никольского. СПб.: Типолитография Б. Авидова, 1911. VIII, 85 с.
- Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
- Милюков П. Н.* Из тайников моей памяти. М.: Эксмо, 2015. 685 с.
- Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. В 2 кн. Кн. 1. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. 378 с.
- Новейший путеводитель по С.-Петербургу с планом города. С полезными сведениями и указаниями достопримечательностей города. СПб.: [б. и.], 1911. 292 с.
- Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-Press, 1988. 755 с.

- Романов В. Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
- Ростовцев Е. А.* Университет столичного города (1905—1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205—370.
- Справочник по высшему образованию: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения России / сост. Д. Марголин, 2-е изд. Киев: Сотрудник, 1911. 507 с.
- Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 398 с.
- Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Тимошенко С. П.* Воспоминания. Париж: [б. и.], 1963. 424 с.
- Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. [СПб.]: Тип. М-ва вн. дел, [1901]. 40 с.
- Фенин А. И.* Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883—1906 гг.). Прага: Tisk Chudomel Hosrivar, 1938. 177 с.
- Ходасевич В. Ф.* Некрополь: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1976. 276 с.
- Членов М. А.* Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909. 104 с.
- Bignol W. Newman and the Student: From formation to transformation* // E-journal of the British Education Studies Association. 2012. Vol. 4. P. 20—33. URL: <https://educationstudies.org.uk/?p=572> (дата обращения: 15.02.2021).
- Cassow S. D.* Students, Professors and State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. 438 p.
- Gilbert G.* Revolt from the Right: Russian Right-Wing Students Between Conservatism and Radicalism // European History Quarterly. 2017. Vol. 47, iss. 1. P. 32—54.
- Iconoscope. An autobiography of Vladimir Zworykin. Princeton (N. J.), 1971. URL: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html> (дата обращения: 15.02.2021).
- Lorenz C.* History: Theories and Methods // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2nd ed. / James D. Wright, editor-in-chief. Oxford: Elsevier, 2015. Vol. 11. P. 131—137.
- Shalin D. N.* Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia. Las Vegas, 2012. P. 1—68. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (дата обращения: 15.02.2021).

Федотов А. А., Терентьев В. В. Место интеллигенции в реализации национальной политики советской власти в БССР (1950—1980-е гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 35—48. УДК 323.11(091)(476)“1950/1980”

В данной статье рассматривается, как использование русского языка в качестве языка межнационального общения в СССР обосновывалось представителями советской интеллигенции, в чем они видели его отличие в этом качестве от использования русского языка как мирового; показывается вовлечение творческой интеллигенции в реализацию советской национальной политики в БССР, в увековечивание памяти представителей интеллигенции органами советской власти. Для решения поставленных задач изучались материалы советской научной и периодической печати, государственного архива Витебской области.

Представители интеллигенции широко задействовались советскими и партийными органами в реализации национальной политики в БССР и в других союзных республиках. В своей творческой и научной деятельности представители интеллигенции могли рассчитывать на существенную государственную поддержку, но только в том случае, если их творчество находилось «в русле» того, что было необходимо советскому государству на данном историческом этапе. Но и в ограниченных рамках достигнутые результаты впечатляли. Неуклонно росло значение русского языка не только как языка межнационального общения в СССР, но и мирового; широкое вовлечение интеллигенции в реализацию советской национальной политики способствовало налаживанию культурного обмена не только между разными регионами разных советских республик, но и между разными регионами стран социалистического лагеря. Увековечивание памяти исторических личностей — представителей интеллигенции — партийными и советскими органами было одним из способов включения интеллигенции в общее культурное и смысловое пространство Советского Союза.

Многое из положительного опыта того времени может быть востребовано и в современных условиях.

Ключевые слова: интеллигенция, культурный обмен, взаимопроникновение культур, язык, национальный вопрос, БССР, Беларусь.

Библиографический список

Вардомацкий Л. М. Особенности функционирования русского языка на территории Витебской области БССР // Русский язык. Межведомственный сборник. Вып. 6. Минск: Университетское, 1986. С. 37—44.

Великий советский народ / [И. К. Белодед и др.] Киев: Наук. думка, 1976. 503 с.

Иванов В. В. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 3—9.

Иванов В. В. Язык великого братства: Русский язык как средство межнационального братства народов СССР / В. В. Иванов, Н. Г. Михайловская, В. М. Панькин. М.: Знание, 1986. 158 с.

Клевченя А., Миско Я. В семье вольной, братской: К 40-летию воссоединения белорусского народа в едином Советском государстве // Коммунист Белоруссии. 1979. № 8. С. 57—62.

Симонова И. Шире круг! // Советская Белоруссия. 1980. 11 сент.

Савчук Р. А. Секуляризация идеи Церкви в трудах научной интеллигенции Украинской ССР второй половины 1980-х гг. // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 49—71.
УДК 930(477) "198"

В современных условиях наблюдается повышенное внимание общественности к религиозному фактору в межгосударственных взаимоотношениях России и Украины. Рост напряжения в вопросе развития и внутреннего уклада Православной Церкви наблюдается на Украине с момента провозглашения независимости, когда на территории государства начали образовываться параллельные православные церковные организации с разным отношением к вопросу автокефалии и культурно-политической ориентацией. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать магистральные направления в осмыслении роли и места церковного фактора, которые формировались в мировоззрении светской научной интеллигенции страны во второй половине 1980-х гг., поскольку именно в это время закладывались основы для развития дискуссий по вопросам развития национальной церкви, развернувшиеся после провозглашения Украиной независимости. С помощью историко-типологического и историко-сравнительного методов проанализированы публикации украинских историков, литературоведов, философов и общественных деятелей второй половины 1980-х гг., касающиеся вопросов осмысления роли и места Церкви в прошлом и настоящем страны. Обосновываются выводы о формировании двух направлений секуляризации идеи Церкви в мировоззрении украинской светской интеллигенции указанного периода. Рационально-чувственное направление характерно для представителей националистически настроенных кругов, которые ценили авторитет Церкви как автономного общественного института, однако стремились подчинить его национальной идее, поставить на службу государственной идеологии. Второе направление — условно названное

- Калинин Ю. А.* Модернизм русского православия. Киев: Политиздат Украины, 1988. 80 с.
- Колесник І.* Українське історієписання 1960—1980-х рр.: культурні розриви та метаморфози // Світло й тіні українського радянського історієписання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22—23 травня 2013 р.) / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. С. 169—176.
- Колодний А. М., Кондратик Л. Й.* Атеїзм — пізнана істина. Київ: Т-во «Знання» УРСР, 1987. 47 с.
- Крекотень В. І.* Українська література XVII ст. // Українська література XVII ст.: Синкретична писемність. Поезія. Драматургія. Белетристика / ред. тому О. В. Мишанич; АН УРСР. Київ: Наук. думка, 1987. С. 5—24.
- Лисовенко Н. А.* Несостоятельность православно-богословской системы ценностей // Вопросы атеизма. Вып. 22: Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: Вища школа, 1986. С. 64—71.
- Лобовик Б. А.* Религиозное сознание и его особенности. Киев: Наук. думка, 1986. 247 с.
- Лобовик Б. А., Шадуринский В. Г.* Религиозное сознание и здравый смысл. Киев: О-во «Знание» УССР, 1986. 47 с.
- Микитась В. Л.* Українська література XIV—XVI ст. // Українська література XIV—XVI ст.: Апокрифи. Агіографія. Палом. твори. Історіограф. твори. Полеми. твори. Переклад. повісті. Поет. твори / авт. вступ. ст. і ред. В. Л. Микитась, упоряд. і авт. прим. В. П. Колосова; АН УРСР. Київ: Наук. думка, 1988. С. 5—28.
- Мишанич О.* Голос давніх віків // Київ. 1988. № 8. С. 119—125.
- Мишанич О.* Прийняття християнства і давнє українське письменство // Радянське літературознавство. 1988. № 6. С. 32—40.
- Православие и современность: Философско-социологический анализ / [Б. А. Лобовик, А. Н. Колодний, Н. В. Филоненко и др.]; отв. ред. Б. А. Лобовик; АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1988. 336 с.
- Світло й тіні українського радянського історієписання: Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, Україна, 22—23 травня 2013 р.) / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. 212 с.
- Тарасов Ю. В.* Антигуманность учения и практики русского православия // Вопросы атеизма. Вып. 22: Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: Вища школа, 1986. С. 38—45.

- Творити добро, шукати істину. Бесіда з єпископом Переяслав-Хмельницьким Палладієм // Київ. 1988. № 9. С. 109—113.
- Янченко Л. В. О научном подходе к оценке церковного искусства // Вопросы атеизма. Вып. 22: Методологические вопросы исследования введения христианства на Руси и его последствий. Киев: Вища школа, 1986. С. 92—99.
- Яременко П. К. Мелетий Смотрицкий: Жизнь и творчество [укр. и белорус. ученого-филолога, церковного и обществ. деятеля 16—17 вв.] / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев: Наук. думка, 1986. 158 с.
- Яремчук В. Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. Острог: Вид-во Національного університету Острозька академія, 2009. 526 с.
- Hagen M., von. Does Ukraine have a history? // Slavic Review. 1995. Vol. 54, no 3. P. 658—673.

Бабина А. А. Святые у трона: модели взаимодействия святых и светской власти в латинской агиографии IV—VI вв. // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 72—93.
УДК 27-36

Статья посвящена анализу эволюции модели взаимодействия святых со светской властью в западной латинской агиографии IV—VI вв. Автор изучает топосы, используемые агиографами для ее построения, и рассматривает возможные социально-политические причины трансформации данной модели. Статья построена в основном на базе историко-антропологического подхода, но также использованы достижения нарратологии, имагологии, текстологии и семиотики. Источниками для исследования служат *Vita Martini* Сульпиция Севера, *Vita Ambrosii* Паулина Медиоланского, *Vita Hilarii* Гонората Массилийского, *Vita Germani* Констанция Лионского, а также *Vita Epiphani* Магна Феликса Эннодия и *Vita Caesarii*. По всей видимости, рассмотренная модель взаимодействия духовной и светской власти претерпевает существенную трансформацию в конце V в. от прямого их столкновения до безоговорочного почтения светскими властями духовного авторитета святых. При этом если ранние жития IV в. лишь косвенным образом противопоставляли духовный и светский авторитет, то в начале V в. эта оппозиция становится очевидна и подчеркивается авторами житий различными языковыми и сюжетными средствами. С конца V в. конфронтационная модель взаимодействия властей сменяется компромиссной моделью, которая использует свой набор инструментов и переплетается с новым образом святого-посла в агиографии. Автор называет причинами

данного явления кризис империи V века, неэффективность гражданской администрации, потеря централизованного контроля со стороны политических элит и создание варварских королевств, правителям которых еще предстояло укрепить свою власть в регионах. Все это вело в свою очередь к росту авторитета Церкви и укреплению позиций святых-епископов во взаимодействии со светскими властями.

Ключевые слова: модель взаимодействия властей, образ святого, культ святых, светская власть, Церковь, латинская агиографическая литература, противостояние властей, поздняя античность, епископ, компромисс властей.

Библиографический список

- Бойцов М. А.* Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский // Вестник древней истории. 2009. № 2. С. 21—48.
- Гонорат, епископ Массилийский.* Житие святого Илария, епископа Арелатского // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / ред. А. Р. Фокин. М.: Имперіум Пресс, 2004. С. 92—127.
- Житие Цезария Арелатского // Раннехристианские жития галльских святых / пер. с лат., вступит. ст. А. И. Каспарова. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. С. 91—178.
- Казаков М. М.* Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск: Траст-Имаком; Смол. гуманитар. ун-т, 1995. 336 с.
- Констанций Лионский.* Житие святого Германа / пер. с лат. А. А. Бабиной и В. М. Тюленева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 96 с.
- Магн Феликс Эннодий.* Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатели В. М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. 192 с.
- Пареди А.* Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан: Христианская Россия, 1991. 267 с.
- Паулин Медиоланский.* Житие свт. Амвросия Медиоланского // Собрание творений: на латинском и русском языках / пер. с лат. Д. Е. Афиногенова, прот. А. Гриня, М. В. Герасимовой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. Т. 1. С. 55—154.
- Певницкий В.* Арелатские проповедники V—VI вв. <Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / ред.: А. Р. Фокин. М.: Имперіум Пресс, 2004. С. 7—58.

- Сутьниций Север.* Житие святого Мартина, епископа и исповедника // Сочинения / пер. с лат., ст., коммент., указ. А. И. Донченко. М.: РОССПЭН, 1999. С. 91—115.
- Тюленев В. М.* Риторическое знание в системе взглядов Эннодия // Наука и школа. 2012. № 6. С. 156—158.
- Тюленев В. М.* Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. 2021. Вып. 82. С. 151—165.
- Borius R.* Introduction // *Vie de Saint Germain d'Auxerre / Sources Chrétiennes.* Paris, 1965. Vol. 112. P. 7—106.
- Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West. New York: Cambridge University Press, 2003. 335 p.
- Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2005. 356 p.
- Redfield R.* The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 288 p.

Буданова И. А., Шановалова А. С. «Новые идеи» — экспертный взгляд на «умную силу» России // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 94—114.
УДК 327(470+571)

Работа посвящена сравнительному анализу докладов комиссии Джозефа Ная «A smarter, more secure America» 2007 г. и НИУ ВШЭ «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России» 2020 г. Предпринимается попытка выявить общие и особенные черты в трактовках американскими и российскими экспертами идей, характерных для концепции «умной силы». Уникальность подхода российских экспертов заключается в том, что они не упоминают термин «умная сила», но сохраняют в риторике его ключевые тезисы. Не дублируя и не заимствуя тезисы Доклада комиссии Дж. Ная, авторы «Новых идей» проработали и представили план улучшения внешнеполитического имиджа для РФ. Авторы данной статьи приходят к выводу, что «Новые идеи» — это своеобразный сценарий «умной силы» для России, учитывающий ее интересы, ресурсы и идентичность.

Ключевые слова: «умная сила», внешняя политика России, безопасность, кризис либеральных идей, экспертные сообщества.

Библиографический список

- Габриелян А.* Образ России в качестве агрессора — попытка увеличить международную напряженность. 16.06.2014. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/akop-gabrielyan-obraz-rossii-v-kachestve-agressora-popytka-uvlichit-mezhdunarodnuyu-napryazhennost/> (дата обращения 01.05.2021).
- Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России / С. А. Караганов, Д. В. Суслов и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/04/doklad_novye-idei-dlya-vneshnej-politiki-rossii.pdf (дата обращения: 01.05.2021).
- Караганов С. А.* Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности // Россия в глобальной политике. 20.12.2019. <https://globalaffairs.ru/articles/puti-ukrepleniya-stabilnosti/> (дата обращения: 01.05.2021).
- Караганов С. А.* Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebua-i-mira/> (дата обращения: 01.05.2021).
- Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 01.03.2020).
- Nossel S.* Smart Power // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83, no. 2. P. 131—142. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-03-01/smart-power> (дата обращения: 25.05.2021).
- Ng J. S.* A smarter, more secure America. 2007. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

Порозов В. А. Интеллигенты в архитектуре, или Избранные места из переписки друзей. *О книге: Футлик М. И. Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь: [б. и.], 2018. 425 с. // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 115—135.*
УДК 72.01

За тридцать лет существования ивановской интеллигентоведческой школы давно доказано, что интеллигенция — явление неоднородное, многоплановое, неоднозначное, однако деятельность, мировоззренческие и нравственные основы таких ее представителей, как архитекторы, практически не рассматривались. Немаловажную роль в заполнении этой достаточно интересной лакуны, по мнению автора

статьи, может сыграть книга М. И. Футлика «Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе», изданная в городе Перми в 2018 году. Воспоминания автора, начиная со студенчества 1950-х годов по настоящее время, тщательно воспроизведенные фрагменты его переписки с друзьями-архитекторами дают довольно широкую и содержательную панораму жизни «недоразвитого социализма» и «дикого капитализма», как друзья именуют современное им общество, содержат обильную информацию о месте в этом обществе интеллигенции и интеллектуалов вообще и архитектуры и архитекторов в частности. Книга рассматривается как ценный исторический источник, а критика исторического источника и есть основной метод работы историка. Мнение автора статьи по многим затрагиваемым вопросам не менее индивидуально и дискуссионно, чем содержание самой книги.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, архитектура, архитекторы, клаузура, социализм, идеология, образ жизни, повседневность, город Пермь.

Библиографический список

- Архитектор Константин Бабыкин: статьи, эссе, рассказы / ред.-сост. В. Ваулина, Р. Лотарева. Екатеринбург: TATLIN, 2015. 260 с.
- Баталина Ю.* О свободе среди несвободы: К своему 85-летию архитектор Мендель Футлик выпустил книгу воспоминаний // Новый компаньон: Пермский еженедельник. 2018. 27 июля.
- Десятов В. Г.* Николай Владимирович Алещенко (1933—1990) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 2. С. 102—104.
- Лотарёва Р. М.* «Большое видится на расстоянии» // Футлик М. И. Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь, 2018. С. 423—425.
- М. И. Футлик // Пермский край: энцикл. [Электронный ресурс]. URL: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803826724&viewMode=D_1803401872&link=1 (дата обращения: 08.04.2021).
- Порозов В. А.* Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 109—130.
- Постоногов Ю. И.* 50 лет архитектурному образованию на Урале. 1953—2003 гг. Екатеринбург; Тюмень: Вектор Бук, 2003. 201 с.
- Филатов Н. М.* Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергес: путь рабочего-интеллигента // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 54—68.
- Футлик М. И.* Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь: [б. и.], 2018. 425 с.

Самарцева Е. И. Достойная книга о человеке достоинства. Рец. на кн.: *Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново, 2020. 340 с. // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 136—141.*
УДК 001(091)(470.315)

Книга «Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор» подготовлена коллегами, друзьями и учениками В. С. Меметова. Редактор-составитель — д-р ист. наук, доц. В. В. Комиссаров. Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. Г. А. Будник, д-р ист. наук, проф. Е. М. Раскатова, канд. ист. наук, доц. А. А. Семененко; рецензент — канд. ист. наук А. К. Калинин. В основном сборник включает в себя статьи-воспоминания и малоизвестные статьи самого В. С. Меметова. В рецензии на книгу подчеркивается ее своевременность и значимость для интеллигентоведения и исторической науки, в целом. Обосновывая свою точку зрения, рецензент обращается к работам д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака, д-ра ист. наук, проф. И. В. Купцовой, д-ра ист. наук, проф. Г. В. Серебрянской, д-ра ист. наук, проф. В. С. Околотина, канд. ист. наук, доц. Ф. Т. Ахунзяновой, д-ра ист. наук, проф. Г. А. Будник, д-ра ист. наук, проф. И. В. Сибирякова и др. Отмечается, что авторы статей сумели достаточно полно воссоздать облик В. С. Меметова как разносторонней личности и талантливого учёного. Отметим его вклад в обоснование понятий «прединтеллигенция», «церковная интеллигенция», в изучение изменяемости функциональных особенностей интеллигенции в зависимости от конкретно-исторической среды; в смысловое наполнение нравственного императива интеллигенции, ее политическую культуру, место интеллигентоведения в системе вузовских спецкурсов.

Ключевые слова: В. С. Меметов, ученый, интеллигентоведение, Иваново, конференции, В. В. Комиссаров, Г. А. Будник, Е. М. Раскатова, А. А. Семененко, рецензия.

Библиографический список

Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново: [Б. и.], 2020. 340 с.
Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: материалы XV Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 23—25 сент. 2004 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 329 с.

Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения: материалы XXII Международной науч.-теорет. конф. Иваново, 22—24 сент. 2011 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. 254 с.

Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Международной науч.-теорет. конф. Иваново, 27—29 сент. 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 240 с.

Комиссаров В. В., Соловьев А. А. «На пользу Отечеству и благое просвещение»: Библиотечная интеллигенция и война. *Рец. на кн.: Коваль Л. М. Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны. М.: Пашков дом, 2020. 208 с. // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 142—149.*

УДК 02(091)(470+571)''1941/1945''

В рецензии анализируется книга Л. М. Коваль «Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны», выход которой был приурочен к 75-летию Великой Победы. Людмила Михайловна Коваль (1933—2020) — автор более 370 публикаций, кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Работе в Российской государственной библиотеке она отдала 57 лет своей жизни. Она по праву считается «летописцем» этой библиотеки, ее главным историком. Рецензируемая книга является логическим завершением серии книг Л. М. Коваль, посвященных войне. Она так же, как и герои ее последней книги — представитель библиотечной интеллигенции. В книге показан вклад сотрудников Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в дело Победы на фронте и в тылу. Книга изобилует интересными материалами из архива Российской государственной библиотеки, в том числе теми, которые ранее никогда не публиковались. Ее также органично дополняют многочисленные письма фронтовиков и воспоминания сотрудников библиотеки, что выгодно отличает данное издание. В качестве небольшого замечания следует отметить, что издание только выиграло бы, если бы в него был включен иллюстративный материал. Фотографии военных лет, а также портреты сотрудников библиотек добавили бы художественной выразительности и наглядности для читателей, что еще больше усилило бы эффект приведенных в книге фактов. Другое замечание относится к тому, что Л. М. Коваль использовала при написании

книги некоторые свои статьи предыдущих лет, в результате чего в нескольких главах встречаются повторы одних и тех же фактов. Однако приведенные выше замечания не портят общего положительного впечатления от книги. В ней поднята очень важная для сегодняшнего времени тема патриотизма и верности делу, которому служишь. Л. М. Коваль удалось на конкретных примерах продемонстрировать, каким образом библиотечная интеллигенция в непростые военные годы сумела выполнить завет Н. П. Румянцева — служить «на пользу Отечеству и на благое просвещение». Сотрудники библиотеки в сложнейших условиях спасли национальное достояние — книжный фонд главного книгохранилища страны. При этом они качественно и оперативно выполняли все информационные запросы фронта и тыла, не забывали о научно-исследовательской деятельности, работали в госпиталях, на трудовом фронте, жертвовали последние денежные средства в Фонд обороны.

Ключевые слова: библиотечная интеллигенция, Великая Отечественная война, Государственная библиотека имени В. И. Ленина, Л. М. Коваль.

Библиографический список

- Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
- Книга памяти Российской государственной библиотеки / авт.-сост. Л. М. Коваль. М.: Материк: РГБ, 1995. 261 с.
- Коваль Л. М.* Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны. М.: Пашков дом, 2020. 208 с.
- Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны: линия фронта / авт.-сост. Л. М. Коваль. М.: Пашков дом, 2014. 180 с.
- Соколов А. В.* Библиотечная интеллигенция в России: исторические очерки. М.: Либерей-Бибинформ, 2007. Ч. 1. 192 с.
- Соловьев А. А.* Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 9—21.
- Соловьев А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 21—31.

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Летаргический сон разума: техносферно-ноосферные раздумья в эпоху деглобализации [обзор национальной научной конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России»] // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 150—160.

УДК 1:316

Материал представляет собой рефлексию над национальной научной конференцией «Глобальный мир и ноосферная безопасность России». Наряду с формальными моментами, характерными для конференциальных обзоров, автор касается реперных точек проблемного поля, обозначаемого в региональной традиции категорией «ноосферная безопасность». Показано, что разум человечества перестал справляться со сложностью быстро приходящего «нового мира», а «человеческое качество» не сложилось во всечеловеческую целостность. Ноосферная безопасность представлена как способностью к продуцированию эффективных социально-антропологических программ национального этоса, нацеленных на выживание и развитие. Зафиксировано, что центральным вопросом (и одновременно аттрактором) ноосферной безопасности является коэволюция естественного разума и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: ноосферная безопасность, деглобализация мира, всечеловеческое, ноосферный катастрофизм, ноомахия, человеческое качество, национальный этос, техносферная безмятежность, изофилософия, ноосферная озабоченность.

Библиографический список

- Аксенов Г. П.* В. И. Вернадский: от истории науки к неперемennomу будущему // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3. С. 98—110.
- Брагин А. В.* Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 59—67.
- Булычёв И. И.* Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 98—108.
- Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.

- Меликян М. А.* Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2016. № 1-2. С. 118—133.
- Петряков Л. Д.* Ноосферная безопасность как актуальная идентичность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 80—84.
- Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
- Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
- Смирнов Д. Г.* Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 11—26.
- Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Коньшин С. В., Бакиров А. С., Витулёва Е. С., Шалтыкова Д. Б.* Феномен «стратегической разведки» в цифровом обществе: ноосферная транзитивность интеллектуальных систем безопасности // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 46—57.
- Тимошук А. С., Тьяги Р.* Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 12—21.
- Финогентов В. Н.* Рискогенность настоящего и отчужденность будущего // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 4—11.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Stepanov A. V. Time of studentship as a formative stage of a Russian intelligent at the turn of the XX century, *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 9—34.

The article investigates the effect that experience of being a higher school student might produce upon the mentality of a young Russian intelligent at the turn of the XX century. Basing his research upon a number of memoirs and surveys conducted among Russian Silver Age students, the author makes the following assumptions.

1. Becoming a student whose public life was nearly unchecked by academic authorities could not but exert a sort of “emancipatory” effect upon a former school pupil who used to be subjected to strict teachers’ control. Love of freedom that was so typical of a Russian intelligent may be partly attributed to this experience.

2. Moving from a small native town to large university cities might be taken by some young men as a leap from Russia’s humble present day into the nation’s tomorrow; such experience reinforced their dream of social change — something that a typical intelligent was distinguished by.

3. A university or college professor — well-read and morally flawless academician — was usually conceived by his students as an example of a perfect intelligent, a person to model themselves on. As a rule, in such decent milieu students tried to pass their exams without cheating, thus not only improving their mental skill, but also strengthening the sense of fairness — yet another value of a Russian intelligent.

4. Daily life of Russian students with limited means was rather hard, usually involving strict saving and all sorts of deprivation. It could not but effect a would-be intelligent — either for good or bad.

5. Participation in social activities (usually restricted by government authorities) pushed some students toward political extremism. Still others might develop a strong distaste for any ill-considered attempts at accelerating the country’s sociopolitical progress. With the stabilization of Russian parliamentary monarchy in 1907, students became noticeably less politicized.

Keywords: intelligentsia, higher school, students, late Imperial Russia, Moscow University, St. Petersburg Institute of Technology, Mining Institute, Institute of Railroad Engineering.

References

- Antsiferov, N. P. (1992) *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From thoughts about past. Memoirs], Moscow: Feniks. Kul'turnaia initsiativa.
- Astrov, N. I. (1941) *Vospominaniia* [Memoirs], vol. 1, Paris: YMCA-Press.
- Avrus, A. I. (2001) *Istoriia rossiiskikh universitetov: Oчерki* [History of Russian Universities: Essays], Moscow: [bez izdatel'stva].
- Bignold, W. (2012) Newman and the Student: From formation to transformation, *E-journal of the British Education Studies Association*, vol. 4, pp. 20—33, available at: <https://educationstudies.org.uk/?p=572> (accessed: 02.15.2021).
- Brandt, A. A. (1930) *List'ia pozheltelye. Peredumannoe i perezhitoe* [Faded leaves. Stuff thought and lived-over], Belgrad: [bez izdatel'stva].
- Cassow, S. D. (1989) *Students, Professors and State in Tsarist Russia*, Berkeley: University of California Press.
- Chlenov, M. A. (1909) *Polovaia perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshchestvennoe znachenie* [Sexual census of Moscow students and its public significance], Moscow: Izdanie studencheskoi meditsinskoi izdatel'skoi komissii.
- Fenin, A. I. (1938) *Vospominaniia inzhenera: K istorii obshchestvennogo i khoziaistvennogo razvitiia Rossii (1883—1906 gg.)* [Memoirs of an engineer: Towards the history of social and economic development of Russia (1883—1906)], Prague: Tisk Chudomel Hosrivar.
- Gilbert, G. (2017) Revolt from the Right: Russian Right-Wing Students between Conservatism and Radicalism, *European History Quarterly*, vol. 47, iss. 1, pp. 32—54.
- Iconoscope. An autobiography of Vladimir Zworykin* (1971), Princeton (N. J.), available at: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html> (accessed: 02.15.2021).
- Ipat'ev, V. N. [Ipatiev, V. N.] (1945) *Zhizn' odnogo khimika: Vospominaniia* [A life of a chemist. Memoirs], vol. 1, 1867—1917, New-York: [bez izdatel'stva].
- Ivanov, A. E. (1991) *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher school in Russia in late XIX and early XX century], Moscow: Nauka.
- Ivanov, A. E. (2010) *Mir rossiiskogo studenchestva: konets XIX — nachalo XX veka* [The world of Russian students: Late XIX to early XX century], Moscow: Novyi khronograf.
- Ivanov, P. (1903) *Studenty v Moskve: Byt. Nравy. Tipy: Oчерki* [Students in Moscow: Daily life. Morals. Types: Essays], 2nd ed., Moscow: Tipografiia Shtaba Moskovskogo voennogo okruga.

- Izgoev, A. S. (1909) Ob intelligentsnoi molodezhi [On the young intelligentsia], *Vekhi: Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Milestones: Collection of articles on the Russian intelligentsia], Moscow: [bez izdatel'stva], pp. 185—212.
- Khodasevich, V. F. (1976) *Nekropol': Vospominaniia* [Necropolis: Memoirs], Paris: YMCA-Press.
- Kizevetter, A. A. (2016) *Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniia, 1881—1914* [At the turn of two centuries: Memoirs, 1881—1914], L. M. Suris (ed.), Moscow—Berlin: DirectMEDIA.
- K kharakteristike sovremennogo studenchestva (po dannym perepisi 1909—10 g. v Sankt-Peterburgskom Tekhnologicheskome Institute)* (1911) [Toward characteristic of the present-day students. (Following data from a 1909—1910 census in St. Petersburg Institute of Technology)], M. V. Bernatskii [M. V. Bernatsky] (ed.), St. Petersburg: Tipolitografiia B. Avidova.
- Leikina-Svirskaiia, V. R. [Leikina-Svirskaya, V. R.] (1981) *Russkaia intelligentsiia v 1900—1917 godakh* [Russian intelligentsia in 1900—1917], Moscow: Mysl'.
- Lorenz, C. (2015) History: Theories and Methods, *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, James D. Wright (editor-in-chief), 2nd ed., vol. 11, Oxford: Elsevier, pp. 131—137.
- Miliukov, P. N. [Milyukov, P. N.] (2015) *Iz tainikov moei pamiati* [Out of my memory's crypts], Moscow: Eksmo.
- Naumov, A. N. (1954) *Iz utselevshikh vospominanii. 1868—1917* [Out of survived reminiscences. 1868—1917], vol. 1, New-York: Izdanie A. K. Naumovoi i O. A. Kusevitskoi.
- Noveishii putevoditel' po S.-Peterburgu s planom goroda. S poleznymi svedeniiami i ukazaniiami dostoprimechatel'nostei goroda* (1911) [The latest guidebook of St. Petersburg with the city map. With useful information and description of the city landmarks], St. Petersburg: [bez izdatel'stva].
- Obolenskii, V. A. [Obolensky, V. A.] (1988) *Moia zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries], Paris: YMCA-Press.
- Romanov, V. F. (2012) *Starorezhimnyi chinovnik. Iz lichnykh vospominanii* [An official of the Old regime. From personal reminiscences], St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Rostovtsev, E. A. (2009) *Universitet stolichnogo goroda (1905—1917 gody)* [A University of the capital city (1905—1917)], *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [A university and a city in Russia (early XX century)], T. Maurer, A. Dmitriev (eds.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Shalin, D. N. (2012) *Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia*, Las Vegas, pp. 1—68, available at: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (accessed: 02.15.2021).
- Stepun, F. A. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesia* [Past and unfulfilled], vol. 1, New-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova.
- Teoriia i metodologiia istoricheskoi nauki: Terminologicheskii slovar'* (2014) [Theory and methodology of historic science: Terminological dictionary], A. O. Chubar'ian [A. O. Chubaryan] (ed.), Moscow: Akvilon.
- Timoshenko, S. P. (1963) *Vospominaniia* [Reminiscences], Paris: [bez izdatel'stva].
- Ustav gimnazii i progimnazii vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* (1901) [Statute of gymnasiums and undergymnasiums supervised by the Ministry of public instruction], St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del.
- Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (2003) *Povsednevnaia zhizn' Peterburga na rubezhe XIX—XX vekov* [Daily life in St. Petersburg around the turn of the XIX—XX centuries], Moscow: Molodaia gvardiia.

Fedotov A. A., Terentyev V. V. The place of the intelligentsia in the implementation of the national policy of the Soviet government in the BSSR (1950—1980), *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 35—48.

The article focuses on the question of how the use of Russian as the language of interethnic communication in the USSR was substantiated by representatives of the Soviet intelligentsia, in particular, what they saw as its difference in this quality from the use of the Russian language as a world language. The article shows the involvement of the creative intelligentsia in the implementation of the Soviet national policy in the BSSR; the perpetuation of the memory of the intelligentsia by the Soviet authorities.

To solve the tasks, the materials of the Soviet scientific and periodical press, the state archive of the Vitebsk region were studied.

Representatives of the intelligentsia were widely involved by the Soviet and party bodies in the implementation of national policy in the BSSR and in other union republics. In their creative and scientific activities, representatives of the intelligentsia could count on substantial state support, but only if their work was “in line” with what was necessary for the Soviet state at this historical stage. But even within a limited framework, the results achieved were impressive. The importance of the Russian language, not only as a language of interethnic communication in the USSR, but also as a world language, steadily

grew; the broad involvement of the intelligentsia in the implementation of Soviet national policy contributed to the establishment of cultural exchange not only between different regions of different Soviet republics, but also between different regions of the socialist camp countries. The perpetuation of the memory of historical figures — representatives of the intelligentsia by the party and Soviet bodies was one of the ways to include the intelligentsia in the general cultural and semantic space of the Soviet Union.

Much of the positive experience of that time can be in demand in modern conditions.

Keywords: intelligentsia, cultural exchange, interpenetration of cultures, language, national question, BSSR, Belarus.

References

- Vardomatskii, L. M. [Vardomatsky, L. M.] (1986) Osobennosti funktsionirovaniia russkogo iazyka na territorii Vitebskoi oblasti BSSR [Features of the functioning of the Russian language on the territory of the Vitebsk region of the BSSR], *Russkii iazyk. Mezhdvodomstvennyi sbornik* [The Russian language. Interdepartmental collection]. Minsk: izdatel'stvo "Universitetskoe", iss. 6, pp. 37—44.
- Velikii sovetskii narod* / I. K. Beloded [i dr.] [The Great Soviet people / I. K. Beloded et al.]. Kiev: Naukova dumka, 1976.
- Ivanov, V. V. (1978) Russkii iazyk v zhizni narodov i iazykov Sovetskogo Soiuzha [The Russian language in the life of the peoples and languages of the Soviet Union], *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics]. No 3, pp. 3—9.
- Ivanov, V. V. (1986) *Iazyk velikogo bratstva: russkii iazyk kak sredstvo mezhnatsional'nogo bratstva narodov SSSR* [The language of the Great Brotherhood: the Russian language as a means of interethnic brotherhood of the peoples of the USSR] / V. V. Ivanov, N. G. Mikhailovskaia [N. G. Mikhailovskaya], V. M. Pan'kin [V. M. Pankin]. M.: Znanie.
- Klevchenia, A., Misko, Ia. [Klevchenya, A, Misko, Ya.] (1979) V sem'e vol'noi, bratskoi: K 40-letiiu vossoedineniia belorusskogo naroda v edinom Sovetskom gosudarstve [In a free, fraternal family. To the 40th anniversary of the reunification of the Belarusian people in a single Soviet state], *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus] . № 8, pp. 57—62.
- Simonova, I. (1980) Shire krug! [Make the Circle Wider!] *Sovetskaia Belorussiiia* [Soviet Belarus]. 11 sent.

Savchuk R. A. Secularization of the idea of the Church in the works of the scientific intelligentsia of the Ukrainian SSR in the second half of the 1980 s., *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 49—71.

In modern conditions, there is an increased public attention to the religious factor in the interstate relations between Russia and Ukraine. The growing tension in the development and internal structure of the Orthodox Church has been observed in Ukraine since the declaration of independence, when parallel Orthodox Church organizations with different attitudes to the issue of autocephaly and cultural and political orientation began to form on the territory of the state. This article attempts to analyze the main directions in understanding the role and place of the church factor. It was in the second half of the 1980 s that the foundations were laid for the development of discussions on the development of the national church after Ukraine's declaration of independence. With the help of historical-typological and historical-comparative methods, the publications of Ukrainian historians, literary critics, philosophers and public figures of the second half of the 1980 s are analyzed. Conclusions about the formation of two directions of the secularization of the idea of the Church in the worldview of the Ukrainian secular intelligentsia of this period are substantiated. The rational-sensuous direction is typical for representatives of nationalist-minded circles. The authors in this direction valued the authority of the Church as an autonomous public institution, but sought to subordinate it to the national idea, to put it at the service of the state ideology. The second direction — conventionally called utilitarian-instrumentalist-developed on the basis of Soviet atheist ideology and considered the Church and religion as a whole as an element of ideology, an instrument for the implementation of political power and public consciousness.

Keywords: secularization, Ukrainian intelligentsia, Orthodox Church, Ukrainian church question, religious consciousness, ideology, nationalism.

References

- Al'ternativa. Chasopis natsional'nikh demokrativ* (1988) [Alternative. National Democrats magazine], no 4.
- Ateizm — piznana istina: naukovo-populiarna literatura* (1987) [Atheism — the known truth], Kiev: Tovaristvo “Znannia”.
- Ateisticheskoe vospitanie: soderzhanie, formy i metody* (1989) [Atheistic education: content, forms and methods], A. S. Onishchenko (ed.),

- Mezhrespublikanskii filial' Instituta nauchnogo ateizma Akademii obshchestvennykh nauk pri Tsentral'nom komitete Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu v gorode Kieve, Kiev: Politicheskoe izdatel'stvo Ukrainy.
- Beznyuk, D. K. [Beznyuk, D. K.] (2009) Sekuliarizatsiia: opyt sistematzatsiï podkhdov izucheniiia [Secularization: experience of systematization of study approaches], *Sotsiologiia* [Sociology], no. 3, pp. 98—104.
- Bilokin', S. [Belokon, S.] (1990) Pro stanovishche istorichnoi nauki v Ukraini [On the status of historical science in Ukraine], *Ukrainskii istorik* [Ukrainian historian], no. 1—4 (104—107), pp. 138—144.
- Bilokin', S. [Belokon, S.] (1988) Problemi Kievo-Pechers'kogo zapovidnika [Problems of the Kiev-Pechersk nature reserve], *Kyiv* [Kiev], no. 3, pp. 3—8.
- Braichev's'kyi, M. Iu. [Braichevsky, M. Yu.] (1988) Litopis Askol'da [Letopis by Askold], *Kyiv* [Kiev], no. 2, pp. 146—170.
- Braichev's'kyi, M. [Braichevsky, M.] (1988) Nichogo ne zminilosia! [Nothing has changed!], *Kyiv* [Kiev], no. 3, pp. 9—16.
- Braichev's'kyi, M. Iu. [Braichevsky, M. Yu.] (1988) *Utverdzhennia khrystyiianstva na Rusi* [Establishment of Christianity in Russia], Kiev: Naukova dumka.
- Gorskii, V. S. [Gorsky, V. S.] (1988) Filosofskie idei v kul'ture Kievskoi Rusi XI — nachala XI vekov [Philosophical ideas in the culture of Kievan Rus of the XI — beginning of the XII century], Kiev: Naukova dumka.
- Gors'kii, V. S. [Gorsky, V. S.] (1989) Obraz svitu v Sofii Kiivs'kii [Image of the world in Sofia of Kiev], *Filosofska i sotsiologichna dumka* [Philosophical and sociological thought], no. 6, pp. 59—67.
- Gors'kii, V. S. [Gorsky, V. S.], Lobovik B. O. (1988) “Slovo pro zakon i blagodat” Ilariona Kiivs'kogo — perlina davn'orus'koï kul'turi [“The word about the law and grace” by Hilarion of Kiev — the Pearl of ancient Russian culture], *Filosofska dumka* [Philosophical thought], no. 4, pp. 89—91.
- Hagen, M., von. (1995) Does Ukraine have a history? *Slavic Review*, vol. 54, no 3, pp. 658—673.
- Ideologiia rus'kogo pravoslav'ia: kritichnii analiz* (1986) [Ideology of Russian Orthodoxy: critical analysis], B. O. Lobovik, M. S. Gordienko, M. P. Krasnikov ta in. [B. O. Lobovik, M. S. Gordienko, M. P. Krasnikov etc.], Kiev: Politvidav Ukraïni.
- Ianchenko, L. V. [Yanchenko, L. V.] (1986) O nauchnom podkhode k otsenke tserkovnogo iskusstva [On the scientific approach to the assessment of church art], *Voprosy ateizma. Metodologicheskie voprosy issledovaniia vvedeniia khristianstva na Rusi i ego posledstvii* [Questions of atheism.

- Methodological issues of the study of the introduction of Christianity in Russia and its consequences], vol. 22, Kiev: Vishcha shkola, pp. 92—99.
- Iaremenko, P. K. [Yaremenko, P. K.] (1986) *Meletii Smotritskii: Zhizn' i tvorchestvo (ukrainskogo i belorusskogo uchenogo-filologa, tserkovnogo i obshchestvennogo deiatelia 16—17 vekov)* [Meletiy Smotritsky: Life and work Ukrainian and Belarusian scholar-philologist, church and society figure of the XVI — XVII centuries.], Kiev: Naukova dumka.
- Iaremchuk, V. [Yaremchuk, V.] (2009) *Mynule Ukraïny v istorychnii nauci URSS pisliastalins'koi doby* [The past of Ukraine in the historical science of the Ukrainian SSR of the post Stalinist era], Ostrog: Vydavnytstvo Nacional'nogo universytetu Ostroz'ka akademiia.
- Kalakura, Ia. S. [Kalakura, Ya. S.] (2004) *Ukraïns'ka istoriografiia: kurs leksii* [Ukrainian historiography: a course of lectures], Kiev: Heneza.
- Kalinin, Iu. A. [Kalinin, Yu. A.] (1988) *Modernizm russkogo Pravoslaviia* [Modernism of Russian Orthodoxy], Kiev: Izdatel'stvo Politicheskoi literatury Ukrainy.
- Kolesnik, I. (2015) *Ukraïns'ke istoriepisannia 1960—1980-kh gg.: kul'turni rozrivi ta metamorfozi* [Ukrainian historiography of 1960—1980-ies: cultural breaks and metamorphoses], *Svitlo i tini ukraïns'kogoadians'kogo istoriopisannia* [Light and shadows of the Ukrainian Soviet historiography]: materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii (Kiiïv, Ukraïna, 22—23 travnia 2013 g.), V. A. Smoliia [V. A. Smoliya] (ed.), Kiev: Institut istorii Ukraïni natsional'naia akademiia nauk Ukraïni, pp. 169—176.
- Kolodnyi, A. M., Kondratyuk, L. Y. (1987) *Ateizm — piznana istyna* [Atheism — the known truth], Kiev: Znanie.
- Krekoten', V. I. [Krekoten, V. I.] (1987) *Ukraïns'ka literatura XVII stoletia* [Ukrainian literature of the XVII century], *Ukraïns'ka literatura XVII stoletia: Sinkretichna pisemnist'. Poeziia. Dramaturgiia. Beletristika* [Ukrainian literature of the XVII century: Syncretic writing. Poetry. Drama. Fiction], O. V. Mishanich (ed.), Kiev: Naukova dumka, pp. 5—24.
- Lisovenko, N. A. (1986) *Nesostoyatel'nost' pravoslavno-bogoslovskoi sistemy tsennosti* [The failure of the Orthodox-theological system of values], *Voprosy ateizma. Metodologicheskie voprosy issledovaniia vvedeniia khristianstva na Rusi i ego posledstvia* [Questions of atheism. Methodological issues of the study of the introduction of Christianity in Russia and its consequences], vol. 22, Kiev: Vishcha shkola, pp. 64—71.
- Lobovik, B. A. (1986) *Religioznoe soznanie i ego osobennosti* [Religious consciousness and its features], Kiev: Naukova dumka.
- Lobovik, B. A., Shadurinskii, V. G. [Shadurinskiy, V. G.] (1986) *Religioznoe soznanie i zdnavyi smysl* [Religious consciousness and common sense], Kiev: Znanie.

- Mikitas', V. L. [Mykytas, V. L.] (1988) Ukraïns'ka literatura XIV—XVI st. [Ukrainian literature of the XIV—XVI centuries], *Ukraïnska literatura XIV—XVI st.: Apokryfy. Ahiohrafïia. Palomn tvory. Istoriohrafichni tvory. Polemichni tvory. Perekladni povisti. Poetychni tvory* [Ukrainian literature of the XIV—XVI centuries: Apocrypha. Hagiography. Pilgrimage works. Historiographical works. Polemical works. Translated stories. Poetic works], V. L. Mikitas' [V. L. Mykytas] (ed.), Kiev: Naukova dumka, pp. 5—28.
- Mishanich, O. (1988) Golos davnikh vikiv [Voice of ancient ages], *Kyiv* [Kiev], no. 8, pp. 119—125.
- Mishanich, O. Priïniattia khristiianstva i davne ukraïns'ke pis'menstvo [Acceptance of Christianity and ancient Ukrainian literature], *Radianske literaturoznavstvo* [Soviet literary studies], no. 6, pp. 32—40.
- Pravoslavie i sovremennost': (Filosofsko-sotsiologicheskii analiz)* (1988) [Orthodoxy and modernity: (Philosophical and sociological analysis)], B. A. Lobovik (ed.), Kiev: Naukova dumka.
- Svitlo i tini ukraïns'kogo radians'kogo istoriopisannia* [Light and shadows of the Ukrainian Soviet historiography]: materiali mizhnarodnoi naukovoï konferentsii (Kiïv, Ukraïna, 22—23 travnia 2013 g.), V. A. Smoliia [V. A. Smoliya] (ed.), Kiev: Institut istorii Ukraïni natsional'naia akademiia nauk Ukraïni.
- Tarasov, Iu. V. [Tarasov, Yu. V.] (1986) Antigumannost' ucheniia i praktiki russkogo pravoslaviia [Anti-humanism of the teaching and practice of Russian Orthodoxy], *Voprosy ateizma. Metodologicheskie voprosy issledovaniia vvedeniia khristianstva na Rusi i ego posledstviï* [Questions of atheism. Methodological issues of the study of the introduction of Christianity in Russia and its consequences], vol. 22: Kiev: Vishcha shkola, pp. 38—45.
- Tvoriti dobro, shukati istinu. Besida z episkopom Pereiaslav-Khmel'nits'kim Palladiem* [To do good, to seek the truth. Conversation with Bishop Palladiy of Pereiaslav-Khmelnytsky] (1988), *Kyiv* [Kiev], no. 9, pp. 109—113.
- Zots, V. A. Shchob osiavala dumku pro minule (Pro zberezhennia pam'iatnikiv davn'rus'kogo mistetstva) [To illuminate the thought of the past (about the preservation of monuments of ancient Russian art)], *Znannia ta pratsia* [Knowledge and work], no. 10, pp. 14—15.

Babina A. A. The Saints at the Throne: Models of interaction between saints and secular power in the Latin hagiography of the IV—VI centuries, *Intelligentsia and the world*, 2021, no. 4, pp. 72—93.

The article analyzes the evolution of the model of interaction between saints and secular authorities in the Western Latin hagiography of the IV—VI centuries. The author studies the toposes used by hagiographers for its construction, and considers possible socio-political reasons for the transformation of this model. The research is based mainly on the historical and anthropological approach, which allows us to identify stable ideas about the saint for the late-antique society. In addition, the work uses the achievements of narratology, semiotics and, especially, imagology. Sources for the study are the *Vita Martini* of Sulpicius Severus, the *Vita Ambrosii* of Paulinus of Mediolana, the *Vita Hilarii* of Honoratus of Massilia, the *Vita Germani* of Constantius of Lyons, as well as the *Vita Epiphani* of Magnus Felix Ennodius and the *Vita Caesarii*. Apparently, the considered model of interaction between the spiritual and secular authorities undergoes a significant transformation at the end of the fifth century. It changes from a direct confrontation between them to an unconditional reverence by the secular authorities for the spiritual authority of the saints. At the same time, if the early lives of the IV century only indirectly contrasted spiritual and secular authority, then at the beginning of the V century this opposition becomes obvious. It is emphasized by the authors of the hagiographies by various linguistic and plot means. Since the end of the V century the confrontational model of interaction between the authorities is replaced by a compromise model, which uses its own set of tools. It merges with the new image of the saint-ambassador in hagiography. The author names the reasons for this phenomenon such as the crisis of the empire of the V century, the inefficiency of civil administration, the loss of centralized control by political elites and the creation of barbarian kingdoms, and their rulers still had to strengthen their power in the regions. All this, in turn, led to the growth of the authority of the Church and the strengthening of the position of the holy bishops in cooperation with the secular authorities.

Keywords: model of interaction of the authorities, image of the saint, cult of saints, secular power, Church, Latin hagiographic literature, opposition of the authorities, Late Antiquity, bishop, compromise of the authorities.

References

- Boitsov, M. A. [Boytssov, M. A.] (2009) Pokaianie imperatora: Feodosii I i Amvrosii Mediolanskii [The Emperor's Repentance: Theodosius I and Ambrose of Mediolansky], *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], no 2, pp. 21—48.
- Borius, R. (1965) Intoduction, *Vie de Saint Germain d'Auxerre, Sources Chrétiennes*, Paris, 1965, vol. 112, pp. 7—106.
- Gillett, A. (2003) *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, New York: Cambridge University Press.
- Gonorat, episkop Massiliiskii [Honoratus, Bishop of Massilia] (2004) Zhitie sviatogo Ilariia, episkopa Arelatskogo [The Life of St. Hilary, Bishop of Arelat], *Arelatskie propovedniki V—VI vv.: sbornik issledovanii i perevodov* [Arelat preachers of the V—VI centuries: collection of studies and translations], A. R. Fokin (ed.), Moscow: Imperium Press, pp. 92—127.
- Kazakov, M. M. (1995) *Episkop i imperiia: Amvrosii Mediolanskii i Rimaskaia imperiia v IV veke* [Bishop and Empire: Ambrose of Milan and the Roman Empire in the IV century], Smolensk: Trast-Imakom; Smolenskii gumanitarnyi universitet.
- Konstantsii Lionskii [Constantius of Lyons] (2019) *Zhitie sviatogo Germana* [The Life of St. Herman], perevod s latinskogo A. A. Babinoi, V. M. Tiuleneva [V. M. Tyulenev], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Magn Feliks Ennodii [Magnus Felix Ennodius] (2013) *Zhitie blazhenneishego muzha Epifaniia, episkopa Titsinskoj tserkvi. Panegirik koroliu Teodorikhu. Zhitie blazhennogo monakha Antonia. Blagodarenie za svoiu zhizn'* [The life of His Beatitude Epiphanius, bishop of the Church of Ticin. Panegyric to King Theodoric. The Life of the Blessed Monk Anthony. Thanksgiving for your life], perevod s latinskogo, vstupil'tel'naia stat'ia, komentarii i ukazateli V. M. Tiuleneva [V. M. Tyulenev], St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- Paredi, A. (1991) *Sviatoi Amvrosii Mediolanskii i ego vremena* [St. Ambrose of Milan and his time], Milan: Khristianskaia Rossiia.
- Paulin Mediolanskii [Paulin Mediolansky] (2012) *Zhitie sviatogo Amvrosiia Mediolanskogo: sobranie tvorenii: na latinskom i ruskom yazykakh* [The life of St. Ambrose Mediolansky: collection of works: in Latin and Russian], perevod s latinskogo D. E. Afinogenova, prot. A. Grinia, M. V. Gerasimovoi, Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, vol. 1, pp. 55—154.
- Pevnitskii, V. [Pevnitsky, V.] (2004) Arelatskie propovedniki V—VI vv. <sviatye Gonorat i Ilarii Arelatskie> [Arelatsky preachers of the V—VI centuries. Honoratus and Hilary of Arelat], *Arelatskie propovedniki*

- V—VI vv.: sbornik issledovaniĭ i perevodov [Arelat preachers of the V—VI centuries: collection of studies and translations], A. R. Fokin (ed.), Moscow: Imperium Press, pp. 7—58.
- Rapp, C. (2005) *Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Redfield, R. (1960) *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Sul’pitsii Sever [Sulpicius Severus] (1999) Zhitie sviatogo Martina, episkopa i ispovednika [The Life of St. Martin, bishop and confessor], *Sochineniia* [Works], perevod s latinskogo, stat’ia, kommentarii, ukazatel’ A. I. Donchenko, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, pp. 91—115.
- Tiulenev, V. M. [Tyulenev, V. M.] (2012) Ritoricheskoe znanie v sisteme vzgliadov Ennodiia [Rhetorical knowledge in the system of views of Ennody], *Nauka i shkola* [Science and school], no. 6, pp. 156—158.
- Tiulenev, V. M. [Tyulenev, V. M.] (2021) Ennodii: rimskii ritor v epokhu ritoricheskogo povorota (k 1500-letiiu so dnia smerti) [Ennius: the Roman rhetorician in the era of the rhetorical turn (to the 1500th anniversary of his death)], *Srednie veka* [The Middle Ages], iss. 82, pp. 151—165.
- Zhitie Tsezariia Arelatskogo [The Lives of Caesar of Arelat] (2016), perevod s latinskogo, vstupitel’naia stat’ia A. I. Kasparova, *Rannekhristianskie zhitiiia gall’skikh sviatykh* [Early Christian lives of the Gallic saints], St. Petersburg: EVRAZIIA, pp. 91—178.

Budanova I. A., Shapovalova A. S. “New ideas” — an expert look at the “smart power” of Russia, *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 94—114.

The study is devoted to a comparative analysis of the reports of the Joseph Nye commission “A smarter, more secure America” 2007 and the Higher School of Economics “Protecting the world, the Earth, freedom of choice for all countries: New ideas for Russian foreign policy” 2020. An attempt is made to identify common and specific features in the interpretations of ideas characteristic of the concept of “smart power” by American and Russian experts. The uniqueness of the approach of Russian experts lies in the fact that they do not mention the term “smart power”, but retain its key theses in their rhetoric. Without duplicating or borrowing the theses of the J. Nye Commission Report, the authors of New Ideas worked out and presented a plan to improve the foreign policy image for the Russian Federation.

The authors of the article come to the conclusion that “New Ideas” is a kind of “smart power” scenario for Russia, taking into account its interests, resources and identity.

Keywords: “smart power”, Russian foreign policy, security, crisis of liberal ideas, expert communities.

References

- Gabrielian, A. [Gabrielyan, A.] (2014) *Obraz Rossii v kachestve agressora — popytka uvelichit' mezhdunarodnuiu napriazhennost'* [Russia's image as an aggressor is an attempt to increase international tension], available at: <https://gorchakovfund.ru/news/view/akop-gabrielyan-obraz-rossii-v-kachestve-agressora-popytka-uvelichit-mezhdunarodnuyu-napriazhennost/> (accessed: 01.05.2021).
- Karaganov, S. A. (2020) *Novye idei dlia sebia i mira* [New ideas for yourself and the world], *Rossiiia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], no. 2, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebya-i-mira/> (accessed: 01.05.2021).
- Karaganov, S. A. (2019) *Novoe ponimanie i puti ukrepleniia mnogostoronnei strategicheskoi stabil'nosti* [New understanding and ways to strengthen multilateral strategic stability], *Rossiiia v global'noi politike*. 20.12.2019 [Russia in Global Affairs], available at: <https://globalaffairs.ru/articles/puti-ukrepleniya-stabilnosti/> (accessed: 01.05.2021).
- Nossel, S. (2004) Smart Power, *Foreign Affairs*, vol. 83, no. 2, pp. 131—142, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-03-01/smart-power> (accessed: 25.05.2021).
- Nye, J. S. (2007) *A Smarter, More Secure America*, available at: https://csis-websiteprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (accessed: 25.05.2021).
- Putin, V. V. (2012) *Rossiiia i meniaiushchiisia mir* [Russia and the changing world], *Moskovskie novosti* [Moscow Daily News], available at: <https://www.mn.ru/politics/78738> (accessed: 01.05.2021).
- Zashchita mira, Zemli, svobody vybora dlia vsekh stran: Novye idei dlia vneshnei politiki Rossii* (2020) [Protecting Peace, Earth, Freedom of Choice for All Countries: New Ideas for Russian Foreign Policy], S. A. Karaganov, D. V. Suslov, Natsional'nyi issledevatel'skii universitet “Vysshhaia shkola ekonomiki”. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, available at: https://globalaffairs.ru/wpcontent/uploads/2020/04/doklad_novye-idei-dlya-vneshnej-politiki-rossii.pdf (accessed: 01.05.2021).

Porozov V. A. Intellectuals in architecture, or Selected places from friends' correspondence. *About the book: Futlik M. I. Bad Clausura, or The Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose. Perm, 2018. 425 p., Intelligentsia and the World, 2021, no. 4, pp. 115—135.*

For thirty years of existence of the Ivanovo school of intellectual studies, it has been long been proved that the intelligentsia is a heterogeneous, multi-faceted, ambiguous phenomenon, but the activities, ideological and moral foundations of such representatives as architects have practically been not considered. An important role in filling this rather interesting gap, according to the author of the article, can be played by the book of M. I. Futlik “Bad Clausura, or the Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose”, published in Perm in 2018. The author’s memoirs, from his student days in the 1950s to the present, carefully reproduced fragments of his correspondence with friends, provide a fairly broad and informative panorama of the life of “underdeveloped socialism” and “wild capitalism”, as friends call modern society, contain abundant information about the place in this society of intellectuals and intellectuals in general, and architecture and architects in particular. The book is considered as a valuable historical source, and criticism of the historical source is the main method of the historian's work. The opinion of the author of the article on many of the issues raised is no less individual and debatable than the content of the book itself.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, architecture, architects, *clausura*, socialism, ideology, lifestyle, everyday life, city of Perm.

References

- Arkhitektorkonstantin Babykin: Stat'i, esse, rasskazy* (2015) [Architect Konstantin Babykin: Articles, essays, stories], V. Vaulina, R. Lotareva (eds.), Ekaterinburg: TATLIN.
- Batalina, Iu [Batalina, Yu.] (2018) O svobode sredi nesvobody: K svoemu 85-letiiu arkhitektora Mendel' Futlik vypustil knigu vospominanii [About freedom in the midst of unfreedom: To mark his 85th birthday, architect Mendel Futlik has released a book of memoirs], *Novyi kompan'on: Permskii ezhenedel'nik* [New companion: Perm weekly], 27 iulia.
- Desiatov, V. G. [Desyatov, V. G.] (2009) Nikolai Vladimirovich Aleshchenko (1933—1990) [Nikolay Vladimirovich Aleshchenko (1933—1990)], *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN* [Academic Bulletin UralNIIproject RAASN], no. 2, pp. 102—104.
- Filatov, N. M. (2020) Prezident Sotsialisticheskoi respubliki Braunshveig Avgust Merges: put' rabochego-intelligenta [August Merges, President

- of the Socialist Republic of Braunschweig: the path of the intellectual worker], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no 2, pp. 54—68.
- Futlik, M. I. (2018) *Plokhaiia klauzura, ili Pogonia za vetrom: v pis'makh, stikhakh i proze* [Bad Clausura, or The Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose], Perm: bez izdatel'stva.
- Lotareva, R. M. (2018) “Bol'shoe viditsia na rasstoianii” [“Big is seen from a distance”], Futlik M. I. *Plokhaiia klauzura, ili Pogonia za vetrom: v pis'makh, stikhakh i proze* [Bad Clausura, or The Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose], Perm, pp. 423—425.
- M. I. Futlik, *Permskii krai: entsiklopediia* [Perm Territory: an encyclopedia], available at: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803826724&viewMode=D_1803401872&link=1 (accessed: 08.04.2021).
- Porozov, V. A. (2019) Intelligentsiia v istoriko-tsvivilizatsionnom kontekste [Intelligentsia in the historical and civilizational context], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no 1, pp. 109—130.
- Postonogov, Iu. I. [Postonogov, Yu. I.] (2003) *50 let arkhitektornomu obrazovaniiu na Urale 1953—2003 gg.* [50 years of architectural education in the Urals 1953—2003], Ekaterinburg; Tyumen: Vektor Buk.

Samartseva E. I. A worthy book about a man of dignity.
Review of the book: Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles / V. V. Komissarov (ed.). Ivanovo, 2020. 340 p., Intelligentsia and the World, 2021, no. 4, pp. 136—141.

The book “Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer” was prepared by colleagues, friends and former students of V. S. Memetov. Editor-compiler of the book is doctor of historical sciences, associate professor V. V. Komissarov. Editorial Board includes: doctor of historical sciences, professor G. A. Budnik, doctor of historical sciences, professor E. M. Raskatova, candidate of historical sciences, associate professor A. A. Semenenko; the reviewer is candidate of historical sciences A. K. Kalinin. Basically, the collection includes memoirs and little-known articles by V. S. Memetov himself. The review of the book emphasizes its timeliness and significance for intellectual studies and historical science in general. Justifying his point of view, the reviewer refers to the works of doctor of historical sciences, prof. S. N. Poltorak, doctor of historical sciences, prof. I. V. Kuptsova, doctor of historical sciences, prof. G. V. Serebryanskaya, doctor of historical sciences, prof. V. S. Okolotin, candidate of historical sciences, assoc. F. T. Akhunzyanova, doctor of historical sciences, prof. G. A. Budnik, doctor of historical sciences, professor

I. V. Sibiryakov, etc. It is noted that the authors of the articles managed to fully recreate the image of V. S. Memetov as a versatile personality and a talented scientist. They noted his contribution to the substantiation of the concepts of “pre-intelligentsia”, “church intelligentsia”, to the study of the variability of the functional features of the intelligentsia depending on the particular historical environment; to the semantic content of the moral imperative of the intelligentsia, its political culture, the place of intellectual studies in the system of university special courses.

Keywords: V. S. Memetov, scientist, intellectual studies, Ivanovo, conferences, V. V. Komissarov, G. A. Budnik, E. M. Raskatova, A. A. Semenenko, review.

References

Diskussionnyye voprosy sovremennogo rossiiskogo intelligentovedeniia (2011) [Debatable issues of modern Russian intellectual studies]: Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

Intelligentsiia i cerkov': proshloe, nastoiashshee, budushhee (2004) [The intelligentsia and the Church: past, present, and future]: Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

Otvetstvennost' intelligentsii v kontekste vremeni (2012) [The responsibility of the intelligentsia in the context of time]: Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2012.

Valerii Sergeevich Memetov: uchonyi, pedagog, organizator: sbornik statei (2020) [Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles], V. V. Komissarov (ed.), Ivanovo: [bez izdatel'stva].

Komissarov V. V., Soloviev A. A. “For the Benefit of the Fatherland and good Enlightenment”: Library Intelligentsia and the War. *Review of the book: Koval L. M. Not only with weapons: The Russian State Library during the Great Patriotic War. Moscow: Pashkov house, 2020. 208 p., Intelligentsia and the world, 2021, no. 4, pp. 142—149.*

The review analyzes the book by L. M. Koval “Not only with weapons: the Russian State Library during the Great Patriotic War”, the release of which was timed to coincide with the 75th anniversary of the Great Victory. Lyudmila Mikhailovna Koval (1933—2020) is the author of over 370 publications,

candidate of historical sciences, Honored Worker of Culture of the Russian Federation. She devoted 57 years of her life to work in the Russian State Library. She is rightfully considered the “chronicler” of this library, its main historian. The reviewed book is the logical conclusion of the series of books by L. M. Koval devoted to the war. She, like the characters in her last book, is a representative of the library intelligentsia. The book shows the contribution of the staff of the State Library named after V. I. Lenin to the cause of Victory at the front and in the rear. The book is replete with interesting materials from the archive of the Russian State Library, including those that have never been published before. It is also organically complemented by numerous letters from veterans and memoirs of library staff, which distinguishes this publication. As a remark, it should be noted that the publication would only benefit if it included illustrative material. Photographs of the war years, as well as portraits of library staff, would add artistic expression and clarity to readers, which would further enhance the effect of the facts presented in the book. Another remark relates to the fact that L. M. Koval used some of her articles from previous years when writing the book, as a result of which there are repetitions of the same facts in several chapters. However, the above remarks do not spoil the overall positive impression of the book. It raises a very important for today theme of patriotism and loyalty to the cause you serve. L. M. Koval was able to demonstrate, using specific examples, how the library intelligentsia in the difficult war years managed to fulfill the behest of N. P. Rumyantsev — to serve “for the benefit of the Fatherland and for good enlightenment”. The library staff in the most difficult conditions saved the national treasure — the book fund of the main book depository of the country. At the same time, they efficiently and promptly fulfilled all information requests from the front and rear, did not forget about research activities, worked in hospitals, on the labor front, donated the last money to the Defense Fund.

Keywords: library intelligentsia, the Great Patriotic War, the State Library named after V. I. Lenin, L. M. Koval.

References

- Goriaeva, T. M. [Goryaeva, T. M.] (2009) *Politicheskaja tsenzura v SSSR. 1917—1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917—1991], Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia.
- Kniga pamiati Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* (1995) [Book of memory of the Russian State Library], avtor-sostavitel' L. M. Koval' [L. M. Koval], Moscow: Materik: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka.

- Koval', L. M. [Koval, L. M.] (2020) *Ne tol'ko oruzhiem: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Not only with weapons: the Russian State Library during the Great Patriotic War], Moscow: Pashkov dom.
- Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: liniia fronta* (2014) [Russian State Library during the Great Patriotic War: front line], avtor-sostavitel' L. M. Koval' [L. M. Koval], Moscow: Pashkov dom.
- Sokolov, A. V. (2007) *Bibliotechnaia intelligentsiia v Rossii: istoricheskie ocherki* [Library Intelligentsia in Russia: Historical Essays], Moscow: Libereia-Bibinform, part 1.
- Solov'ev, A. A. [Soloviev, A. A.] (2012) Intelligentsiia Kostromy v dele sozdaniia obshchestvennykh chitalen v kontse XIX — nachale XX veka [The intelligentsia of Kostroma in the creation of public reading rooms in the late XIX — early XX century, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2, pp. 9—21.
- Solov'ev, A. A. [Soloviev, A. A.] (2011) Nauchnaia intelligentsiia Iaroslavskoi gubernii v dele sokhraneniia knizhnoi stariny i razvitiia kraevedeniia regiona v kontse XIX — nachale XX veka [The scientific intelligentsia of the Yaroslavl province in the preservation of book antiquity and the development of local history of the region at the end of the XIX — beginning of the XX century], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no 4, pp. 21—31.

Smirnov G. S., Smirnov D. G. Lethargic sleep of the mind: technosphere-noospheric reflections in the era of de-globalization [review of the national scientific conference “Global World and Noospheric Security of Russia”], *Intelligentsia and the World*, 2021, no. 4, pp. 150—160.

The text is a reflection on the national scientific conference “Global Peace and Noospheric Security of Russia”. Along with the formal moments corresponding to conference reviews, the author touches on the reference points of the problem field, denoted in the regional tradition by the category of “noospheric security”. It is shown that the mind of mankind has ceased to cope with the complexity of the rapidly arriving “new world”, as well as “human quality(ies)” has not developed into a universal integrity. Noospheric security is presented as the ability to produce effective socio-anthropological programs of the national ethos aimed at survival and development. It is fixed

that the central issue (and at the same time an attractor) of the noospheric security is co-evolution of natural mind and artificial intelligence.

Keywords: noospheric security, de-globalization of the world, all-human, noospheric catastrophism, noomachy, human quality(ies), national ethos, technospheric serenity, isophilosophy, noospheric concern.

References

- Aksenov, G. P. (2021) V. I. Vernadskii: ot istorii nauki k nepremennomu budushchemu [Vernadsky: from the history of science to the indispensable future], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 3, pp. 98—110.
- Bragin, A. V. (2010) Problema “massy razuma” i ustoichivost’ razvitiia [The problem of “the mass of the mind” and the sustainability of development], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 2, pp. 59—67.
- Bulychev, I. I. (2021) Iskusstvennyi intellekt v zerkale nastorozhennogo filosofskogo diskursa [Artificial intelligence in the mirror of cautious philosophical discourse], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 2, pp. 98—108.
- Finogentov, V. N. (2021) Riskogennost’ nastoiashchego i otchuzhdennost’ budushchego [Riskogenicity of the present and alienation of the future], *Noosfernye issledovaniia* [Noosphere research], no. 3, pp. 4—11.
- Kaznacheev, V. P., Trofimov, A. V. (2004) *Ocherki o prirode zhivogo veshchestva i intellekta na planete Zemlia: problemy kosmoplanetarnoi antropoekologii* [Essays on the nature of living matter and intelligence on the planet Earth: problems of cosmoplanetary anthropoecology], Novosibirsk: Nauka.
- Melikian, M. A. [Melikyan, M. A.] (2016) Etologiya global’nogo cheloveka [Ethology of the Global Man], *Noosfernye issledovaniia* [Noosphere Research], no. 1—2, pp. 118—133.
- Petriakov, L. D. [Petryakov, L. D.] (2021) Noosfernaia bezopasnost’ kak aktual’naia identichnost’ [Noospheric security as an actual identity], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 2, pp. 80—84.

- Smirnov, A. V. (2019) *Vsechelovecheskoe vs. obshchechelvecheskoe* [All-human vs. universal], Moscow: OOO “Sadra”, Izdatel’skii Dom YASK.
- Smirnov, D. G. (2011) Voskhozhdenie soznaniia k razumu: ontogenez i filogenez v noosfernoi istorii [The ascent of consciousness to reason: ontogeny and phylogeny in noospheric history], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 2, pp. 11—26.
- Smirnov, G. S. (2010) Noosfera v vek global’nykh katastrof [Noosphere in the age of global catastrophes], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities], no. 2, pp. 74—91.
- Suleimenov, I. E. [Suleymenov, I. E.], Gabrielian, O. A. [Gabrielyan, O. A.], Kon’shin, S. V. [Konshin, S. V.], Bakirov, A. S., Vitulova, E. S., Shalykova, D. B. (2021) Fenomen “strategicheskoi razvedki” v tsifrovom obshchestve: noosfernaia tranzitivnost’ intellektual’nykh sistem bezopasnosti [The phenomenon of «strategic intelligence» in a digital society: noospheric transitivity of intelligent security systems], *Noosfernye issledovaniia* [Noosphere research], no. 3, pp. 46—57.
- Timoshchuk, A. S., T’iagi, R. [Tyagi, R.] (2021) Sistemnaya bezopasnost’ Rossii i iskusheniia global’nogo mira [Systemic security of Russia and the temptations of the global world], *Noosfernye issledovaniia* [Noosphere research], no. 3, pp. 12—21.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2021 ГОД

Наименование статьи	№
1	2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ	
Олейник О. Ю. О значении научного наследия В. С. Меметова	1
Семенов А. М. Вклад интеллигенции города Иваново в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.	3
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
Балдин К. Е. Служебное положение медицинской интеллигенции Иваново-Вознесенска на рубеже XIX—XX вв.	1
Гусева М. А. Муниципальные служащие и их легитимация через ритуалы и церемонии в Англии XIV—XV веков (как аспект становления управленческой протоинтеллигенции)	3
Ильин Ю. А. Проблемы становления системы народного образования Иваново-Вознесенской губернии в конце Гражданской войны и на начальном этапе НЭПа (по материалам газеты «Рабочий край» 1921—1922 гг.)	2
Орлова С. А., Околотин В. С. Роль вузовской интеллигенции в Первой русской революции (по материалам сенаторских ревизий)	3
Порозов В. А. Интеллигенция и научно-технический прогресс в условиях российской провинции на рубеже 1950—1960-х гг. (по материалам Западного Урала — Пермской области и Удмуртской АССР)	2
Степанов А. В. Время студенчества как этап становления русского интеллигента рубежа XIX—XX веков	4
Федотов А. А., Терентьев В. В. Место интеллигенции в реализации национальной политики советской власти в БССР (1950—1980 гг.)	4

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Вязинкин А. Ю.** «Демократический реализм»
Уолтера Липпмана 1
- Фортуатов В. В.** Ленин и интеллигенция 2
- Эрлихсон И. М.** Концепция гражданского правопорядка
и свободы в поздней публицистике Г. Филдинга 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Дударенок С. М.** Нетрадиционные религии и дальневосточная
интеллигенция в 1990-е годы 1
- Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрябина Е. В.**
Социально-психологические особенности религиозности
представителей научной интеллигенции 3
- Савчук Р. А.** Секуляризация идеи Церкви в трудах научной
интеллигенции Украинской ССР второй половины 1980-х гг. 4
- Ювеналий (Лепешкин), игумен, Усманов С. М.** Флоровский
против Тойнби: экуменический контекст критики теории
цивилизаций 2

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Крюкова Т. Б., Лисова С. Ю.** Категории «экстремизм»
и «терроризм» в социальных представлениях студенчества
(по результатам социально-психологического исследования) 2

ДЕБЮТ

- Бабина А. А.** Святые у трона: модели взаимодействия святых
и светской власти в латинской агиографии IV—VI вв. 4
- Игнатъева Е. А., Шматов М. Ю.** Образы социально-
политических преобразований в СССР в зарубежной
эмигрантской прессе (1929 — конец 1930-х гг.) 1
- Лю Цзяминь.** Интеллектуалы Казахстана о сотрудничестве
Республики Казахстан и Китайской Народной Республики 3
- Ткачев В. В.** Роль художественной интеллигенции в
социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в.
(по материалам периодической печати) 2

ДИСКУССИЯ

- Буданова И. А., Шаповалова А. С.** «Новые идеи» — экспертный взгляд на «умную силу» России 4
- Краузе А. А.** Роль интеллигенции в формировании современного субъекта цифровой реальности 3

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Зайцев А. В.** Игорь Дедков, Кострома: Сентябрь 1957 г. 2
- Праздников А. Г.** Революционные события 1905 г. в Москве, отраженные в дневнике студента-вятчанина 2
- Репников А. В.** Лев Тихомиров на фоне его дневника (1912 г.) 3

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Евсеев В. А.** Джакомо Соранцо — профессиональный дипломат эпохи раннего Нового времени: *Рец. на кн.: Третьякова М. В. Дипломатическая деятельность Венецианского нобилиа XVI века Джакомо Соранцо. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 402 с.* 1
- Иванов Ю. А.** Американский взгляд на русскую усадьбу. *Рец. на кн.: Антонова Пикеринг К. Господа Чихачёвы. Мир помещного дворянства в николаевской России / пер. с англ. М. Семиколенных; науч. ред. С. Антонов. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 456 с. (Серия: Historia Rossica)* 3
- Комиссаров В. В., Соловьев А. А.** «На пользу Отечеству и благое Просвещение»: Библиотечная интеллигенция и война. *Рец. на кн.: Коваль Л. М. Не только оружием: Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны. М.: Пашиков дом, 2020. 208 с.* 4
- Порозов В. А.** Интеллигенты в архитектуре, или Избранные места из переписки друзей. *О книге: Футлик М. И. Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь: [б. и.], 2018. 425 с.* 4

1	2
Самарцева Е. И. Достойная книга о человеке достоинства. <i>Рец. на кн.: Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор: сборник статей / ред. В. В. Комиссаров. Иваново, 2020. 340 с.</i>	4
Смирнов Г. С. «Глобальный профессор» в зеркале методологического супрематизма: русская репрезентация: <i>Рец. на кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.</i>	1
Соловьев А. А., Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в американской научно-популярной литературе: новая биография академика Д. К. Беляева. <i>Рец на кн.: Дугаткин Л., Трут Л. Как приручить лису (и превратить в собаку): сибирский эволюционный эксперимент. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 296 с.</i>	2
Тюленев В. М. Епископ в трудах Исидора Севильского: идеал и реальность. <i>Рец.: на кн.: Биркин М. Ю. Епископ в вестготской Испании. СПб.: Наука, 2020. 368 с.</i>	3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Летаргический сон разума: техносферно-ноосферные раздумья в эпоху деглобализации [обзор национальной научной конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России»]	4
Смирнов Д. Г. Всероссийская научная конференция с международным участием «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация», Иваново, 11—12 декабря 2020 г.	1

AB MEMORIAM

Раскатова Е. М., Будник Г. А., Миловзорова М. А. Памяти С. С. Садиной	2
---	---

CONTENTS

Name of the article	№
1	2

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Oleynik O. Yu.** On the significance of V. S. Memetov's scientific heritage 3
- Semenenko A. M.** Contribution of the intelligentsia of the city of Ivanovo to the Victory in the Great Patriotic War of 1941—1945 1

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Baldin K. E.** The official position of the medical intelligentsia of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX—XX centuries 1
- Guseva M. A.** Municipal employees and their legitimation through rituals and ceremonies in England of the XIV—XV centuries (as an aspect of the formation of the administrative proto-intelligentsia) 3
- Ilyin Yu. A.** Problems of the formation of the system of public education in Ivanovo-Voznesensk province at the end of the Civil War and at the initial stage of the NEP (based on the material of the newspaper "Rabochy Krai" 1921—1922) 2
- Orlova S. A., Okolotin V. S.** The role of the university intelligentsia in the First Russian revolution (based on the materials of senator's audits) 3
- Porozov V. A.** Intelligentsia and Scientific and Technological Progress in the conditions of the Russian Province at the Turn of the 1950s and 1960s (based on materials from the Western Urals — Perm region and Udmurt ASSR) 2
- Stepanov A. V.** Time of studentship as a formative stage of a Russian intelligent at the turn of the XX century 4
- Fedotov A. A., Terentyev V. V.** The place of the intelligentsia in the implementation of the national policy of the Soviet government in the BSSR (1950—1980) 4

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Vyazinkin A. Yu.** “Democratic Realism” by Walter Lippmann 1
- Fortunatov V. V.** Lenin and the intelligentsia 2
- Erlihson I. M.** The concept of civil order and freedom in late
publicism in H. Filding 1

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Dudarenock S. M.** Unconventional Religions and Far Eastern
Intellectuals in the 1990s 1
- Kuleshova I., Minnikov V., Skryabina E.** Socio-psychological
features of religiosity of representatives of scientific intelligentsia 3
- Savchuk R. A.** Secularization of the idea of the Church in the works
of the scientific intelligentsia of the Ukrainian SSR in the second
half of the 1980s 4
- Yuvenaly (Lepeshkin), abbot, Usmanov S. M.** Florovsky vs
Toynbee: the Ecumenical context of Criticism of the theory
of civilizations 2

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

- Kryukova T. B., Lisova S. Yu.** Categories “extremism”
and “terrorism” in the social perceptions of students
(based on the results of a socio-psychological study) 2

DEBUT

- Babina A. A.** The Saints at the Throne: Models of interaction
between saints and secular power in the Latin hagiography
of the IV—VI centuries 4
- Ignatieva E. A., Shmatov M. Yu.** Images of socio-political
transformations in the USSR in the foreign expatriate press
(1929 — late 1930s) 1

- Liu Jiamin** Kazakhstan's intellectuals on the cooperation of the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China 3
- Tkachev V. V.** Artistic intelligentsia in socio-cultural life of Baikal Siberia in the early XX century (based on periodicals) 2

DISCUSSION

- Budanova I. A., Shapovalova A. S.** "New ideas" — an expert look at the "smart power" of Russia 4
- Krause A. A.** The role of the intelligentsia in the formation of the modern subject of digital reality 3

FROM ARCHIVE FUNDS

- Zaitsev A. V.** Igor Dedkov, Kostroma: September 1957 2
- Prazdnikov A. G.** The revolutionary events of 1905 in Moscow as reflected in the diary of a student from Vyatka 2
- Repnikov A. V.** Lev Tikhomirov against the background of his diary (1912) 3

READING AND DISCUSSION

- Evseev V. A.** Giacomo Soranzo — Professional Diplomat of the Early Modern Era. *Review of the book: Tretyakova M. V. Diplomatic activities of the 16th century Venetian noble Giacomo Soranzo. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2018. 402 p.* 1
- Ivanov Yu. A.** American view of the Russian estate. *Review of the book: Antonova Pickering K. The Chikhachevs. The World of the Local Nobility in Nicholas Russia; trans. from English by M. Semikolennykh; scientific ed. S. Antonov. Moscow: New literary review, 2019. 456 p. (Series: Historia Rossica)* 3
- Komissarov V. V., Soloviev A. A.** "For the Benefit of the Fatherland and good Enlightenment": Library Intelligentsia and the War. *Review of the book: Koval L. M. Not only with weapons: The Russian State Library during the Great Patriotic War. Moscow: Pashkov house, 2020. 208 p.* 4

- Porozov V. A.** Intellectuals in architecture, or Selected places from friends correspondence. *About the book: Futlik M. I. Bad Clausura, or The Pursuit of the Wind: in letters, poems and prose. Perm, 2018. 425 p.* 4
- Samartseva E. I.** A worthy book about a man of dignity. *Review of the book: Valery Sergeevich Memetov: scientist, teacher, organizer: collection of articles / V. V. Komissarov (ed.). Ivanovo, 2020. 340 p.* 4
- Smirnov G. S.** “Global Professor” in the Mirror of Methodological Suprematism: Russian Representation. *Review of the book: Class of Russian Professors. Creators of statuses and meanings: collective monograph / trans. from Germ. K. Levinson; trans. from Pol. D. Dobrovolsky; E. A. Vishlenkova, I. M. Savelyeva (eds.) Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2013. 386 p.* 1
- Soloviev A. A., Komissarov V. V.** The soviet intelligentsia in American popular science literature: new biography of academician D. K. Belyaev. *Review of the book: Dugatkin L., Trut L. How to tame a fox (and turn it into a dog): Siberian evolutionary experiment. Moscow: Alpina non-fiction, 2019. 296 p.* 2
- Tyulenev V. M.** The Bishop in the Works of Isidore of Seville: Ideal and Reality. *Review of the book: Birkin V. Yu. Bishop in Visigothic Spain. St. Petersburg: Nauka, 2020. 368 p.* 3

SCIENTIFIC LIFE

- Smirnov G. S., Smirnov D. G.** Lethargic sleep of the mind: technosphere-noospheric reflections in the era of de-globalization [review of the national scientific conference “Global World and Noospheric Security of Russia”] 4
- Smirnov D. G.** Russian scientific conference with international participation “Russian Regional University: informatization, digitalization, humanization”, Ivanovo, December 11—12, 2020 1

AB MEMORIAM

- Raskatova E. M., Budnik G. A., Milovzorova M. A.** In memory of S. S. Sadina 2

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceeol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- *Актуальные проблемы современного интеллигентоведения*
- *Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции*
- *Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран*
- *Интеллигенция и общество в современных условиях*
- *Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории*
- *Международные отношения и личность*
- *Роль религии в развитии мировой культуры*
- *Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла*
- *Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни*
- *Из архивных фондов: публикация исторических источников*

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историкогеографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических ссылок / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во втором файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы (в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (' '),

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

— издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

— место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (' '),

— курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2021. № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2021 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 140. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

Сущностные
черты

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР